

ГЛАВА II. ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ РУССКОГО НАРОДА В ИДЕОЛОГИИ ЧЕРНОЙ СОТНИ

§ 1. Идентификация понятия «русский народ» в идеологии черной сотни

В данной главе будет рассмотрена тема оценки состояния русского народа в идеологии черной сотни. Успешное решение поставленной задачи может быть достигнуто только при определении содержательной трактовки понятия «народ» и «национальность», присущих правомонархической доктрине. Крайне правые не приняли получившее распространение на Западе определение, смысловое содержание и трактовку понятия нации. Консервативные корни и русоцентрический характер черносотенной доктрины заставляли их ограничиваться рамками российского масштаба при разработке понятия «русская народность», рассматривавшейся как сугубо национальная категория, ограниченная национальными традициями. Отказавшись от решения всемирных «универсалистских» задач, черная сотня находила опору в национальных идейных корнях, в частности в русском консерватизме, а не в западных учениях.

Воспринятые русскими националистами идеи европейских мыслителей о неравенстве рас и народов были отвергнуты отечественной консервативной мыслью, стоявшей на позициях признания социальной иерархии, а не этнической¹. А. В. Репников отмечал, что русские консерваторы видели причины государственных нестроений в религиозно-нравственном состоянии народа и не рассматривали развитие комплекса идей национальной исключительности как панацею от социальных бед². Данная мысль находила свое отражение и на страницах право-монархической прессы, в которой нередки были случаи жесткой критики русского народа как основного виновника собственных проблем из-за утраты религиозности. Препятствующим фактором для восприятия крайне правыми расистских идей был присущий им религиозный подход, ставивший приоритет духовного очищения субъекта (нация, человек) перед социально-политическими преобразованиями социума на основе умозрительных доктрин, т. к. источниками нестроений рассматривались причины морального порядка, а не социальные условия жизни³. Идеи расового превосходства и этнической чистоты не могли быть восприняты черносотенцами в силу их антихристианского характера, поэтому плодородную почву для их утверждения представляли секуляризированные сегменты российского политического сообщества, черпавшего идеинные новации за рубежом.

Концепция русской народности в теоретических построениях идеологов правомонархических организаций рассматривалась как защитно-охранительный комплекс идей, выполнявший мобилизующую функцию по защите основ традиционного русского общества, но не фундамент для разжигания ксенофобии и ненависти к представителям других этносов. Включенная в основополагающие документы крайне правых организаций формула «Россия

для русских» в «Обращении» Союза русских людей расшифровывалась следующим образом: «Державные права русской народности суть: первенство Православной церкви, самодержавная власть русского царя, единство строя и подчиненности Государю императору сухопутных и морских военных сил Российской империи и общегосударственное значение русского языка»⁴. С этой точки зрения лозунг утверждал Россию как духовно-территориальное пространство для лиц, рассматривавших Русь как оплот святости и место спасения во Христе. Приоритетом здесь выступала проблема сохранения незыблемости духовных ценностей русского культурно-исторического сообщества от влияния чуждых идеологий.

Пытаясь дистанцироваться от националистов, право-монархисты отказались от расово-биологического критерия определения понятия нации, а также широкого использования самого термина «нация», заменив его народностью. Руководствуясь необходимостью сохранения «единой и неделимой России», идеологи черной сотни осудили этнический национализм, видя в нем конфликтный потенциал осложнения межнациональных отношений в стране. Не желая безоговорочно опираться на теории западных националистов и расистов, они не обращали особого внимания на четкую теоретическую разработку оперируемых ими терминов. Их доктрина не имела генетической зависимости от европейских учений, поэтому даже сам термин «национализм» черносотенцы считали несостоятельным и неприменимым к России. Он был принесен с Запада, будучи рожден в других социокультурных условиях и среде. Их пугало его иностранное происхождение как проявление антиправославной западной мысли, а потому, по мнению правомонархистов, он был малопригоден для реализации практических задач по стабилизации

ции социальных и гармонизации межнациональных отношений в России⁵.

Отрицательно относясь к распространенным в тот момент на Западе теориям, рассматривавшим национальный феномен в контексте расово-биологических факторов, черносотенцы придерживались иной трактовки понятия «нация». В отличие от понимания национальности как определенного типа человеческой общности по крови и единства этнического происхождения черносотенцы вкладывали в этот термин религиозно-политическое и культурное содержание. «Плотское единство» националистов крайне правым казалось недостаточным. «Националисты не считают единство, религию и политический строй за устои государства, находя, что эта вещь сторонняя, как кто хочет, так пусть и понимает», — писало «Русское знамя»⁶.

В своих подходах к определению понятия народности черносотенцы использовали теоретические наработки славянофилов. Народность рассматривалась в нераздельности с православием и самодержавием и не имела самодовлеющего этнического значения. Иными словами, народность понималась как религиозная (православная), политическая (самодержавие) и культурная (язык, быт, просвещение) общность. Содержательная сторона данного понятия была раскрыта в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанном в мае 1912 г. IV Всероссийским съездом Союза русского народа и V Всероссийским съездом русских людей: «...народность, в отличие от национальности и космополитизма, есть триединство 1) вероисповедания, 2) государственности и 3) своеобразной просвещенности, основанной на обособленности языка, страны и нравов (обычаев)»⁷.

Этническому подходу националистов черносотенцы противопоставили «почвенническое» содержание понятия народности, которое рассматривалось как историче-

ски сложившаяся самобытная общность, связанная племенным родством, территорией (всю русскою землею) и возделыванием ее плодов для материального самодовления (удовлетворения своих нужд). Культурный компонент народности определялся как идентичность самосознания народа, обусловленный общностью «языка, науки, просвещения и всего того, что творится в Отечестве всеми средствами человеческого разума для блага общественного и частного». Культурная составляющая в значительной степени являлась производной от религиозного элемента, а потому носила второстепенное значение, что было зафиксировано в Своде понятий русских монархистов: «Народность же требует, кроме языка, истории (быт), нравов, обычаяев и просвещения (культуры), единство: 1) веры, 2) царства и 3) земли»⁸.

Таким образом, под народностью черносотенцы понимали духовно-религиозное, политico-идеологическое, культурно-историческое и соборное единство русских людей⁹. Данная трактовка коренным образом отличалась от пришедшего с Запада понятия нации, в который националисты вкладывали этническое, «кровное» родство, а либералы государственно-гражданскую сплоченность. Сравнивая нацию с народностью, черносотенцы указывали, что нация является понятием более общим по объему и менее содержательным по сути: «Нация есть искусственное общество людей разного рода и племен, разно верующих и не всегда говорящих одним общим языком, но сплоченных одной цивилизацией и подвластных одному государству». Противопоставляя два понятия, крайне правые указывали на необязательность присутствия у нации важнейших атрибутов, составлявших понятие народности. «Национальность может обходиться без веры и величества (французы), рода и племени (австрийки), без страны и земли (жиды), без государственности (цыга-

не, жиды)», — утверждалось в программных документах крайне правых. При утрате одного из базовых компонентов русской народности черносотенцы указывали на опасность ее перерождения в «национальность» или «наци».
«Без вероисповедного единства, царского домостроительства и земской соборности русская народность перестает быть народностью, а становится антинародной не русскою национальностью», — говорилось в Своде основных понятий и положений русских монархистов¹⁰.

Народности противопоставлялся и космополитизм, давая определение которому, крайне правые делали акцент на отсутствии у него каких-либо атрибутов, присущих как понятию народности, так и нации: «Учение о такой безнародности, при которой будто возможно гражданское сплочение, которое охватывало бы всю земную поверхность без различия народности и национальности»¹¹. По мнению черносотенцев, в утверждении космополитизма были заинтересованы «паразитное жидовство и масонство», которые посредством внедрения его в сознание народов пытались ликвидировать охранительно-защитительную функцию нации-народности и обеспечить себе доступ к власти и национальным богатствам страны. В этой связи повсеместное внедрение на Западе понятия нации в вышеуказанной трактовке рассматривалось ими как переходный этап к космополитизму: на пути «прогресса» нация постепенно теряла бы один за другим свои защитные компоненты, разлагалась и превращалась в лишенную национальных черт людскую массу — объект для эксплуатации еврейских банкиров и промышленников. Космополитизму противопоставлялось христианство, которое «объединяет все народы, без разрушения народного облика, масонство же стремится обезнародить народ, как пытается оно обезнародить и обессилить государство и обезверить веру». Исходя из вышесказанного, заяв-

лялось, что и национализм и космополитизм для русской народности одинаково вредны, так как разрушают «народность русскую, уничтожают, в конце концов, русскую государственность и русскую церковность»¹².

Итак, принадлежность к русскому народу определялась через принятие основных компонентов теории официальной народности: православия, самодержавия и народности. В мае 1907 г. газета «Русское знамя» кратко, но емко утверждала: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском»¹³. Они стали идентификационными чертами истинно русского человека. «...Три основные начала сознательно или бессознательно, но, во всяком случае твердо, начертаны в сердце каждого честного русского человека, любящего Родину и верного долгу и присяге», — утверждалось в постановлениях III Всероссийского съезда русских людей¹⁴. Состоявшийся в ноябре 1911 г. в Москве Всероссийский съезд СРН к истинно русским относил лиц, «твердо, до самозабвения исповедующих наши святые основоположения, единственно и исключительно способных осуществить самодержавную волю нашего царя»¹⁵.

Рассмотрим подробнее систему аргументации, предлагаемую черносотенцами при определении понятия русской народности.

1. Принадлежность к православию как трактовка рускости. Основной характеристикой рускости являлась православная религиозная традиция, сформировавшая за тысячетенную историю русский народ, систему его взглядов и определившая его национальный облик. По заявлению состоявшегося в 1909 г. в Москве Монархического съезда, православие «создало сущность русской национальности, всегда являясь единственно прочным и жизнетворным началом...»¹⁶. Черносотенное «Русское знамя» писало,

что православие есть «целое мировоззрение, веками воспитанное, народом воспринятое в свою душу как родное, как единое истинное, как основа его жизни, и это мировоззрение закон народа должен не только охранять, но и воспитывать в сынах народа, если хочет быть родным народу, священным для него»¹⁷. Тезис о роли РПЦ был заимствован у русских консерваторов и почвенников, в частности Ф. М. Достоевского, писавшего: «Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что православие все»¹⁸. Данное мнение поддержал И. А. Ильин, заявивший: «Православие научило нас освящать молитвою каждый миг земного труда и страдания: и в рождении, и в смерти; и в молении о дожде, и в окроплении плодов; и в миг последнего, общего молчаливого присеста перед отъездом; и в освящении ратного знамени, и в надписи на здании университета; и в короновании царя, и в борьбе за единство и свободу Отчизны. Оно научило нас желанию быть сятою Русью»¹⁹.

Черносотенцы рассматривали православие как национальную веру, ставшую стержневым элементом складывания самобытного облика русского народа. Исходя из разработок консервативных мыслителей (Ф. М. Достоевского и И. А. Ильина), народ в крайне правой системе взглядов воспринимался не только как субъект истории, социальный организм, но как духовная общность. Черносотенцы подчеркивали, что влияние православия и русского народа друг на друга было обоюдным. За многовековую историю взаимоотношений православие, по выражению крайне правой прессы, «прониклось духовными запросами русского племени, став его народной верой». «Сохранив неприкосновенную чистоту догматов, Русская православная церковь приобрела национальный характер...», — заявлял в марте 1907 г. на монархическом собрании студент-академист Б. Надеждин²⁰.

Из данного посыла следовал тезис об определяющей роли православия в формировании самой русской народности и выработке ее отличительных от других народов черт. «Русское народное самосознание верой православной рождено, воспитано, укреплено и освящено, которая и положила в основу русской государственности не деспотическую (варварскую) силу, а начала христианской любви и нравственности», — говорилось в официальном документе Союза русского народа²¹. РПЦ выработала единую систему нравственных идеалов и духовных принципов русского народа, в частности понятия совести, справедливости, святости, греха, правды, добра и зла, милосердия, братства, чувство достоинства, сочувствие к бедному, слабому, больному, ответственность гражданина перед царем и Богом²².

Вслед за основоположниками славянофильской и «официально народной» доктрины черносотенцы указывали на православную религиозность как фактор, обеспечивающий наличие у русского народа таких духовно-нравственных качеств, как верность, взаимоподдержка, жертвенность, соборность, солидарность, терпение, позволивших России выстоять в тяжелые исторические периоды, выдержать внешний натиск, создать великую империю: «Прошедший тяжелый исторический путь, не раз оказываясь на краю гибели, русский народ выработал в себе непреоборимую стойкость и крепость духа, готовность к перенесению невзгод и готовность к страданиям»²³. Православие проникло во все сферы жизни русского народа, став основой его политической, общественной и семейной жизни, что давало огромную нравственную силу и христианское терпение переносить страшные потрясения русской истории: удельное время, монгольское иго, Смутное время, крепостное право, нашествие Наполеона²⁴.

Успех православия объяснялся его соответствием характеру и духовным потребностям русского народа, которому черносотенцы приписывали природную религиозность и вечный поиск божественной истины. Идеолог Союза русских людей Ю. П. Бартенев утверждал, что христианское учение пустило глубокие корни в менталитете русских: «Русский народ, глубоко проникшись бытовою стороныю православия, смотрит на жизнь земную как на подготовление к бытию загробному...»²⁵ Присущая русскому национальному типу религиозность как психологическая черта в сентябре 1909 г. подчеркивалась и «Русским знаменем»: «Русский народ — религиозный по преимуществу, начиная крестьянином и кончая дворянином. Искашение Бога живого составляет ту характерную особенность русского человека, которую не отрицают и враждебные духу народному выродки русского общества, всевозможные “левые”²⁶. Соответствие православного вероучения духовным исканиям восточных славян утверждалось и в программных документах крайне правых организаций. «...Русский народ на заре народной своей жизни... воспринял христианство православное, а не инославное, и потому, что само православие сохранило истину во всей ее целости и неприкосновенности», — говорилось в Своде основных понятий и положений русских монархистов²⁷.

По мнению крайне правых, православие наиболее отвечало характеру и психологическим чертам восточного славянства, что сделало процесс восприятия «греческой веры» безболезненным. При выборе религии русский народ «инстинктивно почувял, что только православие дает “полную свободу и господство совести”». Потребность в совести составляла уникальную черту восточного славянства, проявлявшуюся даже в их языческой мифологии, которая не была проникнута враждой, кровью, насилиями (что проявлялось у западных народов). «Языческие боги

славян были добродушными и бескорыстными, как и сами славяне», — писала черносотенная пресса²⁸.

Приоритет религиозного компонента над этническим при определении национальности распространялся и на другие народы. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания крайне правой литературы: «В Германии мужик и лютеранин, и католик, и реформатор, как придется. Во Франции — мужик католик, кальвинист и гугенот. В России же мужик только православный»; «И как русского человека нельзя представить себе иначе как православным, так и поляка иначе как католиком, татарина иначе как магометанином»²⁹.

Исходя из этого тезиса, черносотенцы делали вывод, что утрата духовного компонента приводила к потере принадлежности к народу. Вслед за Федором Достоевским, утверждавшим, что «неправославный человек не может быть русским», принадлежность к православию провозглашалась главным признаком russkosti. В несколько иной интерпретации эта мысль была озвучена видным черносотенцем Н. Е. Марковым в ноябре 1915 г. на Всероссийском монархическом совещании в Нижнем Новгороде: «Русский народ крепко связан своими верованиями, и если он перестанет быть православным христианином, он перестанет быть собственно русским»³⁰.

Данное положение было зафиксировано в большинстве программных и руководящих документов крайне правых, в частности в «Памятке» Союза Михаила Архангела. Измена православию неизбежно вела в стан врагов Родины, что было сформулировано одним из видных черносотенцев Густавом Шмидтом: «Потеряв веру, русские становятся космополитами и революционерами»³¹. Даже принятие инославной христианской веры не могло спасти от данного приговора: «Русский человек, совершенный в баптизм или другую секту, перестает быть рус-

ским, он ненавидит русского православного человека, не любит русского царя и вешает в своем доме портрет Вильгельма, его родиной становится Германия, и облик этого русского делается немецким»³². Лишенный православного ядра и самодержавного политического стержня народ превращается в многомиллионную этническую массу, с разновекторными устремлениями, делающими его уязвимым для внешних и внутренних врагов. Наоборот, принятие православия являлось пропуском в среду русского народа. «Когда спрашивают про кого-либо родом из Польши или с польской фамилией, он поляк? Отвечают: нет, православный. Если он родился в Польше и поляк родом, но веры не католической, а православной, то он этим самым считается уже русским», — разъясняла черносотенная пресса³³.

2. Самодержавный монархизм как трактовка русности. Идентифицирующим признаком истинно русского человека являлся также пристекавший из православия монархизм. Черносотенцы отстаивали тезис, что для подлинно верующего православного христианина признание неограниченной самодержавной монархии как единственной возможной формы правления являлось очевидным. Крупный исследователь черносотенного движения С. А. Степанов писал, что для «черной сотни принадлежность к господствующей нации определялась не столько национальностью или религией, сколько степенью преданности престолу»³⁴. В этом утверждении есть некоторое унижение принципа религиозности, что в отношении «коренных русских людей» не вполне верно. Если православие рассматривалось правомонархистами как идеальный фундамент самодержавия, то отношение к самодержавию определяло глубину веры индивида. По сути, это были две стороны одной медали, определявших понятие русскости: православие являлось его духовным проявлением, в то

время как самодержавие — политико-мировоззренческим воплощением.

Отождествление понятия «русский» с верностью самодержавию постоянно подчеркивалось крайне правыми идеологами. «Можно было бы указать отступников православия, преданных отвлеченной идее монархизма, даже преданных лично тому или другому русскому государю, но изменника православию преданного идеи русского царского самодержавия не только указать, но и представить невозможно. С другой стороны, при иных исторических условиях существование людей православных, но отрицающих самодержавие или равнодушных к нему, вполне понятно и нормально. Другое дело — в России русскому нужно изменить самодержавию, нужно отречься от «всей родной святыни», искать исцеления у иных, мертвых и нелепых богов. Трудно совместить такое национальное отступничество с верностью православию. И мы видим, на деле даже лучшие из таких отступников быстро охлаждаются к народной вере, или еще чаще и хуже пытаются отыскивать в православной вере и церкви демократические и иные любезные им начала», — заявлял на собрании монархистов Б. Надеждин³⁵.

Отказ признать самодержавие национальной формой правления с точки зрения правомонархистов автоматически вел к отрещению от принадлежности к русскому народу. Черносотенная печать всячески напоминала, что приверженность монархии является русской национальной чертой: «Тот, кто не православен, тот не русский: он уже выродок. Тот, кто не предан царю, также не русский, потому что эта преданность есть наследие тысячелетних верований»³⁶.

По мнению русских консерваторов, благодаря православию русский народ выработал отличную от восточного деспотизма и западного абсолютизма форму монархиче-

ской власти, которая являлась наиболее приближенной к идеальному типу монархии вообще³⁷. Русское самодержавие рассматривалось правомонархистами как классическая монархия, в то время как существовавшие в мировой истории другие образцы являли собой пример отклонения от нормы. Главная отличительная черта самодержавия состояла в выражении им религиозно-нравственного и этического идеалов русского народа. «Монархия есть верховенство того самого этического начала, которое является сущностью всякой личности данной нации», — утверждал председатель Монархической партии И. И. Восторгов в книге «Монархический катехизис». Иными словами, русская монархия являлась зерцом политическим проявлением или производной мировоззренческих представлений русского народа. «Идея “Царь” есть идея стихийного всего многомиллионного русского народа. Эта идея — вне корысти и честолюбия, естественное ее движение — идея народного блага, и весь вопрос заключается в создании таких условий, при которых эта идея могла бы жить и своим светом правды и справедливости осенить жизнь народную и вести ее по пути прогресса и духа материального улучшения», — писало «Русское знамя» в январе 1908 г.³⁸

Аргументируя нравственную основу самодержавной власти, черносотенная пресса не скучилась на декларации о духовном родстве русского народа со своим православным царем, связь которых имела религиозно-духовную основу: «У царя и народа — одно сердце и одна душа. У нашего царя и русского народа — один учитель и наставник — Иисус Христос. У царя и народа — один Отец — Царь небесный»³⁹. Доказательную базу составляли печатавшиеся на страницах «Русского знамени» поговорки, в которых проявлялось отношение русского народа к своему царю: «Русский народ инстинктивно понял общность своего мироизмерения с царским. В своих сказках он забытого Иванушку-дурачка

делает царем, замарашка делается царицей. В своих пословицах он говорит: “Народ думает, царь ведает”, “Как весь народ вздохнет, до царя дойдет”. С другой стороны, расхитители царского самодержавия, кто бы они ни были, считаются русским народом одинаково опасными как для себя, так и для царя, что народ высказывает, говоря: “Царево око видит далеко, а из-за тына и царю не видать”, “Приспешники царю застят, народу напастят”, “Царские милости в боярское решето сеются” и т. д. и перенося всю свою ненависть в периоды гнета не на царя, а на временщиков, как, например, на Малюту Скуратова, на Бирона и на других. На русского царя только тогда переносится народная ненависть, если он уклоняется от православия или от совести, — что, конечно, одно и то же, что, например, и случилось с так называемым Лжедмитрием и с Борисом Годуновым, который народом назывался царем-иродом»⁴⁰.

В воззрениях русских консерваторов и правомонархистов, самодержавие в наибольшей степени, чем какая-либо иная форма правления, соответствовала характерным чертам русского народа, которые определялись как особые монархические качества: политический консерватизм, рожденный монархизм, покорность властям, аполитичность, неприятие инакомыслия и правового государства⁴¹. Рассмотрим эти черты подробнее.

Аполитичность. Черносотенцы приняли идеи государственников-охранителей и славянофилов об аполитичности русского народа, являвшейся следствием присущей ему религиозности. Утверждая, что народные массы не стремятся участвовать в управлении государством, крайне правые часто использовали в своих программных документах и на страницах печати рожденную славянофилами формулу: «Внешняя правда — государству, внутренняя правда — земле; неограниченная власть — царю, свобода мнения и слова — народу»⁴². Представления о предназна-

чении русского народа жить на земле и в Боге четко выразил неославянофил Д. А. Хомяков, утверждавший: «Народ, живущий верой и бытом, твердо стоит на принципе самодержавия, т. е. устранения от политианства, в котором видит лишь “необходимое (или неизбежное) зло”, которое возлагает, как бремя, на избранное и жертвующее собою для общего блага лицо — государя...»⁴³

Следуя этим размышлению, крайне правые идеологи пропагандировали идею о том, что русский народ, добровольно отрекаясь от власти, передает правление царю: «Народ может наслаждаться полным счастьем, когда вся власть над ним сосредоточена в одних руках, когда им управляет одно лицо, то есть монарх, который своей могучею властью устраниет противоречия, все различия во взглядах мелких начальников», т. е. также нейтрализует противостояние внутри бюрократического аппарата⁴⁴. Помимо отвлеченно религиозной аргументации монархисты применяли и аргументацию из практической области, указывая, что для решения государственных вопросов народ не обладает достаточной компетенцией, уровнем образования и времени в силу занятости производством материальных благ⁴⁵.

Новинование власти как этическому принципу. Исходя из присущей консервативной идеологии установки об иерархическом строении общества, повиновение и покорность государству определялись правомонархистами как неотъемлемые черты русского национального характера. «Ты один, государь, должен стоять выше всех законов и умягчать своей властью несовершенство их и должен стоять, никем не заслоненный пред своими подданными...», — говорилось во всеподданнейшем адресе собрания Монархической партии⁴⁶. А. В. Репников отмечал, консерваторы приписывали русскому народу высокий уровень ожиданий от государства, персонифицировав-

шийся в лице его главы. Со времен Ивана Грозного в народе культивировался сформулированный им тезис о по-виновении православному царю как части христианского благочестия. Это трактовалось как утверждение патриархально-семейных отношений между царем-батюшкой и его народом, но не проявление рабской покорности⁴⁷. Утверждая, что потребность в смирении и послушании рассматривалась консерваторами не как аномалия, а норма, исследователь приводит мнение К. П. Победоносцева, отмечавшего, что «искание над собой власти» представляется естественную психологическую черту людей и является проявлением не «рабской сущности», а следованием нормам Нового Завета. В контексте данных представлений «государство и власть защищают народ, монарх подобен “отцу”, а его поданные “детям”»⁴⁸.

Мнение К. П. Победоносцева было развито Л. А. Тихомировым в книге «Монархическая государственность»: «Это очень глубоко подмеченная черта нашей психологии — черта, которую можно назвать женственною... Она вовсе не есть выражение слабости, по крайней мере, по существу, но выражает поэтическое созерцание идеала, искомого нами и чарующего нас в частных воплощениях своих, вызывающего наше преклонение и подчинение, ибо идеалом нельзя владеть, а ему можно только подчиняться как высшему для нас началу»⁴⁹.

Данная черта выражала целую серию присущих русскому народу государственно-политических достоинств: смирение, скромность, искание идеального, вековая терпеливость, подчеркивая которые, черносотенная пресса писала: «Русский народ — аскет, народ-страстотерпец... Стремление страдать во Христе создало в русском народе и вообще в православных свойство безропотно нести свой крест, быть твердым в своих убеждениях и не употреблять против насилия насилие... русский народ безропотно и

твело нес татарское иго, век Ивана Грозного, боролся с суровой природой и нашествиями иноплеменников, а со временем Петра начал нести иго рабства и попрания всех его человеческих прав, как, например, во времена Бирона — иго, перед которым бледнеет весь татарский гнет»⁵⁰. Следствием способности к повиновению власти был исторический успех русского народа: «Народ беспрекословно повиновался воле государя и с помощью самодержавия и церкви Православной развил свою национальность, подчинил сотни племен, даже культурнее себя, и укрепил русский дух на шестой части земного шара»⁵¹.

Врожденный монархизм. Черносотенцы выдвинули тезис о том, что единоличная власть отвечала природе русского народа. Естественный монархизм славян проявился еще до принятия христианства призванием варягов, от которых потребовали установления сильной власти и прекращения беспорядков⁵². Монархия объявлялась производной от национальных интересов народа. «Не верю в коллективный ум, а потому и в парламентаризм. Верю только в монархизм», — отражал мнение миллионов своих соратников на съезде монархистов в 1906 г. священник Пестряков⁵³.

В воззрениях черной сотни только неограниченная самодержавная монархия могла обеспечить условия для следования Россией предначертанным свыше самобытным путем, обеспечить порядок и стабильность функционирования православного социума, обуздать внутренние и внешние деструктивные силы, раскачивавшие лодку государственного корабля. Неприятие западноевропейских демократических институтов, правового государства и инакомыслия зафиксировано в обращении к царю собрания Монархической партии, которое в августе 1906 г. заявляло: «Но ни в каком случае народ твой не признает над собою власти никаких парламентских безответственных

властителей, а только единого ответственного перед Богом и историей царя, и скорее погибнет в кровавой смуте, нежели даст надеть на себя ярмо конституции»⁵⁴. Такая же мысль была высказана и в мае 1911 г. в «Русском знамени». «Кому будет с радостью повиноваться русский православный народ — царю ли самодержавному, помазаннику Божьему, или 500 самодурам, с деятельностью которых и благожелательством к себе он уже познакомился?» — задавались вопросом редакторы газеты «Русское знамя»⁵⁵.

С точки зрения черносотенных идеологов, представляя самобытную форму государственного управления, самодержавие вытекало из национальных качеств русского народа и его религиозных верований, что порождало у православного социума внутреннее стремление к истинно монархической власти. «Главная ценность самодержавия заключается не в его достоинствах, а в том, что оно — символ известного духовного строя народа», — тиражировал высказанное славянофилами утверждение на своих страницах печатный орган СРН газета «Русское знамя»⁵⁶. У славянофилов правомонархистами была заимствована идея о том, что неограниченная монархия соответствовала социальному строю русского народа, в основе которого лежали связь царя и народа через православие, сословность и патриархальные устои общества. Важным качеством русской монархии называлось служение интересам православного социума всему русскому народу, а не интересам отдельных социальных групп. Таким образом, по мнению правомонархистов, сформировавшееся на русской почве самодержавие было тесно связано с мироцентризмом народа и всем его бытом⁵⁷.

В славяноильском духе черносотенцы доказывали, что имевшие место в истории России бунты и мятежи никогда не были направлены против института неограниченной самодержавной власти, не ставили целью получение

либеральных свобод и расширение прав, а имели экономическую подоплеку, стремление обуздить злоупотребления бюрократического аппарата и всегда носили религиозно-нравственную окраску. Крайне правая пресса заявляла, что на протяжении всей своей истории русский народ никогда не изменял монархической форме правления: «Загляните бегло в русскую историю, и вы найдете... что от интриг, неправды и лихомства “приказных”, от духовного убожества и гнета правительства — народ бежал в дремучие леса, и там, оставаясь верным своим вековым идеалам, он воздвигал святые, православные монастыри — будущие оплоты государства — и молился за Россию и самодержавного царя»⁵⁸. Данное обстоятельство отмечалось и А. В. Репниковым при анализе взглядов русских консерваторов⁵⁹, что еще раз подчеркивает существенные консервативные черты правомонархической доктрины.

По мнению крайне правых, особые монархические качества русского народа проявлялись в критические моменты русской истории, когда появлялась возможность смены формы правления. Указывая на естественный «монархизм» русского народа, черносотенцы заявляли о возможной республиканской альтернативе России после смерти Ивана Грозного и прекращения династии Рюриков: «...свободный народ мог установить конституцию, республику, завести выборных царей, сильно ограниченных в своей власти, как в соседней Польше. Но народ оставил самодержавие...»⁶⁰. Такая же альтернатива возникла и двумя столетиями позже — в 1812 г., когда русский народ имел возможность «сменить свое позорное рабство на ту, золотую якобы, республиканскую свободу, которую им предлагал Наполеон...»⁶¹

Необходимость сохранения самодержавия, по мнению крайне правых, остро актуализировалась в связи с имевшими место в России в начале XX в. модернизационны-

ми изменениями, приводившими к росту социальной напряженности, что создавало благоприятные условия для деятельности либеральных и революционных организаций. Черносотенные идеологи указывали, что успех левой агитации носил временный характер и не имел перспектив стать настоящей системой взглядов русского народа, так как рано или поздно столкнулся бы с его внутренним мировоззрением: «Набить революционной трухой голову какой-нибудь курсистке левые могут, взбунтовать полуграмотных рабочих они тоже могут, но изменить пути внутреннего развития русской национальной души, опровергнуть хотя бы Тютчева и Леонтьева и лишить их действенной силы — для этого у жидов силенки не хватит»⁶².

Правомонархисты считали увлечение революционными идеями некоторой части народа явлением мимолетным и обусловленным переходным этапом: «Русский мужик — монархист и черносотенец; прикоснувшись к современному “образованию”, он становится “критиканом” и отчасти революционером; но, достигнув настоящей образованности, русский человек опять становится монархистом и черносотенцем, какими были Достоевский, Тютчев, Леонтьев»⁶³. Глубокоукорененное православие и врожденный монархизм проявятся, как только человек подойдет к так называемой «точке невозврата»: «Интеллигентные безбожники долгое время могут путать простого русского человека и таскать его по “окольным путям”, но когда они, наконец, подведут его к иконе и скажут: “Плюнь на икону”, то простой русский человек забудет все “окольные пути”, по которым его водили, размахнется и трахнет плюгавенького интеллигентишку по уху своим могучим трудовым кулаком»⁶⁴. Черносотенцы приводили в пример Максима Ковалевского, судьба которого показала, что влияние левых идей не носит безграничного характера и не имеет глубокого укоренения. Ковалевский всю сознатель-

ную жизнь был врагом православной церкви, критиковал русские народные идеалы и традиции. В конце жизни он ужаснулся содеянному, пересмотрел свои взгляды и вернулся в лоно церкви, что вызвало бурю негодования левых и заявления П. Н. Милюкова о его сумасшествии⁶⁵.

Постоянство национального характера приводило черносотенных идеологов к мысли о permanентности самодержавия как отвечающего природе русского народа. «Народ, создавший самодержавие, глубоконациональный образ правления, прекрасно уживающийся со свободой граждан и с участием в государственных делах по форме Земских соборов, остался и в ХХ в. таким же убежденным сторонником единоличной власти повсюду», — утверждала черносотенная пресса⁶⁶. Теоретическое обоснование этому факту дал глава Русской монархической партии И. И. Восторгов: «Основными элементами государственной структуры являются нация или народ и верховная власть. Под именем нации объединяется вся масса групп и лиц, порождающая данный государственный порядок, организуемый верховною властью. Тем не менее нация и государство не тождественны по своему содержанию: государство есть только один из союзов, связующих членов данной нации, и нация только некоторою частью своего существования живет в государстве, не будучи поглощаема им всецело. Нация не только способна перестраивать формы образуемого ею государства, но способна и пережить его полнейшее крушение и восстановить его много веков спустя»⁶⁷.

Из природной присущности самодержавия русскому народу следовал вывод о недопустимости искажения верховной власти, что может повлечь угрозу для существования самого русского народа: «Россия как носительница идеи совершеннейшей формы монархии, идеи православного царя, может и должна заимствовать, перениматъ,

усваивать и развивать все истины чистой науки. Но высшие государственные учреждения, через которые проявляется воля верховной власти, законы, формы обложения и все общественные учреждения, она должна развивать самобытно, строго сообразуясь с народным духом, так как нации и государства развиваются, крепнут и гибнут исключительно благодаря только своему государственному праву»⁶⁸.

Для национальных меньшинств именно верность самодержавию (а не православию) оказывалась определяющей при идентификации принадлежности к русскому народу. Если для коренного русского православие и монархизм являлись необходимыми требованиями для признания их истинно русскими людьми, то инородец мог исповедовать свою традиционную религию, но если он принимал самодержавие как единственно допустимый в России способ правления, то имел шанс называться истинно русским человеком.

Таким образом, термин «истинно русский» в отношении инородцев означал прежде всего политическую принадлежность. Поэтому руководство СРН предпринимало меры по созданию Мусульманского союза русского народа из казанских татар. В ряде мест функционировали отделы крайне правых союзов, состоявших исключительно из представителей национальных меньшинств. Так, по данным И. Е. Алексеева, в 15% отделов крайне правых союзов Казанской губернии большинство членов составляли чуваши, а три отдела Царско-народного русского общества состояли из мусульман. Помимо этого в губернии действовало самостоятельное Царско-народное мусульманское общество⁶⁹.

Полной противоположностью выступали евреи, которым правомонархисты приписывали враждебное отношение к устоям русского традиционного общества и

стремление революционными методами установить в России свое господство. Впрочем, некоторая часть евреев пыталась доказать свою лояльность властям. В Одессе в феврале 1910 г. возникло «Общество евреев, молящихся за царя» Моисея Кениса, пытавшееся примкнуть к черносотенному движению⁷⁰.

3. Культурно-психологическая и историческая общность как трактовка russkosti. В дополнение к конфессиональному и политическому элементам принадлежности к русской народности черносотенцы добавляли также культурно-психологическую и историческую составляющие, под которыми понималось служение русскому государству, принятие базовых ценностей русской культуры и традиций, жертвенное участие в судьбе страны, верность ее историческим заветам, принятие ее прошлого.

В первую очередь, культурно-психологический и исторический критерии относились к представителям нерусских по этническому происхождению лиц, чьи предки ратным трудом доказали преданность России и разделили историческую судьбу страны: «Да где же вспомнить, хотя бы приблизительно, всех инородцев, всех, рожденных мусульманками, грузинками, француженками, польками, литвинками, гречанками, шведками, немками и даже финляндками и все же ставших настоящими русскими людьми, готовыми отдать, да и отдавших всю свою жизнь, всю свою кровь, все свое состояние в пользу родины»⁷¹.

Трактовка принадлежности к русскому народу в категориях религиозного и политического факторов давала правомонархистам возможность преодолеть присущую националистам узость этнического или «кровного» критерия и войти в состав державного народа представителям других этносов, признававших имперские интересы России приоритетными по отношению к своим собственным и не проявлявших к ним враждебности в какой бы то ни

было форме. Расширительная трактовка russкости была зафиксирована в программах большинства черносотенных организаций. В официальном документе Союза Михаила Архангела сынами России признавались «лица других вероисповеданий, кроме иудейского, но с тем непременным условием, чтобы свои отдельные интересы, племенные и вероисповедные, они отнюдь не противополагали, а подчиняли и сливали с общими интересами Российского государства»⁷².

Данная трактовка культурно-психологического фактора и исторического служения России обеспечивала, по мнению правомонархистов, интеграцию в состав russкого народа представителей достаточно широкого спектра нерусских этносов. Крайне правая пресса писала: «Как сметь, наконец, не признавать russкими мучеников долга, отдавших родине свою жизнь, свое время, свое состояние. Понадобился бы целый том, чтобы перечислить нерусские имена russких патриотов от петровского ЛефORTа и Ганнибала до современных Алиханова и Каравгозона, от Екатерины Великой до супруги Александра I, от Карамзина до Тагиева, от князя Цициanova, завоевателя Кавказа, — до Меллер-Закомельского, от генералов Дибича, Багратиона, Барклая-де-Толли, Кауфмана до Раненкампфа, Рейбота и фон дер Лауница, от Пушкина до Лермонтова...»⁷³

4. Соборность как форма организации russкого народа. Одним из идентифицирующих признаков принадлежности к russкому народу для черносотенцев являлась соборность, которая в широком смысле подразумевала единение народа, выражаемое «в слове и деле всеми его членами вместе и каждым в отдельности». Она охватывала все сферы жизни народного организма, став одним из компонентов определения понятия народности, которая «есть соборность рода, языка и быта страны (отечества, родины), связанная верою, просвещением и предопреде-

ленною Господом Богом целесообразностью»⁷⁴. Соборность выполняла интегративную и охранительно-защитную функции, исходя из которых приобретала следующие основные формы:

гражданско-правительственная соборность как форма единения народа с царем, то есть своеобразный патриархальный демократизм, обеспечивавшей коммуникацию между верховной властью и подданными. Противопоставляя ее западноевропейским парламентским учреждениям, крайне правые указывали, что член собора — не представитель народа в стане царя, а «свидетель о жизни народной перед лицом самого народа, возглавляемого царем»⁷⁵;

церковная соборность как форма организации и единения православных верующих: «Церковно-соборное действие есть свидетельство представителей церкви о вере Богом врученной им паству. Правое веры свидетельство перед лицом церкви вводит ее в общественное сознание, утверждает и расширяет ее во все концы»⁷⁶;

земская народно-общественная соборность, выполнившая интегративную роль обеспечения связи русского человека со своим социальным слоем, обществом и народом в целом. Данный вид соборности рассматривался как «свидетельство всех чинов людей о правде народной: о его жизни, нуждах, думах и чаяниях» и имел преимущества перед партийностью, так как обеспечивал возможность реализации качества (истины) перед количеством (большинством). Здесь черносотенцы исходили из мнения, что сила соборных постановлений заключалась не в численности, их провозглашающих, а в истинности провозглашаемого как «вечного проявления неизменной правды Божией». Ссылаясь на опыт демократических стран, крайне правые указывали, что «большинство голосов» часто обеспечивается умышленной подтасовкой, а иногда складывается неразумно случайностью⁷⁷.

Другой функцией земской народно-общественной соборности являлась охранительно-защитная. Исходя из положения о том, что русский человек принадлежит русской цивилизации, пока сохраняет связь с малой родиной и своим социальным слоем, черносотенцы указывали, что в отрыве от своей среды русский человек подпадает под соблазны западничества, духовно и физически разлагается. «Пожив в городе или где-нибудь на “шахтах”, — мужик очень часто возвращается в деревню хулиганом, ни к селу ни к городу толкует о “швабодах” и поносит начальство», — писала в январе 1916 г. черносотенная пресса⁷⁸.

Согласно исследованию А. В. Репникова, русские консерваторы традиционно рассматривали общину как основу охранительства в государстве, т. к. отношения в ней были построены на особом, религиозном понимании бытия⁷⁹. Вслед за ними ортодоксальное крыло правомонархистов считало необходимым консервацию общины как преграду на пути внедрения капиталистических отношений в деревне, вызывавших расслоение крестьянства и создававших основу для подрыва самодержавной системы. Одна из причин первой российской революции виделась в том, что проведенная в 1861 г. крестьянская реформа, во-первых, лишила помещиков возможности оказывать воспитательное влияние на крестьян, во-вторых, открыла дорогу для проникновения в сельский мир «неблагонадежных» элементов, что в совокупности создало условия для ослабления внутриобщинных связей, приведших к стремлению крестьян решать возникающие вопросы нередко незаконными мерами⁸⁰.

Исходя из вышеизложенных критериев, черносотенцы весьма расширительно толковали термин «русский народ», включая в его состав украинцев и белорусов, что определило его триединый характер. «Под именем “русской народности” мы понимаем: великоруссов, малорос-

сов и белорусов...», — заявила черносотенная пресса⁸¹. Принятие указанных народов в русскую семью обуславливалось общностью православной религии, истории, национальной культуры и психологии, что констатировали в своих программах крупнейшие крайне правые организации — СРН и СМА. В данном случае черносотенцы следовали официальной идеологии, считавшей русским все православно-славянское население Российской империи и отказывавшейся видеть в украинцах и белорусах отчужденные от великороссов народы. Наличие у последних собственной национальной культуры и языка трактовалось как локальные проявления единого целого⁸².

Как видим, данные выше характеристики фиксировали размытость этнического компонента в определении понятия «русский». Трактуя народность в религиозном, политическом и культурном контексте, черносотенцы делали в этой связи вывод о том, что истинно-русским человеком можно стать, приняв базовые ценности русского культурно-исторического сообщества. О малозначимости для черносотенцев этнического происхождения говорит то, что они признавали немецкое происхождение царской династии. На страницах «Русского знамени» указывалось, что предки бояр Романовых вели свою родословную от прусского короля Войдевита, внука которого Гландус Камбила в 1283 г., спасаясь от немецких крестоносцев, бежал к русскому князю Дмитрию Александровичу. При крещении прусака Гландуса, ставшего родоначальником Романовых, назвали Иваном, а прозвище дали по звуанию с прежним — «Кобыла» (Камбила)⁸³.

Для черносотенцев пример династии Романовых, веками верой и правдой служившей России, являл собой ошибочность националистического подхода определения русскости по крови. Иными словами, русскость являлась

не генно-этнической конструкцией, а категорией духовного порядка, подразумевавшей православное и самодержавно-государственное миропонимание. Данный подход подтвердил видный черносотенец И.И. Восторгов, который в своем труде «Монархический катехизис» вообще не включил этнический компонент в определение понятия народности, рассматривая ее как «общество, объединенное на основах единства духовных и материальных интересов — территории, географических условий, языка, верований, исторических условий развития и т. п.»⁸⁴.

Черносотенная идеология исходила из фундаментальных ценностей консерватизма, среди которых народ (нация) рассматривался сакральной общностью, предопределяющей судьбу составляющих ее социальных слоев, групп, личностей. Для консервативной идеологии народность формировалась определенный тип личности через систему нравственных норм, человеческих взаимоотношений, способ жизни и ведения хозяйства.

Для крайне правых слова «черносотенец» и «русский» являлись синонимами. Данную мысль четко сформулировало в январе 1916 г. «Русское знамя»: «Русский человек должен быть православным — правым, и если русский не православный, то он — не русский»⁸⁵. Данная трактовка russкости неизбежно включала всех носителей вышеуказанных религиозных и политических взглядов как сторонников крайне правых организаций. «Нам не приходится пропагандировать свои идеи в народе, как то делают все политические партии почти без всякого успеха, если не считать обман и насилие за успех», — заявлялось в 1906 г. в Киеве на III Всероссийском съезде русских людей.

Таким образом, в черносотенной идеологии под народностью понималось духовно-религиозное, политическое, культурно-психологическое и соборное единство русских людей. Националисты делали приоритет на этнической

идентичности (родстве), а либералы на государственно-гражданском единстве. В современной литературе также встречаются подходы рассмотрения нации и как культурно-исторической и языковой общности (общности исторической судьбы, религии, языка и культуры), и как этнической общности, основанной на кровном родстве. С этой точки зрения в своих подходах к понятию нации черносотенцы опередили свое время, так как понятие народности в правомонархическом варианте трактовки несло прежде всего идеологическую начинку, что позволяло преодолеть фактор этничности.

Идеологию правомонархических организаций России начала XX в. достаточно сложно отнести к националистической и шовинистической, поскольку главными качествами russкости в их представлении было православное вероисповедание и верность самодержавным устоям. Этническое происхождение имело гораздо меньшее значение, что стало идеологическим новшеством, т. к. черносотенцы предлагали основу единения народов империи на базе самосовершенствования в христианском духе и укрепления основ общего государства — Российской империи. Преодолеть этнический фактор при формировании новой общности — советского народа впоследствии пыталась и КПСС, но уже на других идеальных основах.

Как показывает вышеизложенный материал, отрицательно относясь к распространенным в то время на Западе теориям, рассматривавшим национальный феномен в контексте расово-биологических факторов, черносотенцы определяли принадлежность к русскому народу принятием базовых ценностей русского культурно-исторического сообщества — православия, самодержавия и народности. Несмотря на многочисленные обвинения либерального и революционного лагерей в национализме и шовинизме,

присущий черносотенной идеологии приоритет духовно-религиозного компонента позволял правомонархическому движению преодолеть узкий национализм и интегрировать в него представителей других национальностей, что определило интернациональный характер черной сотни. Дистанцирование от националистических идей расовой чистоты, национального превосходства и этнической сегрегации, чреватых возникновением напряжения с населением окраин страны, объяснялось стремлением сохранить единую и неделимую Российскую империю.

§ 2. Петровские реформы как источник поврежденности управленческой элиты

Как указывалось в предыдущем параграфе, принадлежность к русской народности определялась черносотенцами верностью базовым ценностям русской цивилизации — православию, самодержавию и народности, а не этническим происхождением. По мнению крайне правых, представители национальных меньшинств, являвшиеся носителями православно-самодержавного сознания имели больше оснований рассматривать себя истинно русскими людьми, чем этнические русские, порвавшие с мировоззренческими устоями своего народа. Исследователь С. А. Степанов отмечал, что в руководстве черносотенных союзов оказалось довольно много нерусских по крови и список «истинно русских» вождей пестрил молдавскими, греческими, грузинскими и немецкими фамилиями⁸⁶. Среди лидеров черносотенцев можно видеть немцев (В. А. Грингмут, Н. Ф. Гейден, Н. А. Энгельгард и другие), французов (председатель правой фракции III Государственной Думы В. Ф. Доррер)⁸⁷. Видное положение в крайне правом лагере занимали поляки (руководитель одной из правых организаций в Казани В. Ф. Залесский,

редактор газеты «Земщина» С. К. Глинка-Янчевский) и молдаване (П. А. Крушеван, П. Ф. Булацель)⁸⁸.

При этом русские по крови лидеры оппозиции П. Н. Милюков, П. Долгоруков, Н. А. Маклаков⁸⁹ и другие в глазах черносотенцев не принадлежали к русскому народу. «Понятия о Боге, царе и Отечество так тесно связаны в душе русской, что разделить их совершенно невозможно. Несчастные, утратившие или устранившие одно из этих трех понятий, из этих трех верований, тем самым теряют и остальные два и перестают быть русскими. Вот почему революционеры — все люди, не верующие в Бога, люди, ненавидящие Россию, люди, отрекшиеся от братства с русским народом и предавшиеся самозванным братьям евреям, полякам или иным инородцам...», — по утверждению черносотенной прессы, не могли считаться русскими⁹⁰.

Современные историки и публицисты отмечают некоторую противоречивость правомонархистов в подходах к характеристике русского народа. С одной стороны, крайне правые утверждали, что основная масса народа остается верной самодержавным устоям. С другой — революционные события и бурлящие на политическом поле страсти показывали, что русский народ стремительно отходил от идеологических принципов, на которых Русь держалась последние триста лет. На самом деле противоречий нет. В представлении черносотенцев преобладающее большинство населения России сохраняло православные, самодержавные и национальные убеждения. В феврале 1907 г. председатель Астраханской народно-монархической партии Н. Н. Тиханович-Савицкий давал следующую количественную характеристику сторонников традиционных ценностей: «Таких русских людей в России — весь коренной русский народ»; «Русскому народу, — подразумеваю стомиллионное крестьянство и мещанство, которое и есть подлинный русский народ...»⁹¹.

При этом утверждалось, что имевшая серьезное влияние на все сферы жизни страны элита русского общества, утерявшая исконно русские православно-монархические убеждения и представлявшая духовный оплот западной цивилизации, составляла незначительную в количественном отношении массу, о чем указывают заявления крайне правых: «...за исключением немногих отшепенцев, продавших свою совесть жидам за чечевичную похлебку. Но такие отшепенцы составляют лишь ничтожную каплю в море стомиллионного русского народа»⁹². В обращении к крестьянам, мещанам и рабочему люду столичного отдела СРН, датированном 1905 г., указывались мизерные масштабы «раковой опухоли» на теле здорового в целом народа: «...помните, что в государстве вы сила, вас сто миллионов, а интеллигенции и пяти не будет. Довольно терпеть эту интеллигентную шваль...» Через десять лет Совещание представителей монархических организаций в Саратове утверждало: «Фронтирующая кадетская интеллигенция дерзка, но труслива; социалисты более смелы, но их такая ничтожная кучка...»⁹³

Исходя из трактовки народности как духовного, политического и культурного феномена, черносотенцы отказывали в принадлежности к русскому народу определенным группам населения в связи с утратой ими базовых качеств, присущих русской национальности. В Своде основных понятий и положений русских монархистов, разработанном в мае 1912 г. IV Всероссийским съездом Союза русского народа, говорилось: «Все ли население страны входит в содержание понятия “народность”? Нет, не все»⁹⁴. К слоям, утерявшим право носить звание истинно русских людей, черносотенцы относили: 1) либеральную интеллигенцию, зараженную западными идеями и учениями; 2) безнациональную бюрократию, отошедшую в управлении страной от «русского национального начала»; 3) революционеров

и лиц, им сочувствующих, вынашивавших планы свержения исторической русской власти; 4) антипатриотичный нарождавшийся класс капиталистов, ставивший цель материального обогащения в ущерб «вечному». Последним давалась следующая характеристика: «Наша доморощенная буржуазия не национальна, и родилась она у нас с испорченной сердцевиною. Русская буржуазия, не имея свежести самобытной, заразилась гнилью Запада... Наша буржуазия всегда останется такою же чуждою народу, какой является она в настоящее время». С подозрением крайне правые относились к пролетариату, который потерял такое качество русского народа, как соборность, игравшего предохранительную роль. Оторванные от обчины бывшие крестьяне, став у станков, постоянно попадали под влияние различных оппозиционных сил.

Наибольшую опасность для государственных устоев представляли денационализированная бюрократия, интеллигенция и члены оппозиционных партий. Последние выступали под общим названием «освободительное движение», под которым подразумевалась пестрая амальгама антигосударственных течений: от октябристов и кадетов до социал-демократов и анархистов. В опубликованном в 1906 г. основателем Русской монархической партии В. А. Грингмутом «Руководстве черносотенца-монархиста» к внутренним врагам России относились те, кто «в настоящее время хочет ограничить самодержавную власть русского царя», а именно: «1) конституционалисты, 2) демократы, 3) социалисты, 4) революционеры, 5) анархисты и 6) евреи»⁹⁵.

В июле 1908 г. «Русское знамя» конкретизировало эту трактовку: «К расхитителям царского самодержавия надо также причислять и честолюбивую денационализированную интеллигенцию, скрывающую свои своекорыстные интересы под тогой общего блага; а также многих из на-

родных представителей, которые добиваются конституции и парламентского государственного строя»⁹⁶. Состояние и деятельность русской интеллигенции рассматривались как симптом разложения русской общественной жизни, представлявшую из себя идеиную борьбу сил, выступавших трансляторами различных рожденных в иных социокультурных условиях идей и концепций. Черносотенцы жестко абстрагировались от образованных слоев общества⁹⁷. Таким образом, крайне правые констатировали, что в начале XX в. русский народ оказался духовно и идеино расколотым.

Так как этничность не могла являться фактором, определяющим русскость, то для дистанцирования от не-разделявших православно-монархических взглядов группы населения правые вынуждены были вводить специальные термины. Наиболее употребимым в черносотенной фразеологии было понятие «истинно русского», введенного Николаем II на высочайшем приеме делегации СРН в конце 1905 г. Обращаясь к членам СРН в июне 1907 г., царь не подозревал, что и другой термин получит широкое распространение: «Уверен, что теперь, все *истинно верные русские*, беззаветно любящие свое Отечество сыны, сплотятся еще теснее и, постоянно умножая свои ряды, помогут мне достичь мирного обновления нашей Святой и великой России и усовершенствования быта великого ее народа». Помимо этого термина использовались также «коренные русские люди», «монархисты», «лучшие люди» и т. д. Только носители «чисто русских идеалов... могут быть названы основательно “лучшими”», — утверждали черносотенцы⁹⁸.

Подрывавшим православные и монархические основы представителям собственного народа в праве называться русскими было отказано. В программе черносотенной организации Союза русских рабочих людей им давались

определения «инородцы русские», «шабесгои»⁹⁹. Эти различные по социальному статусу и взглядам категории, по мнению крайне правых, объединяло «поругание всех народных святынь, унижение веры отцов и дедов, разрушение государства Российского, опозорение самого имени русского»¹⁰⁰. В крайне правой прессе для них находились весьма пестрые эпитеты: «русские, ненавидящие все русское», «изменники», «предатели», «еврействующие», «продавшие совесть», «инородцы русские», «забывшие Бога», «радетели крамолы», «отщепенцы государства» и др. Использование вышеуказанной терминологии проводило четкую границу с оппозицией самодержавию, в состав которой входили этнически русские люди, но не являвшиеся носителями традиционных ценностей.

Корень бед, вызвавших раскол народа и порчу русской элиты (управленческого и интеллигентского слоя), черносотенцы находили в реформах Петра, разорвавших органическую линию развития страны на этапы: допетровский (народные формы правления) и послепетровский (инородческие формы правления). «Петр I, несмотря на свой всеобъемлющий ум, идя против желаний народа, наделал таких ошибок, за которые теперь нам приходится расплачиваться», — подводило итоги его реформ «Русское знамя»¹⁰¹. Исследователи черной сотни отмечали, что великий преобразователь России был единственным монархом, которого резко осуждали монархисты¹⁰². В. А. Грингмут давал ему такую оценку: «Петр Великий стыдился “варварства” своих подданных и выбивал его из них насильственными мерами, вводя европейские порядки в России, не сообразуясь много с ее национальными особенностями. За исключением коренных основ самодержавия и Православной церкви, он особенно не дорожил индивидуальными свойствами русской государственной и общественной жизни, не различая в них истинно культур-

ных элементов и элементов действительно некультурных, а целиком заменяя их целиком же взятыми европейскими порядками, как действительно вечно культурными, так и случайными, обусловленными лишь специальным временем и местом»¹⁰³.

Особенно серьезный удар петровскими преобразованиями был нанесен в духовном и культурном поле: «Преобразованная Россия отказалась от самобытного развития и от этого не выиграла ни в материальном, ни в духовном отношениях и дошла до унижения в международных делах и внутренней революции»¹⁰⁴. Привнесенное великим реформатором иноземное влияние раскололо русское общество на две разновекторные по своему мировоззрению части: исповедующие ценности русской цивилизации низы, народ и западно ориентированную элиту, дистанцировавшуюся от собственного народа заимствованной культурой, языком и даже одеждой¹⁰⁵. «Ведь каждому известно, что в течение почти двухсот лет из русской души вытравлялось все русское и вместо него вливалось все чужое, ядовитое», — заявлял в октябре 1908 г. на Съезде отделов СРН Юга России киевский профессор Н. С. Мищенко¹⁰⁶.

По заявлению газеты «Русское знамя», доминирование инородцев у царского трона «отделило царя от народа православного» и утвердило инородческую «духовную тиранию»¹⁰⁷. Привлеченными для управления страной иностранцами оказывалось негативное влияние на русскую элиту, результатом которого стало постепенное внедрение в ее мировоззрение базисных элементов протестантизма, густо замешанного на набиравшем силу либерализме¹⁰⁸. Процесс духовного перерождения аристократической верхушки начался еще со времени поступления на русскую службу немцев при Иване III, но массовый характер приобрел при Петре I, Анне Иоанновне и Екатерине II. Внедрение протестантских элементов посредством цер-

ковных реформ Петра привело к упразднению патриаршества, подчинению церкви государству и нараставшей секуляризации общественной и государственной жизни. Идейные основы Русской православной монархии были серьезно повреждены привнесенными элементами западного абсолютизма, утверждавшего приоритет государства над церковью. В вину Петру I ставилось то, что он подорвал «самую существенную основу своей власти — ее нравственно-религиозный характер». Российский истеблишмент перестал рассматривать царскую власть как божданную: «Когда же возобладали на Руси, с Петра I, иноверцы-еретики иностранцы... воцарилось неверие в силу царской помазанности»¹⁰⁹. Если народные «низы» исповедовали веру в царя-батюшку, за двести лет так и не приняв императорства, то аристократическая и интеллектуальная элита эту веру утратила. Восприятие монарха в западной системе координат как равного партнера (первый среди равных) вылилось в беспрецедентные на Руси явления дворцовых переворотов и цареубийств, неоднократно имевшие место в российской истории в XVIII—XIX вв.: «...до Петра I не было покушений на жизнь прирожденных православных русских князей и царей со стороны подданных»¹¹⁰.

В воззрениях правомонархистов искажение идеократического принципа самодержавия и перерождение русской монархии в абсолютизм западного образца проявились, во-первых, в отказе от божданного характера царской власти, во-вторых, в низведении верховной власти царя до управительного уровня, в-третьих, в узурпации верховной власти самодержца безнациональной бюрократией. Данное обстоятельство было описано видным черносотенцем И. И. Восторговым в книге «Монархический катехизис»: «Бюрократия, как система передаточных властей, безусловно необходима в государстве и в качестве

такой системы представляет преимущества перед другими ее формами. Но это до тех пор, пока она остается только системою передаточных властей, правительством, но не заменяет собою верховную власть, сводя к фикции верховенство монарха»¹¹¹.

Крупнейшая черносотенная организация СРН прямо подчеркивала, что чиновничья корпорация присвоила себе часть прав, составляющих исконную принадлежность русской самодержавной власти и заслонила «светлую личность русского царя от народа»¹¹². В официальном черносотенном документе «Задачи русского монархизма» утверждалось, что бюрократия перестала выполнять роль «присяжного доверенного» царя с функцией заботы, «чтобы всем в империи чувствовалось и жилось хорошо ...»¹¹³.

Таким образом утверждалось, что в результате Петровских преобразований национально ориентированная верховная власть потеряла контроль над космополитическим по своей сути бюрократическим аппаратом, а воля монарха при видимом самодержавии попала в зависимость от чиновничества. Отвергнув свою функциональную принадлежность быть «только исполнительницей предуказаний помазанника Божия, направленных на благо народа»¹¹⁴, правительство превратилось в антинациональный самодовлеющий организм. Подмена бюрократией верховной власти, по мнению крайне правых, привела к ослаблению защитных функций государства, что в начале XX в. вылилось в революционный взрыв: «Сильная же власть не может быть разделенной, а должна быть сосредоточена в одном лице, ибо всякое разделение власти ее ослабляет. С другой стороны, правящая власть, только опираясь в своих решениях и действиях на народные массы, может приобрести необходимую ей силу и авторитет. Власть — царю, совесть — земле»¹¹⁵.

Утверждая тезис о присущей бюрократии черте присвоения функций верховной власти, правые публицисты неизменно обращались к прошлому страны. Противоборство верховной и управительной ветвей власти, по их мнению, сопровождало всю историю их взаимодействия, периодически приводя к трагическим страницам истории российского государства. В июле 1908 г. газета «Русское знамя» данной теме посвятило отдельную статью, в которой в периодически проявлявшихся дезорганизациях русского государства обвинялась именно аристократическая верхушка, выполнявшая административные функции: «Расхищение самодержавия было в киевский период со стороны княжеских родов, которые из своекорыстных видов, не желая передать одному всю целость и неделимость власти, создали, терзая Русь на части и обагряя ее братской кровью в междуусобных расприях, удельно-вечевой период. И бояре, расхищая царское самодержавие, создали местничество, производили смуты в детстве Иоанна Грозного, создали семибоярщину, крепостное право и делали попытки ограничить царскую власть Василия Шуйского, Михаила Федоровича и Ивана Грозного...»¹¹⁶

Наиболее ярко деструктивная роль царских слуг проявилась в смутные времена. По версии крайне правых публицистов, прекращение династии Рюриков привело к узурпации власти Боярской думой, которая, как и современная Государственная, преследовала своекорыстные интересы в ущерб общегосударственным. Только утверждение династии Романовых и возвращение к самодержавной системе власти устроения вернуло страну на путь естественного развития. Идеи самодержавия могли ослабляться в народе в период мирного поступательного развития и возрождались в условиях захватывавших страну нестроений: «Идея государственного единства восторжествовала как раз в такую пору, когда буйство и измена

служилых людей и засилье инородцев чуть было не стерли с лица земли самое имя нашего отечества. Бог помог нашим предкам не только отстоять родную землю своими руками и жертвами, но и восстановить предопределенную Божием промыслом для счастья народов самодержавную власть»¹¹⁷.

Характерным признаком перерождения русской православной монархии в западный абсолютизм явилось появление бюрократической преграды между царем и народом, т. е. слоя чиновничества с чуждыми народу узко корпоративными интересами, что привело к дистанцированию верховной власти от народа, усилиению централизации, бюрократизму. В июле 1908 г. газета «Русское знамя» указывала, что формированию бюрократической препоны способствовало прекращение созывов Земских соборов¹¹⁸. «С Петра Великого у нас явилось средостение между царем и народом — это чиновники бюрократии...», — заявлял председатель СРН А. И. Дубровин в августе 1908 г.¹¹⁹ Роковую роль в этом сыграли привлеченные для управления империей западные инородцы, привнесшие в страну чуждую политическую культуру, заразившие административный аппарат недугом бюрократизма и поставившие во главу служения личные интересы в ущерб общегосударственным.

Присущие бюрократии черты фиксировались в определении, которое ей давала черносотенная пресса: «Усиливающаяся власть чиновничества, отрешившегося от связи с действительной жизнью и запирающего двери своих кабинетов (канцелярий) для живого дела и живых людей, превращая их в мертвую бумагу, в номера “входящих” и “исходящих”¹²⁰. В концентрированном виде безраздельную власть бюрократии в стране выразил премьер-министр С. Ю. Витте: «Самодержец — тот министр, который выходит с подписанными указами из кабинета царского»¹²¹.

В программе Союза русского народа при характеристике бюрократии делался упор на ее антиправославном характере: «Современный чиновничий строй, осуществляемый в громаднейшем большинстве случаев безбожными, нечестивыми недоучками и переучками, заслонил светлый образ царя от народа»¹²².

Негативная оценка бюрократии была одним из немногих вопросов, где точки зрения крайне правых и оппозиционного лагеря сходились. Разница наступала при анализе причин поврежденности российской бюрократии. В отличие от либеральных и революционных партий черносотенцы акцентировали внимание на ее антимонархической сущности, утверждая, что порча управленческой элиты произошла в результате активного привлечения западных инородцев в правящие слои. Об этом в июле 1908 г. писала газета «Русское знамя»: «Начиная с Петра I, а при преемниках его еще более и более, царское самодержавие расхитили инородцы и иностранцы, которые под видом просвещения России постарались преобразовать Россию, извративши ее самобытное развитие; воспитывая детей русских дворян, они учили их рабски преклоняться перед Западом и пренебрегать всем русским и, захвативши в свои руки высшие государственные посты, стали между царем и русским народом»¹²³.

С началом I Мировой войны крайне правые подняли тему непропорционально большой доли немцев в административной и военной областях. В частности, один из членов Государственной Думы от фракции правых в ноябре 1916 г. заявлял: «...еще накануне войны мы, правые, обращали особое внимание правительства и Государственной Думы на переполняющих наше отчество выходцев из Германии, завладевших лучшими землями, преимущественно вблизи важнейших стратегических пунктов, не только в пограничных западных областях, но и в глубоком

тылу, в центре и на востоке России, и захвативших в свои руки во всех местностях ее, даже в столице, всю нашу торговлю и всю нашу промышленность»¹²⁴.

Начавший бить с Петра I источник пополнения российской бюрократии западными инородцами не иссяк и в XX в. Черносотенная пресса сигнализировала, что в административный аппарат наложен канал экспорта масонов для разложения России: «...наш заклятый вековой враг Англия и разлагающаяся Франция шлют нам масонов, легионы которых растут повсюду, проникая также и в войска»¹²⁵. По утверждению консервативных публицистов, прочное основание активному сотрудничеству космополитической части русской бюрократии с мировой закулисой заложил премьер-министр С. Ю. Витте, что проявилось в реформировании политической системы страны по масонским лекалам, а именно: принятии Манифеста 17 октября 1905 г., Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. и учреждения Государственной Думы по образцу западных парламентов. По заявлению газеты «Русское знамя», эти реформы стали «последними и, казалось, смертельными ударами, которыми жidовство покушалось свалить православную и самодержавную Россию»¹²⁶.

По мнению черносотенцев, сотрудничество административного аппарата с масонским орденом не с меньшей интенсивностью продолжалось и после ухода С. Ю. Витте. Хронической болезнью инородческого засилья страдало и современное им правительство Столыпина, о чем газета «Русское знамя» предупреждала в апреле 1909 г.: «...многие ближайшие слуги государевы в большинстве инородцы...»¹²⁷ В сентябре 1909 г. черносотенная пресса констатировала: «Никогда еще засилье инородцев на государственной службе не достигало таких размеров, как после 1905 года (вспомним появление поляков даже в дипломатическом ведомстве), никогда еще черта оседло-

сти не переходилась жидами с такой легкостью, как при П. А. Столыпине, никогда не распускались так финляндцы и кавказцы, как при нем»¹²⁸. Вина за инициирование гонений на крайне правых, настраивание против них П. А. Столыпина, разработку «прогрессивного» законодательства возлагалась и на занимавших высокое положение в МВД ставленников масонских лож Слиозберга, Гурлянда и Немировского¹²⁹. После произнесенной 6 марта 1907 г. премьер-министром декларации о наличии в России «чисто русского правительства» черносотенцы обрушились на него с язвительной критикой: «Так как ведь в России всякий Шрулька и Шмулька называет себя русским, то что же мудреного, что в этом цикле “чисто русских” мужей могут замешаться и такие имена, как Саблер, Кутлер, Гиршман...»¹³⁰.

Черносотенцы были далеки от мысли демонизировать П. А. Столыпина и ставить его в ряд сознательных противников монархии. Пытаясь понять причины непоследовательных действий премьер-министра, они обращались к доктрине жидомасонского заговора. В ноябре 1908 г. Комитет Астраханской народно-монархической партии во всеподданнейшем адресе прямо намекал на это царю: «Скажем Тебе откровенно, Государь, что Столыпина и других так называемых “конституционных” министров, мы не считаем людьми, действующими с какой-либо заставленной целью во вред Тебе и монархической России; но, видя все происходившее, мы глубоко убеждены в том, что они находятся под чьим-то роковым для России, таинственным влиянием, ведущим Россию в ту пропасть, из которой государства уже не поднимаются»¹³¹.

Доказывая, что «масонская паутина» прочно опутала вершины российского политического Олимпа, крайне правые указывали на сотрудничество столыпинского правительства с центристскими и левоцентристскими

партиями, нерешительность в борьбе с революционными организациями, нежелание ужесточить режим третьеиньской монархии (в частности, пересмотреть избирательный закон), попущения общественным движениям, считавшимся марионетками в руках «темных сил». «Поэтому и теперь кадетствующая бюрократия, расхищая царское самодержавие, охотно протягивает руку октабристам, которые с первых же шагов в Государственной Думе вздумали было, нарушая присягу, отнять у царя его самодержавие», — резюмировала черносотенная пресса в июле 1908 г.¹³² В совокупности это указывало на стремление административной корпорации насаждать в России республиканский или «скрытно республиканский» образ правления¹³³.

Согласно консервативным воззрениям свою лепту в ослабление государства внесли рекрутировавшиеся в административный аппарат представители завоеванных и присоединенных к империи народов. «Давно бы и весь земной шар находился под скипетром Русского Белого царя, если бы мы не допустили инородцев и иноверцев к святому делу управления страною...», — заявлял лидер СРН А. И. Дубровин¹³⁴. Вслед за немцами значительный процент представительства в высших аристократических кругах имели поляки. «У генерал-губернатора Берга жена являлась ярой католичкой, у русских вельмож Шуваловых мать была графиня Потоцкая, у многих русских “высоко-поставленных лиц” были жены и приятельницы ярые католички польки», — сообщала крайне правая пресса¹³⁵.

Польское «засилье» во всех сферах Российской государственной и общественной жизни обуславливалось проживанием накануне I Мировой войны за пределами этнических польских земель не менее 600 тыс. поляков. Наличие значительных польских общин в крупнейших городах России неизбежно приводило к проникновению их представителей во властью-административные структу-

ры, стратегические отрасли экономики, в первую очередь на железные дороги (Транссиб и Кавказ). Серьезные позиции в качестве крупных землевладельцев поляки имели и в сельскохозяйственном секторе страны. Особо остро проблема чрезмерного польского присутствия стояла в Западных губерниях, где администраторы — проводники русской национальной политики «потонули в массе нерусских чиновников, которые нанесли России неисчислимые потери»¹³⁶.

По утверждению правомонархистов, засилье поляков на всех этажах государственной машины активно использовал Ватикан для срыва государственной политики по русификации Польши и усиления своего влияния в Западных губерниях. «Ополячивание и окатоличивание шло в ужасающей степени благодаря тому, что Петербург наводнили польскими князьями и графьями», — сообщала в мае 1911 г. черносотенная пресса¹³⁷. В частности, саботаж русификаторской политики Царства Польского в XIX в. допустил генерал-губернатор Паскевич, который в 30-х гг. остановил переход Холмских униатов в православие, и граф Берг, через тридцать лет пресекший попытку польских ксендзов образовать неподконтрольную Риму мариавитскую церковь¹³⁸. Благодаря польскому лобби в верхах общества были «принесены в жертву интересы Руси Надвисляинской, Белохорватии, Завислянской, Мозурского Мозовца, русского Подляшья, литовской земли, бывшей православной, — все было исковеркано в угоду злобному еретическому Риму...»¹³⁹ Масла в огонь критики инородческой сущности государственного аппарата подливали сами поляки. В частности, польская газета «Курьер» (№ 291 за 1907 г.) откровенно раскрывала схему восстановления Царства Польского: «Целый миллион должностей и служебных положений во всей России в ру-

ках польских. С этих постов мы ослабляем Россию. Теперь же, когда она в развалинах, мы должны на этих развалинах воссоздать независимую от моря до моря Польшу»¹⁴⁰.

В критике инородческой сути российского бюрократизма правомонархисты встречались с явным противоречием. С одной стороны, они утверждали, что с привлечением национальных меньшинств к управлению империя теряла силу: «Россия стала слабеть с тех пор, как русский народ стали окружать инородцы и иностранцы, которые и постарались отдалить царя от народа»¹⁴¹. С другой стороны, механизм роста международного влияния и расширения границ государства был запущен именно в результате проведенных Петром I преобразований, в ходе которых было утверждено могущество чиновничьей конгрегации. Это противоречие не казалось черносотенным идеологам неразрешимым. Достижения Российской империи в послепетровский период обуславливались внутренними ресурсами самодержавной монархии, сумевшей какое-то время компенсировать наносимый бюрократическим сре- достиением вред и мобилизовать сохранивших преданность (несмотря на разлагающее влияние инородцев) русскому делу служилых людей на решение важных государственных задач: «Люди эти, множась наравне с развитием роста государства, создали наше чиновчество, которое в свое время, когда состояло в большинстве своем из чисто русских честных людей, имело много заслуг за собой. Государи наши, опираясь на верный ему народ и на верных ему в то время служилых людей, создали из маленького Московского княжества наше великое государство, которое можно раскинулось на 1/6 часть суши всего земного шара»¹⁴². Утверждалось также, что неудачи и провалы имели место именно тогда, когда организационную систему подменяли иностранным заимствованием, равно как прорыв наступал при попытках реанимации самобытной русской организации государства.

Диагностированный крайне правыми космополитизм российской бюрократии выпукло проявлялся в потере национального самосознания, забвении исторической памяти, ослаблении чувства патриотизма, причины которых виделись в «ложном направлении нашего просвещения, дающего нам людей не любящих и не признающих укладов жизни своей родины и, следовательно, не могущих искренно служить во благо ей»¹⁴³. Космополитическая сущность чиновничества выливалась в наднациональное равнодушие, где русский народ — строитель империи — нивелировался до уровня завоеванных инородцев: «Для бюрократии нет ни эллин, ни иудей, ибо нет для нее России, а есть одна она, собственной всеобъемлющей персоной. Лях, жид, армянин, татарин для нее тем предпочтительнее русского, чем численно более преобладает русское население над каждой инородческой нацией и чем более развито в русских национальное самосознание. Пока русское национальное самосознание дремало, а инородческие — пылали, бюрократия еще отдавала некоторое предпочтение русским как менее опасным. Но с пробуждением русского национального самосознания она, в виде противовеса, покровительствовала инородцам»¹⁴⁴. Это национальное безразличие вступало в противоречие с растущим патриотизмом государствообразующего народа: «Подлинный патриотизм верноподданных ненавистен бюрократии, но весьма любезен ей патриотизм “свиней”, объединенных любовью к общему корыту»¹⁴⁵.

Согласно воззрениям крайне правых взявший старт при Петре I процесс разложения управленческой элиты достиг своего апогея в начале XX в. Современный им бюрократический аппарат более не являл собой костяк государства, способный придать движению государственного корабля однонаправленный вектор: «...наша бюрократия исстари представляла плохо собранную по всем частям

машину из разных племен, наречий, наций...»¹⁴⁶ Утеряв идеократический стержень, он состоял из носителей различных взглядов, в том числе оппозиционных, в результате чего «октябристами у нас в России считаются почти все наши благонамеренные чиновники, т. е. те, которые убоялись лишиться своего места. ...Русский чиновник, никогда не имевший своих стойких убеждений, идет в октябристы — эта партия ему подходящая, и высшее начальство на эту партию хорошо смотрит»¹⁴⁷.

Черносотенцы констатировали, что к началу революции административный аппарат, судебное и силовые ведомства оказались в значительной мере засоренными либеральными, а частично и революционными элементами. В августе 1907 г. академик А. И. Соболевский, выступая на общем собрании Союза русских людей, делал вывод о неблагонадежности бюрократического аппарата: «Если мы будем рассматривать далее лиц, состоящих во главе администрации, то и среди них найдется очень много “кадетов”. Не редкость, что губернаторы, исправники и полицмейстеры — “kadety” или послушные орудия в руках евреев»¹⁴⁸. В ноябре 1908 г. астраханские черносотенцы с ужасом информировали царя: «В армию проникли изменники, дисциплина упала. Просочилась зараза и в казачество, в этот надежный оплот русской мощи. Государственные должности не в надежных руках»¹⁴⁹.

Незадолго до крушения монархии видный черносотенец А. А. Римский-Корсаков, принадлежавший к высшей сановной бюрократии и изнутри знавший ее «политическую физиономию», давал такую оценку коллегам: «Или что можно сказать про украшающих высшее государственное законодательное учреждение сановников, бывших министров, даже премьеров, превознесенных милостями монарха и им одаренных свыше меры, поставленных им здесь на защиту его прав и прав его наследников, — сановников,

участвующих и в Прогрессивном блоке и подписывающих резолюции, клонящиеся к узурпированию этих прав, к скомпрометированию самого царского имени? Что можно сказать про придворных чинов, кичащихся своим мундиром и званием перед простыми смертными и в то же время братающихся с явными и откровенными врагами своего государя? А семидесятилетний сановник, всю долгую жизнь на разных постах утверждавший принципы царского самодержавия, переходящий к левым в верхней палате из-за неизбрания его правыми в какую-то комиссию? Где предел этой политической невоспитанности?»¹⁵⁰

В результате селекции западных ценностей православное самосознание правящей элиты настолько деградировало, что в начале XX в. под ее напором Николай II вынужден был пойти на ограничение своей власти законодательной Думой, созданной не по традиционным для Руси образцам земских соборов, а по лекалам европейского парламента. Неприятием религиозной основы самодержавия оказалось заражено большинство представителей аристократической верхушки и чиновничества, действительно стоять на страже православно-идеократической концепции самодержавия. «Царское самодержавие расхищается и поместными инородческими высшими классами», — писало «Русское знамя»¹⁵¹.

Крайне правые, по существу, обвинили бюрократический аппарат в национальной измене. «...Эти изменники и предатели, создавшие “за счет казны” революцию и, будучи русскими, ненавидящие все русское. К числу их принадлежит, главным образом, либеральное чиновничество, которое, — забыв Бога, изменив самодержавному государю, продало себя и совесть исконным врагам престола и Отечества», — заявлял киевский профессор Н. С. Мищенко на Съезде отделов СРН Юга России в октябре 1908 г.¹⁵² В этом черносотенцы отчасти видели за-

старелую черту русской бюрократии, всегда мечтавшей о слабом и зависимом царе. «Как в смутную эпоху бояре тянулись к тушинскому вору, так нынче их тянет к государственным ворам. Говорят даже, что есть у них свой кандидат в конституционные цари, который хранит в укромном месте потемневшую теперь порфию. Я говорю о “знаменитом” кадетском главе — П. Долгорукове», — давал характеристику административному аппарату на заседании СРН в сентябре 1909 г. Г. К. Шмидт¹⁵³.

Из всех врагов самодержавия к наиболее опасному крайне правые относили именно бюрократию, так как, с одной стороны, находясь вблизи царя, она могла проводить разрушительную политику, прикрываясь его именем, с другой — негативно влиять на него, подталкивая к шагам по ограничению богоданной власти. Либеральное чиновничество вынашивало планы конституции еще со времен Александра II, которого пытались убедить, что ее жаждет все русское общество. «Министры обманули своего государя, уверив его, что конституции требует вся страна, весь русский народ, а в действительности это требование исходило от бюрократии и от кучки русской интеллигенции...», — утверждала черносотенная пресса¹⁵⁴.

Крайне правым казалось, что окружение царя настраивало его на признание факта ограниченности монаршей власти: «...многие ближайшие слуги государевы в большинстве инородцы и прочие великие и малые чиновники, казенным пирогом объедающиеся... не хотят постоять за царское самодержавие и говорят до сих пор, вопреки основным законам, о какой-то конституции...»¹⁵⁵. Уже после Манифеста 17 октября бюрократия не скрывала своего нежелания возвращаться к идеократической идеи православно-монархического государства, оказывая открытую поддержку партиям, поддержавшим октябрьские преобразования. «Требование конституции равносильно измене

царю и народу», — заявляла черносотенная пресса, делая вывод, что бюрократия, будучи порождением петровского абсолютизма, став самодовлеющей силой, попыталась убить монархию, ее породившую¹⁵⁶.

Если революционные партии выступали за слом самодержавной системы, то бюрократическая элита вела линию на ее эволюционное перерождение в конституционную монархию по европейскому образцу. Крайне правые подозревали, что Манифест 17 октября и учреждение Государственной Думы, ограничившие власть царя, были давно подготовлены в недрах враждебно настроенного по отношению к самодержавию управленческого аппарата: «Все это козни бюрократии. Неясность основных законов и неясность “учреждения” Государственной Думы допущены ею — в том нет ни малейшего сомнения — умышленно»¹⁵⁷. Бюрократия стала препятствием благим пожеланиям царя воссоединиться со своим народом: «...избирательный закон был с умыслом так составлен, что Дума и не могла быть иной, как покойные две Думы, куда попали исключительно враги русского народа»¹⁵⁸. Проникшие при «благосклонном содействии самой бюрократии» в Государственную Думу оппозиционные партии вместо поиска выхода страны из кризиса использовали ее для раскачивания государственного корабля¹⁵⁹. Призванный играть консолидирующую роль русский парламент раскалывал общество, провоцируя верноподданнические слои населения на оборонительные действия: «Революция идет сверху и проникла уже в народ, который под влиянием продолжающейся устной и печатной пропаганды, будет вскоре окончательно деморализован (сбит с толку), и немудрено, если в конце концов он учинит резню, сметущую долой все законные власти. Поэтому распуск Государственной Думы является настоятельно необходимостью. Она вторично явилась центральным

собранием революционно настроенных представителей, между которыми немало лиц, побывавших в ссылках и тюрьмах», — делало заключение «Русское знамя»¹⁶⁰.

Черносотенцы уделяли большое внимание разоблачению тайного заговора чиновничего аппарата против монархии. Двуличная природа бюрократии проявлялась в политике «полумер», в частности в стремлении преобразовать общество на конституционный лад при сохранении жесткого контроля над обществом и возможности паразитирования. Если появление в стране народного представительства, по мнению крайне правых, было продиктовано желанием царя преодолеть изъяны бюрократической системы и улучшить систему государственного управления, то бюрократия преследовала совсем иные цели, а именно: «сменить» самодержавного хозяина на заинтересованную в лоббизме коммерческих интересов буржуазию, что создавало возможности для личного обогащения. Указывая на примеры республиканских стран, крайне правые предрекали, что при реализации замыслов бюрократии ее ждет полное перерождение. Так, по утверждениям черносотенной прессы, во Франции истинными правителями являлись евреи-капиталисты, в результате чего «здесь бюрократия выродилась при республиканско-анаархическом способе правления в жидократию. Все министры, профессора, чиновники, большинство адвокатов — франкмасоны... Да и трудно сделать себе во Франции карьеру не франкмасону»¹⁶¹.

Двурушничество бюрократии проявилось задолго до начала революции. Обладая всей полнотой информации о возникающих угрозах, административный аппарат самоустранился от их локализации: «Если интеллигенты жидовскую революцию могли предвидеть, то народ она застала врасплох, никогда не ожидавшего, что “растерянность” или измена бюрократии отдаст глубину России на

растерзание супостатам»¹⁶². Это давало основание черносотенцам открыто критиковать чиновничью конгрегацию в пособничестве врагам монархии: «...бюрократический строй... при полном произволе и безответственности... привел нашу Родину на край гибели»¹⁶³. Официальные документы крайне правых и прессы публично обвиняли премьер-министра С. Ю. Витте в провоцировании революционного взрыва: «Эту неслыханную на Руси смуту нельзя назвать русской народной революцией, потому что в ней участвовали отбросы русского народа, а — революцией “сверху”, так как она совершилась, главным образом, при попустительстве полуинородческой бюрократии, во главе которой одиннадцать лет стоял жидовский ставленник С. Ю. Витте, подготовлявший для нее почву»¹⁶⁴.

Тезис о двурушничестве бюрократии крайне правые доказывали результатами деятельности правительства Витте. В частности, в правомонархических документах утверждалось, что премьер-министр России и его окружение подготовили социальную базу революции посредством проведения таможенной и финансовой политики, приведшей к разорению сельского хозяйства и превращению мирного пахаря в «сознательного пролетария-хулигана»¹⁶⁵. Прегрешения С. Ю. Витте состояли в реализации реформ, в ходе которых был искусственно создан фабричный пролетариат, пополнивший ряды социал-демократических партий, введении золотого курса рубля, нанесшего удар по дворянскому землевладению и русским торговым предприятиям при одновременном укреплении еврейского банковского сектора¹⁶⁶, запуске процесса денационализации сферы образования и революционизации высшей школы¹⁶⁷. В вину премьер-министру ставился и подрыв позиций РПЦ, так как во время его правления «по соображениям бюрократии составлялись гражданские законы, изменявшие или, по крайней мере, противоречившие установ-

лениям и канонам православной церкви и даже ее тайнствам»¹⁶⁸.

В воззрениях крайне правых, С. Ю. Витте стал показательным примером трагических результатов правления антинациональной бюрократии, властвовавшей от имени царя: «...стоявшие у власти изменники во главе с гр. Витте подготовили и искусственно вызвали Японскую войну, искусственно заставляли русские войска терпеть поражения, и в конце концов заключили позорный мир ...когда были шансы одержать победу; мало того, обманули доверие самого Государя, заключив этот позорный мир против его воли; искусственно подорвали русский кредит, искусственно вызвали смуту внутри страны. искусственно разжигают эту смуту до сего времени при помощи иудейского золота. И все эти мерзости творились именем царя!»¹⁶⁹

Резюмируя годы правления С. Ю. Витте, газета «Русское знамя» писала: «В короткое время (Витте. — M. P.) превратил великую, могущественнейшую в мире державу в жалкое посмешище в глазах иностранцев»¹⁷⁰. Ту же оценку четырьмя годами позднее давал и В. М. Пуришкевич: «Дни правления Витте — печальные страницы русской истории»¹⁷¹. Обосновывая свой вердикт, известный черносотенец писал: «Он был фарисей, но фарисей обыкновенный, он был честолюбивый революционер, мечтавший о Робеспье и создавший для того необходимую обстановку. Витте разлагал Россию исподволь. Под его управлением Россия лет через 15 пережила бы революцию и даже государственный переворот...»¹⁷² Не замеченным крайне правыми осталось и стремление С. Ю. Витте расширить права земств, в чем они увидели робкую попытку установить в стране двоевластие¹⁷³.

Доказывая тезис о революционности правительства Витте, черносотенцы неизбежно обращались к такому специальному явлению, как зубатовщина, рассматрив-

вавшееся как «насаждение социализма в народе за счет Св. церкви, государства и под их знаменем»¹⁷⁴. Свидетельством связи С. Ю. Витте с масонскими структурами являлось внедрение в деятельность репрессивного аппарата шедших из глубины веков приемов расправы с политическими противниками чужими руками посредством внедрения методов провокации и клеветы. Распространение изготовленных в охранке «революционных прокламаций» способствовало революционизированию рабочих масс и целых территорий. «Так как и в политической жизни “угол падения равен углу отражения”, то усердие Зубатова и его усмотрительно-допекательной политики воспринули и закипели революционные инстинкты», — писала газета «Русское знамя»¹⁷⁵. Скрывая собственное бездействие по подавлению реальных революционных кружков, С. В. Зубатов ввел систему, в рамках которой на поток было поставлено осуждение лиц, не имевшие отношения к революционному движению: «...подсовывали через провокаторов нелегальщину, а потом хватали с ней, причем расходы по раскрытию каждого “дела” о поимке, обходившегося при провокаторской системе “подсовывания” не дороже двух двутривенных, выписывались по книгам суммами по размерам совести»¹⁷⁶. В результате политики С. В. Зубатова огульным клеветам искусственно-му революционизированнию подвергались не только конкретные лица, но и отдельные народы: «В этих целях были заведены должности окружных клеветников, из которых самым лучшим оказался кавказский, успевший оклеветать Грузию, и так ее настроил, что этот родственный нам по вере край рыцарей, от которого Россия не имела за всю свою тысячелетнюю жизнь ни одной щарапины, озарился вдруг революционными вспышками»¹⁷⁷.

Черносотенцы возложили ответственность за начало первой российской революции на С. В. Зубатова и покро-

вительствовавшего ему С. Ю. Витте: «Это освободительное движение сыграло роль обломившегося сука, который сама бюрократия подрубила...»¹⁷⁸ Слабый профессионализм зубатовских помощников приводил к стихийным взрывам в рабочей среде, о чем свидетельствовали события 9 января 1905 г. Однако из первых подобных проявлений не были сделаны соответствующие выводы: «В Одессе уполномоченный от Зубатова Шая Шаевич пересолил, и все легализованное рабочее движение проявилось в том же 1903 году в виде парадных революционных маневров одесских рабочих»¹⁷⁹.

Перерождению в начале XX в. самого абсолютистского режима в не поддававшуюся определению властную модель способствовала такая характерная черта русского чиновничества, как безответственность. В ноябре 1905 г. идеологи правомонархистов заявляли: «...а в последние времена у нас нет даже абсолютизма, а имеется самая невозможная форма управления государством, когда несколько человек (министров), облеченные, в сущности, почти неограниченной властью в своей сфере деятельности, распоряжаются каждый вполне самостоятельно, не неся в то же время никакой ответственности. Вот такое ненормальное положение вещей и привело к разложению великое и сильное государство Российское»¹⁸⁰. «В отсутствии всякой личной ответственности — главное основное и коренное зло всякого собора или собрания, духовного, так и политического», — делало заключение в марте 1913 г. «Русское знамя»¹⁸¹.

Чиновничья безответственность шла рука об руку с административной безынициативностью, ярко проявившейся в период первой российской революции. Фактором, способствовавшим выходу правомонархистов на политическую арену, была неспособность репрессивного

аппарата самодержавия навести порядок собственными силами. Крайне правые объясняли свою пассивность в первую половину революции тем, что ожидали от властей действенных мер к прекращению беспорядков. На запросы в органы власти, по свидетельствам правомонархистов, они получали неизменный ответ: не приказано мешать. «Мы видели, что те из преданных самодержавию, которые принимали должные меры к усмирению, отправлялись на тот свет, потому что не имели поддержки других. Бездействие власти, или, вернее, потворство преступникам, придавало им силу, и они издевались над тем, что мы считаем святынею...», — заявлял через два месяца после появления СРН его печатный орган¹⁸². Это породило, с одной стороны, подозрения в двусмысленной роли бюрократии, с другой — привело к мысли о необходимости собственной самоорганизации для противоборства. Таким образом, именно пассивность власти способствовала мобилизации консервативных сил.

В послереволюционное время изъян бюрократии проявился в ее идеально-политическом индифферентизме. Если правительство Витте черносотенцы заносили в разряд революционных, то правительство Столыпина «держит себя нейтрально, оно хочет быть беспартийным, беспринципным, с одинаковым беспристрастием относиться ко всему происходящему»¹⁸³. Массовым явлением во властных структурах стало занимать выжидательную позицию. Появление в стране парламента дало административному аппарату возможность топить решение назревших проблем в думских словопрениях. Касаясь обсуждавшегося в правительстве вопроса изменения статуса Финляндии, черносотенная пресса писала: «Полились речи, обещания. Словами до некоторой степени общественная совесть была усыплена, до дела же не добрались. О Финляндии успели поговорить даже в германском рейхстаге. А нужно

было ввести в Финляндию 2 корпуса и заговорить на этом языке; весь вопрос и был бы исчерпан»¹⁸⁴.

Боязнь со стороны высших чиновников рисковать, нежелание брать на себя ответственность приводили к серьезным провалам при реализации государственной политики. Правительство Столыпина упрекали и в т. н. «приказной волоките», происходящей от небрежности, придирчивости и нерадивости чиновников¹⁸⁵. Особенно данные претензии касались самого премьер-министра, который не использовал имевшийся у него ресурс воздействия на царя: «...при своем красноречии он мог бы убедить государя сравнять окраины с Центром, но он не хочет...»¹⁸⁶

По мнению черносотенцев, бюрократический аппарат страдал незнанием истинных условий жизни страны, управляя и законодательствуя «из-за стен канцелярий и на основании только опыта, выработанной в тех же канцеляриях, почему результат такой кабинетной деятельности не мог быть согласован с действительными нуждами народа»¹⁸⁷. Дистанцированность от социальных проблем оборачивалась неспособностью эффективно реагировать на возникавшие государству и империи угрозы, дезинформированием и извращением воли царя. «...Находясь далеко от народа и не зная его нужд, подносили к утверждению государя такие законы, которые не только не отвечали народным желаниям, но иногда были направлены вразрез народным интересам», — говорилось в выпущенном в декабре 1905 г. обращении Русского собрания¹⁸⁸.

Ярким проявлением игнорирования воли царя являлось отношение к правомонархическим организациям. Черносотенцы указывали, что царь выказывал всяческое удовлетворение крайне правыми, называя их опорой, бюрократия же навешивала ярлык «революционеров спра» и преследовала¹⁸⁹. Крайне правые находили в этом прямой

умысел: «...лица, уже захватившие беззаконно народное достояние, всеми силами стремятся устраниТЬ истину от монарха, так как при таких условиях им легче всего пользоваться своим произволом и угнетать народ, обманывая царя»¹⁹⁰. Приводились и конкретные примеры: «Например, финляндцы и шведы при Александре II, пользуясь благосклонной поддержкой состоявших на русской службе бюрократов, наложили полную печать молчания на всю патриотическую русскую прессу в вопросах, касавшихся Финляндии, чтобы таким путем, скрывая истину от царя и русского народа, обманным путем вырвать у царя все возможные для Финляндии привилегии в ущерб царскому самодержавию и во вред русскому народу и единству России»¹⁹¹.

По мнению черносотенцев, дезинформирование «петербургской полуинородческой бюрократией» царя ярко проявилось при инициировании шедших вразрез с традиционными политическими устоями страны реформ (принятие Манифеста 17 октября, учреждение Государственной Думы и др.) под предлогом того, что русский народ «бунтует и требует этого права»¹⁹². Черносотенная пресса язвила: «В глазах Витте жиды, убивающие из-за угла русских православных людей, были бунтующим русским народом»¹⁹³.

Крайне правые были убеждены, что затеянные административным аппаратом реформы не только не приводили к успокоению страны, но подливали масла в процесс раскачивания государственного корабля. Газета «Русское знамя» писала: «Царь всегда был нам близок, скорбел и заботился о нас, это мы видим из целого ряда манифестов, при чтении которых сердце радуется, а глядя на применение обливается желчью горькой обиды»¹⁹⁴. Правомонархистам казалось, что стоит только прорвать ненавистную плотину, отделяющую царя от народа, и донести до него

информацию о положении в стране, как тотчас будут предприняты меры, которые станут «верной гарантией народного покоя, безопасности и благосостояния»¹⁹⁵.

Непрекращающаяся рознь внутри аппарата сформировала противоречивую природу российской бюрократии, воплощавшую в себе и национальные качества, и космополитизм одновременно. Результатом двухвекового противоборства этих тенденций стало появление специфического типажа чиновника, ставившего корпоративные интересы выше государственных и общественных. Это ярко проявилось в правительстве Столыпина, в котором боролись две тенденции: желание подчинить все и вся и «зов крови». Обращаясь к премьер-министру, черносотенная пресса предупреждала: «С вашей русской душой не добиться вам до конца дела согнущия России в барабан рог. Ваш бюрократический план великолепен: смирить левых, средних и правых, вышибить из всех “непокорных” дух политиканства, привести страну к одному общему знаменателю “деловой работы” каждого, дабы никто не поднял носа своего выше своего верстака, а затем под бой “построенных” интендантским порядком барабанов повести Русь прямой дорогой к храму Славы — это задача, достойного без лести преданного несравненного государственного гения... но только инородца Аракчеева (происходит из татар)»¹⁹⁶.

Крайне правые утверждали, что П. А. Столыпин и бюрократия стали препятствием на пути возрождения русского патриотизма и национального самосознания. Отказ со стороны административного аппарата не только в поддержке, но и в создании искусственных препятствий для деятельности черносотенных организаций давал основание лидерам движения в очередной раз обвинить правительство в сочувствии революции: «На верноподданных вымешивает кадетская бюрократия свою трусость перед красными убийцами, благо верноподданные до сих пор

не сопротивлялись даже против явной несправедливости из уважения к закону...»¹⁹⁷ Вместо того, чтобы представить каждому «истинно русскому возможность вполне развить дарованные ему Богом способности и с наибольшей пользою применять их на благо собственное, благо Отечества и во славу государя»¹⁹⁸, правительство давило любую инициативу верноподданных сил в отстаивании национальных интересов. В сентябре 1909 г. черносотенная пресса утверждала, что П. А. Столыпину не удалось поднять дух нации, ее нравственную силу на уровень созидательной работы. Наоборот, патриотически настроенные силы оказались «замороженными» полицейским надзором¹⁹⁹.

В октябре 1907 г. черносотенцы предъявили правительству длинный список претензий: запрет рядом губернаторов патриотических шествий с портретами царя и пением Народного гимна; создание препятствий местными властями деятельности патриотических союзов и организаций; преследование чиновников — членов СРН; попустительское отношение к избиениям и покушениям на жизнь председателей черносотенных организаций; преследование штрафными санкциями правой прессы²⁰⁰. «Бюрократы-либералы арестовывают патриотов, доставляя возможность евреям напасть на безоружного арестанта и превратить его в кусок окровавленного мяса (как это было с несчастным Прохоровым в Елизаветграде)...», — констатировала газета «Русский народ»²⁰¹. Состоявшийся в начале сентября 1906 г. Съезд председателей СРН и членов Русского собрания направил телеграмму председателю Совета министров П. А. Столыпину, в которой прямо указывалось на потворство администрации крамольникам: «...из всех охваченных смутой городских центров империи, от руководителей местных монархических союзов, лиц безусловно уважаемых и облеченных доверием тысяч русских людей всех сословий, поступают заявления, что

первыми покровителями революции часто являются, не-постижимым образом, лица из администрации, нередко весьма высоких степеней. О всех таких лицах должно быть начато дознание, они должны быть смещены и подвергнуты заслуженной каре»²⁰². Враждебное отношение начальствующих лиц заставляло правомонархистов обращатьсяся напрямую к царю за защитой: «Вождь народа. Повели постановленным властям споспешствовать деятельности тобою вызванного в жизнь Союза русского народа, не чинить препятствия к вступлению в ряды этого Союза служилого тебе люда, а враждебных Союзу начальствующих устрани»²⁰³.

Другим свидетельством желания П. А. Столыпина ослабить позиции крайне правых во властных структурах стали многочисленные факты преследований пользовавшихся поддержкой черной сотни царских администраторов и представителей духовенства, зарекомендовавших себя как бескомпромиссных борцов с крамолой: «Покушался на генерала Думбадзе — последнего спас сам царь, пытался выжить генерала Толмачева — государь не допустил, за Толмачевым следовали Пешков, Селиванов, Веретенников»²⁰⁴. Преследованиям подвергся и член Главного совета обновленческого СРН бывший ярославский губернатор А. А. Римский-Корсаков. Особым вниманием высшей бюрократии пользовался авторитетный в черносотенной среде о. Иллиодор, которого по заявлению газеты «Русское знамя» выслали из Царицына за «проповедь любви и преданности царю, родине и церкви»²⁰⁵.

Дистанцирование правительства от всех слоев общества, его неспособность привлечь на свою сторону верноподданную часть населения заставляли крайне правых обвинять исполнительную власть в создании врагам самодержавия благоприятных условий для подготовки новой смуты. Черносотенная пресса с возмущением писала:

представители административного аппарата, не становясь открыто в ряды врагов существующего строя, сочувствовали революционерам своим бездействием²⁰⁶. Черносотенцы подвергали сомнению эффективность работы правительства по преследованию революционных партий. При наличии законодательства по запрету деятельности социал-демократических партий репрессивный аппарат проявлял терпимость к изданию на территории страны их печатных органов. В январе 1913 г. крайне правые утверждали: «...в столице государства издаются свободно две газеты, "Правда" и "Луч", в которых ежедневно проповедуются социал-демократические учения, приглашают в организации тайных обществ... возбуждают одну, работающую, часть населения против другой — дающей эту работу; внушают ненависть к существующему строю и подготавливают темные народные массы к организованному выступлению на совершение социального переворота»²⁰⁷. Черносотенцы возмущались: их газеты подвергались постоянным штрафам, в то время как революционеры спокойно издавали свои печатные органы. В программных документах право-монархистов неизменно присутствовал пункт о необходимости пересмотра законов и правил о средствах массовой информации в направлении «обуздания революционной, клеветнической и безнравственной деятельности некоторых видов печати». Предлагалось создать систему, которая бы исключила гонения на монархическую прессу: «...существуют две марки в русских судах, в управлении по делам печати, во многих губернаторских канцеляриях. Одна неизменно строгая для черной сотни, другая столь же неизменно благодушная для крамольных "товарищей"...»²⁰⁸

Особой критике подверглось судебное ведомство, по-водом для которой послужили многочисленные осуждения участников октябрьских погромов 1905 г.: «...существующее ныне, уже совершенно бессмысленное, бестолковое

положение, при котором произвол чиновников достиг высшей своей степени, когда справедливости и правосудия искать негде, когда людей, не совершивших никакого преступления, сажают в тюрьмы и держат там иной раз больше года исключительно за преданность царю и Отечеству, когда выгоняют со службы людей верных долгу, честно исполняющих свои обязанности, и в то же время выпускают на свободу заведомых убийц, захваченных на месте преступления...»²⁰⁹ Идеологи Союза русского народа открыто заявляли, что «русский суд находится иногда под влиянием евреев, и благодаря этому весы правосудия пристрастно наклоняются в их пользу»²¹⁰.

На этом фоне дикими казались гуманные приговоры участникам революционного движения. В октябре 1907 г. черносотенная пресса прямо указывала на оправдание Сенатом по суду лиц, оскорблявших и глумившихся в печати над особой царя, а также заведомых крамольников, покушавшихся на существующий государственный строй²¹¹. В августе 1907 г. академик А. И. Соболевский, выступая перед общим собранием Союза русских людей, делал вывод, что суды стоят на стороне революции, так как проявляют «милость» к революционерам и строгость к верным сынам царя и Родины.

Это негативно сказывалось на общем моральном состоянии населения, терявшего нравственные ориентиры и уважение к законности: «...суд развратил совершенно население, смешав у него понятие о дозволенном и недозволенном, о добре и зле, ибо в нашем суде установилась тенденция выступать как бы в защиту преступников и преступления...»²¹² По существу, черносотенцы обвинили государство в отказе от выполнения своих обязанностей по защите подданных, обеспечению их личной и имущественной безопасности: «Не горькой ли насмешкой являются либеральные замыслы преобразований, когда

нет суда и защиты от воров и убийц, и население, платящее огромные налоги, не может воспользоваться правом союзов и собраний с единственной целью самозащиты, так как государство восстановить порядок и безопасность не умеет или не хочет²¹³. В целях преодоления ситуации, когда в «судебном ведомстве прекратились бы случаи покровительства революции», Союз русского народа потребовал от правительства удаления из судебного ведомства чиновников, принимавших участие в оппозиционных политических партиях, а также евреев²¹⁴.

Крайне правые обращали внимание и на то обстоятельство, что осужденным за противогосударственные преступления в местах высылки создаются достаточно комфортные условия отбытия наказания. Гуманность русского суда способствовала искусенному увеличению числа «борцов за свободу». Казенная пенсия ссыльным политкаторжанам нередко превышала заработок трудящихся тех мест, куда высылались государственные преступники. На севере страны и в Сибири даже появился своеобразный вид бизнеса среди местных жителей, намеренно оговаривавших себя в совершении политических преступлений, с тем чтобы попасть в категорию ссыльных. Корреспондент «Русского знамени» из Архангельской губернии писал: «Известно, что многие семейные крестьяне, коренные русаки, нарочно примазываются к ограбному движению, чтобы быть высланными со всеми чадами и домочадцами в нашу губернию и пожить спокойно, на казенных даровых хлебах. Бывают и такие ловкачи, которые превращают ежемесячное пособие в пожизненную ренту, совершая последовательно ряд преступных деяний серьезного политического характера, чтобы длить без конца срок надзора, всю жизнь ловко разыгрывать народного героя и страдальца за убеждения, которых у него никаких и никогда не было»²¹⁵.

Непоследовательность и противоречивость деятельности репрессивного аппарата самодержавия возмущала черносотенцев. В мае 1911 г. накануне выборов в IV Государственную Думу черносотенцы утверждали, что неэффективность работы бюрократии проявлялась в том, что она уничтожала только внешние признаки революции, но не выкорчевывала корень — тайные организации революционеров: «Ведь весь революционный штаб совершен-но цел. Носарь, Бронштейн, Гершуни, Ратнер, Фидлер, Дейтч, Стефанович и прочие — все они за границей и оттуда руководят движением»²¹⁶. Правительство критиковалось за пассивность и снисходительность к вождям оппозиционеров: «Оно должно подавить мятеж. Оно должно уничтожить мятежную армию, а не сажать ее на казенные хлеба, доставляя ей удобства и развлечения, смущаясь перед ее театральными голодными и голыми забастовками и предоставляя ее начальникам преспокойно перекочевывать за границу»²¹⁷.

Неэффективность мирных средств, коварство и бескомпромиссность революционеров диктовали необходимость применения жестких методов: «Все мирные пути — созывания Думы, амнистия, либеральные законы — давно уже испробованы, и на них нельзя уже возлагать никаких надежд. У врага на все один жестокий, но нехитростный ответ: нам надо царя свергнуть... вас истребить, а имущество ваше поделить»²¹⁸. В борьбе с революционным лагерем черносотенцы настаивали на заимствовании его методов: «...в ответ на революционный террор правительство должно казнить революционеров, т. е. подавлять вредное для большинства явление путем беспощадного насилия. Точно так же в ответ на злостные речи, которые произносит ныне в Государственной Думе Миллюков, — правительство, обладающее силой, должно карать подобных ораторов, должно, по меньшей мере, заточать их в оди-

ночное заключение, где они могли бы одуматься и понять, что нельзя безнаказанно оскорблять верования и идеалы многих миллионов своих соотечественников»²¹⁹. Обращаясь к П. А. Столыпину, «Русское знамя» предлагало план действий: «Нет, господа правительство, по-видимому, нельзя обойтись одной маниловщиной. Волей-неволей вам приходится воевать. Конечно, если воевать всерьез, то надо не только распустить Думу, но временно отменить всю конституцию, временно отменить или приостановить действие многих законов»²²⁰.

Бюрократический аппарат оказался глухим к многочисленным призывам из правомонархического лагеря проявить жесткость в подавлении крамолы. Это неизбежно сказывалось на ситуации на окраинах империи, где на фоне пассивности, апатии и прямом саботаже местных администраций, не желавших раздражать инородцев резкими действиями, национальные элиты становились новыми центрами силы²²¹. В июле 1908 г. печатный орган СРН газета «Русское знамя» прямо обвиняло русских наместников на Кавказе, в Финляндии и Польше в самоустраниении от выполнения государственных функций, что подогревало сепаратистские аппетиты инородческих националистов: «А кто создал такое печальное положение, как не русские же администраторы, стоявшие во главе управления Финляндией! Лишенные даже всякого намека на патриотизм, они только заботились об интересах вверенной их управлению окраины и об уничтожении всяких связей ее с метрополией»²²².

Революция не послужила уроком и катализатором для исправления положения. И в послереволюционное время крайне правая печать подвергала бичеванию русскую власть на окраинах, которая «из своекорыстных выгод добиваясь власти за счет и во вред русскому народу, стремится ко всевозможным автономиям в Финляндии,

Прибалтийском, Привислинском крае, Кавказе и т. д.»²²³. Особо чувствительные критические удары получили русский наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков за поддержку идеи земства и обучение в низших и средних учебных заведениях на языках местных народов²²⁴, аппарат генерал-губернаторства Царства Польского за срыв политики русификации и потакание полонизму и католическому прозелитизму²²⁵. Крайне правымказалось, что в послереволюционной России рычаги управления окончательно выпали из рук бюрократии, а страну охватила анархия, по масштабам с которой не могли сравниться «ни республики древнего мира, ни современные разбойные республики Южной Америки»²²⁶.

Наиболее явно неспособность центральной власти противостоять поднимавшим голову национальным элитам, создававшим параллельные административные структуры и концентрировавшим в своих руках властные полномочия, проявилась на Кавказе²²⁷. На страницах черносотенной прессы приводились конкретные примеры отсутствия жесткой государственной политики по пресечению сепаратистской и революционной деятельности. В частности, в условиях отсутствия национального правителя руководство Армяно-григорианской церкви с центром в Эчмиадзине фактически присвоило себе светские управленческие функции, став неофициальным органом управления армянского народа, решения которого «во всей частной и политической жизни армянства обладают... непреложной силой закона и беспрекословной обязательностью. С послушниками, кто бы они ни были, не исключая даже самих епископов, расправа крута и коротка»²²⁸. При внешней лояльности центральной власти Эчмиадзин строил свою работу на основе глубокой конспирации и находился вне контроля русской администрации. Это давало армянскому духовенству возможность тайно поддерживать

националистические партии, в частности Дашнакцутюн, инспирировать сепаратистские настроения, тайно управлять всеми пружинами политической жизни Закавказья.

Бюрократии вменялось в вину и попустительство агрессивной религиозной пропаганде РКЦ среди православного населения Западных губерний²²⁹. Католический прозелитизм становился серьезным фактором в территориальных спорах и geopolитическом раскладе тогдашнего времени. Особую остроту эта проблема получила в связи с Холмским вопросом: «...спешат всеми правдами и неправдами расширить область, населенную католиками, надеясь таким способом приобщить явочным порядком к Польше если не всю, то хотя бы часть Западной Руси»²³⁰. Крайне правые били тревогу по поводу складывающейся в западных губерниях ситуации. Об этом свидетельствовали многочисленные кричащие заметки в их прессе: «Русская земля в руках польских панов-католиков»; «Для католической шляхты отобрали землю у русских помещиков и дали совсем даром, а русского мужика гонят чуть не в Китай»; «Русские власти чуть не целуют рук у польских панов»; «...в Киеве на каждой улице баптистская соборня, на каждом шагу католический ксендз. Хуже, чем во времена Речи Посполитой» и т. д.²³¹ Черносотенцы, по существу, выступали лоббистами интересов православия, используя для этого специфические методы социально-политической борьбы.

В концентрированном виде в вину аппарату генералгубернатора Царства Польского предъявлялись следующие претензии.

Во-первых, халатность в русификации Польши, проявлявшаяся в препятствовании русской крестьянской миграции, противодействии скупке земель и недвижимого имущества «русскими покупщиками», а также устройстве русских школ и строительство православных храмов. При этом администрация губерний Западного края не препят-

ствовала переходу русских имений в польские, а частью в еврейские руки²³².

Во-вторых, игнорирование проблемы повышения благосостояния и образовательного уровня русских хозяйственных слоев (предприниматели, ремесленники, крестьяне), что приводило к их неспособности выдерживать соперничество с польскими и еврейскими конкурентами. По заявлению крайне правой прессы, русские торговые люди оставались «таким же “быдлом”, каким были в 1861 году: кротким, смирным, непредприимчивым, неграмотным, необученным ничему»²³³.

В-третьих, самоустраниние от пресечения гонений на православное духовенство и попустительство РКЦ, проявлявшееся в дозволении проведения миссионерской работы в русских землях и создании тайных католических монастырей, костелов, школ: «Католические монастыри за участие в повстанье были конфискованы, но теперь они католикам возвращены и вновь восстановили свою деятельность. Паписты подали прошение в министерство, министерство переслало генерал-губернатору Ю.-З. края, а тот, изнывая от желания облагодетельствовать всех инородческих пришельцев, дал свое полное согласие»²³⁴. Крайне правая пресса делала вывод: «...Русь надвислинская и зависленская, белохорватная благодаря генерал-губернаторам потеряла всякий православный облик».

В-четвертых, противодействие выделению Холмщины и Подляшья из Царства Польского под предлогом сохранения незыблемости границ Речи Посполитой, отказ от репрессивной политики в отношении националистических и католических партий, их средств массовой информации²³⁵.

Крайне правые идеологи утверждали, что включенная в конце XVIII в. в состав империи Польша могла стать твердым оплотом страны на западных рубежах. Инструмен-

том русификации Царства Польского должны были стать 6 млн православных из числа белорусов и украинцев, которым противостояли 2 млн поляков-католиков, литовцев и «русских совращенцев»: «Говорящих по-польски едва наберется всего и две тысячи, как настоящих поляков... ничтожная опора для полонизма»²³⁶. Казалось, прояви власть целенаправленность и напор — и Царство Польское перестало бы существовать, слившись с русским народом. Однако за полтораста лет Польша не только не была русифицирована, но создавала постоянную напряженность на западных границах империи.

Иной пример решения национального вопроса демонстрировала национально ориентированная бюрократия допетровской поры, чьи воеводы «глубоко преданные православию и русскому делу» сумели все завоеванные в те времена земли сделать «более русскими, чем коренные русские земли»²³⁷. Приводились и конкретные примеры: «Царь Иоанн Грозный завоевал царство Казанское. Где оно? Где царство Астраханское? О них все забыли. А Царство Польское, княжество Финляндское все отлично знают...», — бросали упрек современной бюрократии черносотенцы²³⁸. В провале русификации крайне правые в первую очередь склонны были винить непоследовательность и саботаж власти.

Ставившаяся крайне правыми проблема инородческого засилья и закабаления русского народа тесно увязывалась ими с такими характерными пороками русской бюрократии, как коррупционность и коррумпированность. Массовое развращение административного аппарата началось еще в правление Петра Великого, а образчиком продажности стала правая рука великого реформатора: «...почему... государь император всея России так бескорыстен, что работает для своего народа сверх сил и ходит в заштопанных супругою чулках, а правая его рука, первый

человек в государстве после царя, его первый министр, светлейший князь А. Д. Меншиков так бесчестен, что берет взятки, хотя одевается вельможей, живет во дворце, дает великолепные ассамблеи и разъезжает в золоченой карете?»²³⁹ Всплеск коррупции наблюдался по результатам проведенных Александром II либеральных реформ в области земского и городского самоуправления: «Городские и земские налоги начали расти в необычайной прогрессии; кражи, растраты и подкуп стали обычными явлениями; народонаселение стало повсюду беднеть и разоряться; земледелие пало, дороги погублены, народное здоровье было предано на волю судьбы...»²⁴⁰

В начале XX в. продажность чиновничьей конгрегации достигла своего пика. Весомую роль в коррупционном разложении бюрократии крайне правые отводили евреям. В распространенном в 1906 г. обращении СРН прямо указывалось на корень проблемы: «...Союз ни в каком случае не может допустить порабощения коренного русского населения инородцами, а в особенности евреями, и поругания всего того, что дорого русскому сердцу, как это делалось до сих пор, особенно в последнее время, благодаря преступному попустительству, а иногда и прямому содействию крамольных и продажных властей»²⁴¹.

Засилье евреев в различных сферах экономики не поддавалось объяснению без поддержки на самых верхах административной системы. Утверждая зависимость С. Ю. Витте от еврейских капиталов, газета «Русское знамя» писала: «Он шел прямо. Открыто поощрял жидов»²⁴². Вину в поддержке еврейского натиска инкриминировали и П. А. Столыпину, который на страницах правомонархических документов фигурировал как их ставленник. Пытаясь скомпрометировать октябрьстов и поддерживавшего их премьер-министра, в начале 1907 г. черносотенная пресса делала вывод: «Народ русский отлично знает, что

октябрьское правительство поддерживает евреев. Тот же народ, особенно торговый и промышленный классы, сознает, что и торговлю и промыслы, благодаря поддержке правительства, захватили евреи»²⁴³.

Вытеснение коренных жителей из различных сфер профессиональной деятельности становилось возможным при наличии лоббистов еврейских интересов на среднем и низшем уровне чиновничьей иерархии: «Захват иудеями торговли и промыслов явно поощряется правительством. Иначе, например, не могли бы овладеть столь прибыльным аптечным делом, которое ограждено особым, на каждое отдельное предприятие, правительственным разрешением»; «Главный нерв всей торговли и промышленности — дешевый кредит, широкий и удобный, открыт иудеям их банками в таком размере, о котором мы, русские, и мечтать не смеем. Это сделалось возможным только благодаря покровительству иудейским кредитным учреждениям со стороны русского государственного банка». «Переполнение иудеями адвокатуры вызывает тем большее изумление, что допуск в число присяжных поверенных иудея зависит, в каждом отдельном случае, от разрешения министра юстиции, отказ которого в разрешении не подлежит ни обжалованию, ни мотивировке (примеч. к 380 ст. Учр. Суд. Уст.), — утверждалось в докладной записке ряда правых партий на имя премьер-министра В. Н. Коковцова²⁴⁴.

К 1907 г. черносотенцы окончательно уверовали, что значительная часть чиновничества различных уровней предала национальные интересы и находилась на содержании у еврейских финансовых воротил. Захват евреями наиболее важных отраслей экономики и социальной сферы обеспечивал им зависимость власть предержащих: «Жиды становятся страшною силой, вступать в борьбу с которой правительственная власть, связанная либераль-

ными лжеучениями, постоянно нуждающаяся в деньгах не может»²⁴⁵ Данное обстоятельство заставляло крайне правых делать резкие заявления как на страницах печати, так и в официальных документах. «Евреи ... опираясь на безнаказанность и поддержку со стороны властей, оказались господами России, а русские люди рабами, не имеющими ни возможности, ни права воздать “этим господам” должное по их заслугам», — утверждалось в циркулярном письме СРН в региональные организации²⁴⁶.

Наиболее наглядные картины тесной спайки царских слуг и евреев отмечались в черте оседлости, где коррумпированные чиновники действовали явно в ущерб православному населению. «Дело доходит до того, что на западе местная администрация, несмотря на просьбы русского простонародья, не назначает базары и однодневные ярмарки в дни еврейских праздников, в субботы, когда евреям неудобно торговаться. Суббота соблюдается свято, а вся торговля переносится на воскресенье», — жаловались крайне правые²⁴⁷. Недоумение черносотенцев вызывало игнорирование правительством многочисленных телеграмм с жалобами по фактам враждебных проявлений евреев и предложениями по их нейтрализации.

Нередко бюрократия сама давала черносотенцам возможность утверждаться в обоснованности своих подозрений. Так, доказательством попустительства евреям стал принятый в мае 1907 г. особый правительственный циркуляр о запрещении местным властям водворять в черту еврейской оседлости тех иудеев, которые «противозаконно, путем захватного права, расселились в огромном количестве по всей России». «Пора, наконец, правительству исполнить закон и выселить иудеев из тех мест, где они не имеют права жительства. ... в черте оседлости иудеи, в явное нарушение закона, являются во множестве владельцами и арендаторами сельских недвижимостей.

Тем не менее, обязанность свою, прямо указанную в законе: уничтожать подобного рода сделки путем судебных исков — правительство совершенно забыло, и ни одного такого иска за последнее десятилетие предъявлено не было», — заявляли в докладной записке, посланной на имя премьер-министра В. Н. Коковцова, руководители ряда крайне правых союзов²⁴⁸.

В отличие от политических противников крайне правые не отождествляли православно-монархическую форму правления и бюрократический аппарат²⁴⁹. В связи с этим идеологи правомонархистов заявляли о недопустимости подмены понятий: «Наивные люди видят все спасение от переживаемых ныне нашей Родиной бедствий — в перемене формы управления государством по западноевропейскому образцу, причем этому западному строю противополагают обыкновенно тот бюрократический строй, который царил у нас еще недавно...»²⁵⁰ Абсолютистской монархии и западной республиканской модели право-монархисты предлагали альтернативу — возврат к модели Русской православной монархии, при которой православный царь и русский народ составляют нечто единое и действуют сообща, как союзники. Прослойка московской бюрократии была тонка и национально ориентирована, не мешая прямому контакту государя с поданными: «В стариину у нас, на Руси, государи стояли близко к народу, в тесном единении с ним. Тогда потерпевший от несправедливости обращался прямо, как к своему защитнику, к самому царю и находил у него защиту и справедливость»²⁵¹. Существование земских и церковных соборов, института патриаршества давало возможность царю постоянно слышать голос русского народа и церкви по всем вопросам.

Предвосхищая вопрос о столь легком «падении» строя Русской православной монархии, черносотенцы заранее оправдывались: «Только гигантская сила Петра I могла

справиться с такой задачей, но эта же сила, действуя в иных случаях против воли народной, наделала таких ошибок, за которые мы еще и теперь вынуждены расплачиваться»²⁵². Следует отметить, что черносотенцы были далеки от идеализации допетровской системы государственного и социального устройства, признавая, что «нельзя являться слепым поклонником всех тогдашних порядков и не все может быть перенесено в современные условия общественной жизни как нечто полезное», но отстаивали мнение, что допетровская Москва была в соответствии со своей исторической эпохой на верном пути развития²⁵³.

Некоторые современные исследователи находили искусственность и противоречивость в системе рассуждений черносотенцев. В частности, указывалось, что, по логике черносотенцев, самодержавие сводилось к одному самодержцу. «На вопрос о том, как один человек может управлять огромной империей, ответа, разумеется, не было», — писал исследователь С. А. Степанов²⁵⁴. Крайне правые не находили в этом противоречия, так как использовали религиозный подход в оценке данного явления. Базисная идея о нравственной поврежденности человека, который портит представляемый им бого данный институт, являлась для них теоретической основой дальнейших рассуждений. Иначе говоря, недостижимость идеала бюрократии была заложена в самой ее природе в силу зависимости от человеческого фактора. «...Ввиду того, что составными элементами этого механизма являются люди со своей собственной волей, со своими собственными желаниями и мыслями, передача при его помощи центральной воли за пределы ее непосредственного влияния легко может сопровождаться не только уклонениями, но и прямым извращением ее настоящего направления», — писал И. И. Восторгов в книге «Монархический катехизис»²⁵⁵. Ему вторило «Русское знамя»: «И администрация у нас не

потому плоха, что территория большая, а потому, что она заполнена дрянными элементами, больными в умственном и нравственном отношении»²⁵⁶. Избавление бюрократии от присущих ей недугов виделось в нравственном совершенствовании ее представителей, что обуславливало необходимость усиления влияния на общество РПЦ.

С момента своего возникновения черносотенцы подвергали бюрократию постоянным нападкам, возлагая на нее вину за состояние страны²⁵⁷. Именно на резкой критике правительства будущими лидерами правомонархического движения зарабатывались политические очки и утверждался авторитет. Председатель Русской монархической партии В. А. Грингут на состоявшемся в октябре 1906 г. III Всероссийском съезде русских людей в Киеве указывал причины возвышения в крайне правой среде основателя крупнейшей черносотенной организации СРН А. И. Дубровина: «...он первый с организовал ту стихию, которая известна под именем черной сотни, и первый поднял голос «Долой Витте», этого величайшего врага и лжеца России — и это в то время, когда никто не смел сделать это, а он посмел...»²⁵⁸. Начав с критики С. Ю. Витте, правомонархические идеологи и публицисты уже не могли остановиться, сделав травлю административного аппарата одним из важнейших направлений пропагандистской деятельности. Иными словами, определившийся в начале движения критический настрой по отношению к чиновничьей конгрегации черная сотня не могла преодолеть, продолжая следовать ему до конца.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что именно традиционалисты выступили в невольной роли спасителя бюрократии в годы революции: «Если б дело шло только о спасении бюрократии, ни один патриот не الشевельнул бы пальцем. Но дело шло о монархе, неслыханно униженном предательской бюрократией, и об Отечестве.

...земщина спасла бюрократию, успевшую опять шарахнуться к покинутому монарху»²⁵⁹.

Желая поставить все точки над «і» в своем отношении к административному аппарату, в сентябре 1906 г. I Всероссийский съезд уполномоченных отделов СРН официально заявил, что решительно порывает со старым режимом и «не желает возвращения к бюрократическим порядкам последних годов, когда именем царя на Руси творились всякие беззакония»²⁶⁰. Признавая техническую отсталость страны, они возлагали за бюрократию ответственность только на чиновничью корпорацию: «Россия отстала и, пожалуй, еще в большей степени, нежели от своего века отставали наши допетровские предки»²⁶¹. Черносотенцы отказывались признать тезис оппозиционеров о причинно-следственной связи самодержавной формы правления и поражения России в Русско-японской войне, приводя многочисленные примеры военных неудач конституционных стран. Поражение в войне, катализировавшей революционный взрыв, по их мнению, потерпело не самодержавие, а «государственные воры и изменники».

Обосновывая жесточайшую критику, черносотенцы указывали на бюрократию как на основную причину, мешающую воплотить на земле «царство Божье»: «Но до сих пор идея православного царя далеко не достигла идеального своего воплощения в жизни, так как расхищение царского самодержавия шло и идет до сих пор»²⁶². Бюрократия отвечала черной сотне взаимностью, дав ей кличку «революционеры справа». В отличие от революционного лагеря, который определялся как враг «нестрашный», председатель Союза Михаила Архангела В. М. Пуришкевич предупреждал единомышленников: «Страшен враг скрытый. Это те, которые, пользуясь своим положением, стараются изобразить нас какой-то дикой бандой хулиганов. Остерегайтесь поэтому сановных шабесгоев»²⁶³.

Справедливости ради следует отметить, что для черносотенцев российская бюрократия не была монолитной. Отсутствие идейно-организационной консолидированности было результатом реформаторской деятельности Петра I, внесшего раздрай и в ряды административного аппарата. Со времен Петровских реформ бюрократия делилась на два лагеря: 1) космополитический лагерь, набранный из инородцев и русских чиновников, представлявших собой плохие копии с хороших заграничных оригиналов; 2) русский лагерь, состоявший из служилых людей, сохранивших связи с национальными устоями. Перенос столицы из Москвы в Петербург преследовал цель минимизации воздействия на политику царя именно национально ориентированной бюрократии²⁶⁴. По мнению черной сотни, последние два века русской истории представляли из себя непрерывную борьбу двух группировок за власть, влияние и экономическое господство над третьей группой — народом. Это разделение, продолжавшее углубляться и вносявшее дальнейший раздор в среду народа, было унаследовано и современной черносотенцам Россией²⁶⁵.

Основная разница двух лагерей проходила по линии воздействия на объект государственного управления — народ. Для космополитов народ представлял лишь неодушевленный объект приложения сил, что приводило к жесткой и безжалостной государственной политике без учета национальных и религиозных особенностей страны. «Русский лагерь» бюрократии в основном выполнял компенсаторную роль сглаживания наносимого космополитами вреда: «Ни у одного русского бюрократа от сотворения бюрократии не хватало духу бить народ смертным боем. Били инородцы-временщики, но и тем русские бюрократы не давали добить до смерти. Сами вначале попустительствовали инородчине, а потом сами

же первые спохватывались и свергали временщиков. Тем только и жива досель Русь...»²⁶⁶

Крайне правые утверждали, что только из-за наличия в бюрократической среде оставшихся верными русским идеалам чиновников удавалось поддерживать национально ориентированный вектор движения государственного корабля. Например, при разработке реформы об освобождении крестьян 1861 г. космополиты, желая удержать в своем обладании всю землю как залог господства в стране, требовали освобождения без земли. «Русская партия» предлагала наделить землей в полной мере. Освобождение явилось компромиссом двух течений, в результате чего реформа вышла половинчатой. В 1864 г. при проведении судебной реформы победу одержала партия космополитов, принесшая в страну с Запада «хитрую механику судебных уставов»²⁶⁷. Земская реформа также стала ареной борьбы двух группировок: космополиты желали видеть в земстве переходную ступень к конституции, а «русская партия» — средство управления в народном духе²⁶⁸.

Черносотенцев нельзя рассматривать как анархизированные элементы, подвергавшие огульной критике правительство. Признавая необходимость бюрократического аппарата как проводника воли верховной власти, они не ставили целью его полного уничтожения: «Люди, говорящие о необходимости уничтожения бюрократии, говорят такую же нелепость, как проповедующий необходимость обрубить руки всему человечеству, так как есть люди, злоупотребляющие своими руками для грабежей и убийств...»²⁶⁹ Напротив, стремление упразднить весь бюрократический аппарат было присуще революционным партиям. В феврале 1907 г. «Русское знамя» четко заявило: «...без бюрократии ни одна система государственного управления обойтись не может, и самые республиканские страны управляются при посредстве все той же

бюрократии»²⁷⁰. На незаменимость бюрократии в книге «Монархическая государственность» указывал и теоретик монархической доктрины Л. А. Тихомиров: «Власть служилая, в виде всякого рода чиновников, комиссаров и т. п., составляет тот безусловно необходимый и полезный правительственный механизм, который служит для передачи и осуществления правящей воли»²⁷¹.

Крайне правые нередко вставали на защиту административного аппарата, особенно при очередных огульных нападках в либеральной прессе. В этом случае звучали заявления, что среди чиновников есть немало добросовестных людей, честно исполняющих свой служебный долг²⁷². В качестве аргумента указывалось на положительные черты русской бюрократии, отличавшие ее от зарубежных коллег: «...наша бюрократия гораздо демократичнее немецкой; ни один немецкий сановник не будет так просто разговаривать с народом, как наши губернаторы и даже министры, и так не войдет в положение обывателя»²⁷³.

Правомонархисты признавали, что при любой форме правления идеальным вариантом являлось прямое действие верховной власти (без бюрократической фильтрации), что «относится не только к действию центральной власти, но всякой власти вообще, на какой бы инстанции правительенной иерархии она ни находилась», говорилось в книге видного черносотенного идеолога И. И. Восторгова «Монархический катехизис»²⁷⁴. В данном им определении бюрократии заложена позиция ее неизбежности при государственном управлении: «Бюрократией называется та иерархическая лестница лиц и учреждений, которая служит для передачи влияния монарха по всем направлениям государственного управления, ввиду физической невозможности с его стороны влияния непосредственного»²⁷⁵.

Естественное возрастание роли правительственно-го аппарата происходило с территориальным ростом империи и усложнением государственного механизма. «С развитием роста нашего государства, когда пространство стало громадно, когда население умножилось и дошло, как ныне, до громадной цифры в 150 млн человек, тогда, понятно, уже немыслимо стало для каждого из нас со своими личными нуждами иметь свободный доступ к нашему самодержцу. Точно так же и узнавать нужды народные, управлять народом, следить за исполнением законов и исполнять их и вырабатывать законы государь наш самодержавный мог уже лишь при посредничестве служилых людей», — писала черносотенная пресса²⁷⁶. Ситуация в России не была так безнадежна, как в республиканских странах. На страницах «Русского знамени» заявлялось, что русская бюрократия не имела такого могущества, как административный аппарат Франции, который в начале XX в. насчитывал 600 тыс. чиновников при 40-миллионном населении страны.

Нейтрализуя критику либералов, отождествлявших чиновничий аппарат с самодержавием, черносотенцы указывали, что недостатки российской бюрократии носят универсальный характер и в полной мере присущи и западным демократиям, хронически сотрясавшимся коррупционными скандалами и министерскими перетрясками. Имеющийся в республиканских странах строгий контроль за злоупотреблениями чиновников натыкался на поврежденную нравственную природу человека: «На практике приходится иметь дело не с идеальными людьми, а с обыкновенными, часто весьма порочными. Вот потому-то ни одна конституционная система не может выдержать ни малейшей, самой снисходительной критики»²⁷⁷.

Неустранимость присущих конституционному строю недостатков носила органичный характер, так как по-

строенное не на нравственных нормах Божественного абсолюта, а на юридических нормах государство могло противопоставить коррупции только уголовное преследование. По мнению религиозно мыслящих крайне правых, греховная природа человека не могла быть обуздана без «страха Божьего», а потому присущие чиновничеству дурные наклонности (продажность, подкупность, корыстолюбие, превалирование личных и партийных интересов над общественными) не могли быть устраниены до тех пор, пока «все люди не сделаются ангелами»²⁷⁸.

Недостатки же монархического способа правления, построенного на нравственных нормах, носили «действительный характер» и при целенаправленной работе могли быть сведены до ничтожных пределов. Бюрократизм казался небезнадежной болезнью российского общества, пока сохранялся «запал» совершенствовать нравственные качества чиновничества на основе православных ценностей. Проблема могла быть решена и наполнением чиновничьего аппарата патриотичными служилыми людьми, а также постоянной общественной критикой чиновничьей конгрегации: «Черная сотня сумеет... сказать царю правду обо всем и... обо всех. Черная сотня не побоится назвать настоящими именами деяния гг. кауфманов, витте, герардов и щегловитовых, скрыдловых и других...»²⁷⁹. Опора должна была быть сделана на поддержку имеющихся в администрации добросовестных чиновников, «готовых выслушать справедливую критику и ликвидировать причины, вызывающие жалобы и недовольство». Положительную роль могло сыграть обращение к собственной истории в целях поиска в «ней более совершенных и самобытных форм управления государством, а не в чуждом нам, давно отжившем западном конституционализме, который многолетним опытом уже доказал свою полную непригодность»²⁸⁰.

Исходя из вышеизложенных рассуждений, крайне правые приходили к выводу, что преодоление бюрократического средостения, возрождение принципа единения царя с народом, оздоровление природы бюрократии в совокупности с надклассовым и надсословным характером самодержавия способны обеспечить внутреннюю стабильность государства и удовлетворение интересов всех слоев общества: «И русские самодержцы всегда охраняли частную собственность своих подданных от захватов как со стороны черни, так и со стороны могущественных классов и лиц, и поддерживали всегда прочные основы государственности и цельности и неделимости России, ставя на первом плане общественное благо, а не отвлеченный принцип права даже если это право вредит общественно-му благу»²⁸¹.

Опровергая тезис либералов о несовместимости сильной государственной власти с гражданскими свободами, черносотенцы указывали, что самодержавная форма правления не исключала наличия гражданских прав подданных. Однако предоставление «полной свободы мысли, слова и печати всем гражданам» могло быть осуществлено при определенных условиях, к которым относились: во-первых, наличие строгого контроля за возможностью реализации свобод меньшинствами, в частности более слабыми и обездоленными слоями общества, мнение которых при конституционном строе не учитывалось, и, во-вторых, недопущение предоставления свобод нарушителям гражданского порядка²⁸². Равно наличие демократических свобод не означало жесткой увязки с реализацией права на автономное существование. Автономии могли существовать и в самодержавном государстве, как, например, финская или польская (в XIX в.), и, наоборот, могли быть упразднены при вступлении России на путь западного конституционализма²⁸³.

Крайне правые выражали надежду, что при возникновении острой потребности в разрешении аграрного вопроса, экономических проблем, связанных с бурным ростом фабрично-заводской промышленности и утверждением капиталистического строя, их урегулирование может произойти только с высоты царского престола, так как только монарх способен обеспечить законность, порядок и учет интересов всех слоев населения²⁸⁴. Утверждая нераскрытий потенциал Русской православной монархии, который должен был обеспечить процветание России в будущем, крайне правые неизменно обращали свои взоры в старину: «В Древней Руси московские князья, объединяя Русь, отбирали удел за уделом у мелких князей и постепенно все более и более суживали и ограничивали их права и власть и силой оружия заставляли повиноваться непокорных. И в петербургский период император Александр II освобождает крестьян, наделяя их землей»²⁸⁵.

§ 3. Русская интелигенция как причина государственных нестроений

Согласно воззрениям правомонархистов к концу XIX в. процесс отхода русского истеблишмента (управленческая, интеллектуальная и предпринимательская элиты) от базовых ценностей русской цивилизации — «Православия, самодержавия, народности» — был завершен. В результате полуторавековой селекции различных западных идеологических доктрин в российской элите выкристаллизовался лагерь западников, состоявший из противоборствовавших между собой групп: аристократов, бюрократии, либералов и революционеров. Если до 1861 г. первенство в перековке России на западный лад было за управленческой элитой (аристократы и бюрократия), то после отмены крепостного права данная ини-

циатива постепенно перешла в руки разночинной части русского общества, объединившей либеральную и революционную группировки, получившей в черносотенной литературе обобщенное название интеллигенции.

Ненависть к интеллигенции черносотенцы унаследовали у русских консерваторов, которые еще в конце XIX в. сформулировали тезис о ее нигилизме и революционности²⁸⁶. В неприятии западнического крыла русского образованного общества солидаризировались как охранители, так и славянофилы, считавшие, что носители либеральных и социалистических идей представляют серьезную угрозу фундаментальным ценностям российского общества. «Самые злодеи... суть не что иное, как крайнее искажение того же обезьянского образа, который приняла в последние годы вся наша интеллигенция. После этого — какого же ждать разума и какой воли от этой самой интеллигенции», — писал К. П. Победоносцев²⁸⁷. И. Д. Осипов указывал, что славянофил И. С. Аксаков видел в интеллигенции оторванную от народа небольшую группу западников-индивидуалистов, а К. Н. Леонтьев утверждал, что интеллигенция мешает русскому народу сохранять «свое, особое, национально-византийское» миропонимание²⁸⁸.

Понятие «интеллигенция» стало собирательным называнием для всех представителей образованной части общества, имевших различные политический взгляды, но которых объединяло одно — неприятие устоев русского традиционного общества и современной им православно-самодержавной России. «Известная образованность, проповеданность есть в глазах нашей интеллигенции синоним религиозного индифферентизма и отрицания. Об этом нет споров среди разных фракций, партий, “направлений”. Это все их объединяет. Этим пропитана насквозь, до дна, скучная интеллигентская культура с ее газетами, направлениями, программами, правами, предрассудками», — писал один из авторов «Вех» Сергей Булгаков²⁸⁹.

В трактовке правомонархистов термин «интеллигенция» определял не социальную прослойку или профессио-нальную принадлежность, а специфический тип мышле-ния, характеризовавшийся отрицанием русских базовых ценностей и находившийся под влиянием заимствован-ных с Запада разнонекоторых идеологических доктрин. Иными словами, понятие «интеллигенция» объединяло всех критически настроенных по отношению к Русской православной церкви, самодержавной монархии и наци-ональным устоям лиц, к которым мог относиться и родо-вый аристократ, и профессор университета, и земский чиновник, и нищий разночинец. Одна из прокламаций столичного СРН в 1905 г. указывала: «В городских думах и земствах сидят господа, а в больших городах адвокаты, профессора, студенты, учителя, погорелье помешки, одворянившиеся купцы и прочие господа, называющие себя интеллигенцией... Не признавайте ее властью и пра-вительством, разнесите в клочья...» Местом притяжения образованных «отрицателей» стала партия кадетов, кото-рая «есть не более как многочисленное сообщество ли-беральных адвокатов, профессоров и чиновников разных ведомств — и ничего более»²⁹⁴.

Черносотенцы оказались единственными жесткими критиками интеллигенции на политическом поле дорево-люционной России. Предъявляемые ей обвинения осно-вывались на антитезе уваровской триады. Отказавших-ся от мировоззренческого единства с русским народом, по мнению черносотенцев, характеризовали следующие черты: антицерковность (атеизм), антигосударственность и беспочвенность (безнациональность). Рассмотрим их подробнее.

1. *Антицерковность (атеизм).* Утверждая нерелигиоз-ность русской интеллигенции начала XX в., черносотен-цы указывали, что отказ от православного мировоззрен-

ческого фундамента создавало основу для восприятия ею западных секулярных доктрин (либерализм, социализм, национализм). По замечанию философа-богослова Г. В. Флоровского, «магистраль русского западничества» неизбежно вела в «атеизм, реализм и позитивизм»²⁹¹. Действительно, идеиные концепции либерализма и социализма отрицали христианские трансцендентные ценности, а потому могли приниматься только секулярным, позитивистским сознанием, рассматривавшим РПЦ и ее учение как анахронизм, пришедший из средневековых времен. Религиозное неверие как характерная черта русской интеллигенции была подмечена черносотенной прессой: «Скажите интеллигенту, что западные ученые, работая в эмбриологии, нашли, что в природе есть факт самозарождения, он поверит. Но скажите ему, что по воле Вечного, который сотворил природу, Сын Божий безмужне воплотился от Девы Марии, он, пожалуй, найдет это старым пережитком»²⁹².

Состояние и деятельность русской интеллигенции характеризовались крайне правыми как проявление серьезного загнивания русской общественной жизни, так как занимаются ею «люди без Бога и патриотизма»²⁹³. Представители русской интеллигенции начала XX в. сами утверждали свой разрыв с народом в религиозной плоскости. Теоретическое обоснование этому дал председатель кадетской партии П. Н. Милюков: «Разрыв интеллигенции с традиционными верованиями массы есть постоянный закон для всякой интеллигенции, если интеллигенция действительно является передовой частью нации, выполняющей принадлежащие ей функции критики и интеллектуальной инициативы»²⁹⁴.

Хотя многие представители русской интеллигенции и продолжали внешне сохранять христианский облик, строго соблюдая обрядовые требования церкви, внутрен-

не они уже не являлись носителями православного мировоззрения. «Адвокат Маклаков и не дурак, и не слабец, но он — масон, т. е. он не верует в Бога по-христиански и не преклоняется перед самодержавием русского царя ...а посему адвокат Маклаков, несмотря на блеск своих умственных качеств, народу русскому — враг, и его “сила” должна быть сломлена и обезврежена», — писала газета «Русское знамя»²⁹⁵. В черносотенной прессе отрижение интеллигенцией православной религиозной традиции интерпретировалось как проявление чуждости русскому народу: «Русское прогрессивное общество проявляет вражду и неуважение к православной церкви и любовь к жидам, и в силу этого уже одного — оно не народно, а враждебно к народу»²⁹⁶.

Черносотенцы заявляли, что попытки русской интеллигенции начала XX в. присвоить себе имена гениев прошлого не имеют под собой основания. Главное отличие тогдашних образованных слоев от их предшественников лежало именно в религиозной области, так как великие умы России по своим взглядам и убеждениям исповедовали именно православные ценности: «Если большинство интеллигенции пропитано нигилизмом и пляшет под жидовскую дудку интернациональный канкан, то лучшие умы России по роковой необходимости постепенно двигались к идее, олицетворением которой является православный царь и режим, неразрывно связанный с его властью, что можно проследить во всю историю России. Митрополиты Петр, Иона, Алексий, Филипп, св. Сергий Радонежский являлись твердыми защитниками православно-самодержавного государственного строя. Ломоносов — первый русский ученый — был убежденным монархистом и всю жизнь боролся с немцами, от которых терпел гонения, защищая интересы русской науки. Фонвизин и Державин ...были глубоковерующие православные христиане,

патриоты и преданные самодержавию своих царей. Величайший полководец XVIII века Суворов был убежденный черносотенец»²⁹⁷.

Историка Н. М. Карамзина, баснописца И. А. Крылова, поэта В. А. Жуковского, писателя Н. В. Гоголя черносотенцы относили к своим единомышленникам. По высказываниям крайне правой прессы, если бы были живы лучшие представители русской интеллигенции XIX в., они пополнили бы их организации: «Пушкин, несмотря на весь его либерализм, был по убеждению верующий православный христианин, националист и глубоко уважал императора Николая I»; «Грибоедов в своем “Горе от ума” проявил высокий национализм»; «Достоевский ...был в полном смысле черносотенцем»; «Великий химик Менделеев был черносотенец»; «И даже философ Соловьев в своей последней и лучшей работе “Оправдание добра” признал и государство и необходимость войска, защищающего силой нравственные идеалы»²⁹⁸. Даже А. И. Герцен, по высказываниям «Русского знамени», утверждал, что «принцип нашего царя чрезвычайно высок»²⁹⁹. К своим духовным наставникам черносотенцы причисляли защищавших русские базовые ценности философов-славянофилов, что зафиксировано в датированном ноябрем 1905 г. обращении Союза русских людей: «Славные имена Киреевских, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, Аксаковых и всех тех, кто потрудился над выяснением народного самосознания, да послужит нам кормчими звездами на этом трудном, но неизбежном пути»³⁰⁰.

Крайне правые утверждали, что, отказавшись от религиозного подхода в мировосприятии, русская интеллигенция заполнила образовавшийся духовный вакуум посредством культивирования нехристианских социальных учений либерализма и социализма, а также уходом во вновь созданные формы субкультур, объединявших раз-

нноплановые по доктринальным учениям секты (спиритуализм, оккультизм, гностицизм, каббализм, мартинизм, люциферианство и т. д.)³⁰¹. Специфика восприятия черносотенцами пестрой амальгамы социально-политических и псевдорелигиозных доктрин состояла в утверждении их искусственной селекции в недрах масонских лож в целях подрыва христианства, переориентации идеиного вектора народов на ложные объекты и окончательного закабаления мира. «Либерализм — есть уловление в сети жидомасонства, так как цель либеральных теорий — внести смуту в умы и сделать (людей. — *M. P.*) негодными, неспособными к здоровой трудовой культурной жизни», — писала черносотенная пресса³⁰². Социалистическому учению давалась следующая характеристика: «Басня о нелепом равенстве всех людей — вот та ловушка, посредством которой жиды надеялись и надеются достигнуть своей цели. Этой басней заполнилась душевная пустота русского интеллигента, а более всего студенчества. Жиды поднесли русскому студенчеству фальсифицированную религию — социализм»³⁰³.

Таким образом, разноплановые социальные и псевдорелигиозные концепции, носителями которых являлись образованные слои, рассматривались как инструмент целенаправленного уничтожения христианства. В частности, либеральная и социалистическая доктрины относились крайне правыми к суррогатным формам религии, призванным вытравить из сознания человека данный Богом вечный закон и заменить его теорией прогресса, утверждавшей неизбежную эволюцию общества и приход «светлого будущего». Цели обоих движений были направлены на водворение в России античного бесцерковно-государственного строя взамен христианского церковно-государственного³⁰⁴.

Обращаясь к опыту практической реализации либерального комплекса идей, черносотенцы указывали, что

он послужил ферментом свержения монархии в Европе³⁰⁵ и идеологической оболочкой утвердившегося на Западе капиталистического строя, открывавшего «вольным каменщикам» дорогу к политической власти и национальным богатствам «гоев». По мнению крайне правых, ориентированное на неимущие слои населения социалистическое учение планировалось масонами как средство масштабного передела в стране собственности. Привлекательность социализма обуславливала романтическим ореолом идей социальной справедливости, способных увлечь русскую молодежь на разрушение созданного предками государства: «Жиды, вообще, ловкачи по части фальсификации и отличные мастера втирать очки этой фальсификацией наивному люду. Окрасить воробья под соловья и спустить его по цене соловья — вот на что жиды весьма способны. Также они, в лице своего типичного представителя немецкого жида Маркса, подкрасили грубо материалистичный, бездушный социализм нелепыми сказками и пустили в ход. Наши молодые люди, очертя голову, бросились в омут, и сколько знания и энергии погублено ими в позорной памяти «освободительное» время — трудно сказать, но страшно много»³⁰⁶.

По мнению правомонархистов, предлагаемые русской интеллигенцией рецепты реформирования страны на либеральных или социалистических началах не имели в русском народе глубоких идейных и культурных корней. «Тому, кто читал Ломоносова и Державина, Тютчева и Достоевского, кто задумывался над характером и силой влияния Амвросия Оптинского, — ясно, что к скотским мерзостям милюковых русская духовная культура сведена быть не может», — писала газета «Русское знамя»³⁰⁷. Противопоставляя русский народ и интеллигенцию, крайне правые публицисты указывали, что попытки заменить православие и ценности традиционного общества

различными философскими суррогатами не дадут успеха, так как корни русской духовной культуры виделись в религиозном мировосприятии. «... А выросшее на такой почве обыкновенно не чахнет от столь ничтожных причин, как публичный духовный разврат, производимый кучкой милюковых. Милюковы побеснются и перемрут, а русские люди еще долгие века будут ходить в церковь и ставить свечи перед иконами...», — делала прогнозы черносотенная пресса³⁰⁸. За два месяца до падения самодержавия «Русское знамя» указывало русской интеллигенции на ее заблуждения: «Станьте сначала счастливы, а потом уже начинайте учить других, потому что право на учительство дает людям только счастье, ибо счастье — первый признак силы. Не владея счастьем, левая мразь тем самым показывает, что она — бессильна. А учиться у бессильных, душевно худосочных визгунов и пачкунов ни русский, ни какой-либо другой народ не станет»³⁰⁹.

Менее политизированную часть русского образованного общества отказ от христианских ценностей вынудил создавать свою собственную субкультуру, получившую особо широкое распространение в аристократических и т. н. богемных кругах России. Массовое появление в России в начале XX в. теософских обществ в Петербурге, Москве, Киеве, Калуге, Владикавказе, Смоленске и других городах (в основном в 1907 г.), по мнению крайне правых, фиксировало окончательный отход части общества от православия. «Отсюда нарождение всевозможных сект и ересей, отсюда злоба, ненависть и классовая рознь, отсюда телесный и духовный разврат, отсюда прожигание жизни...», — констатировали черносотенцы³¹⁰.

В издававшихся сектантами журналах «Теософское обозрение», «Теософская жизнь» и др. делались попытки создания заключенного мировоззрения на основе синтеза религии, философии и опытной науки. Предупреждая о

глубоко антиправославной сущности теософии, представлявшей опасность для сознания народа, черносотенная пресса открыто указывала на масонский источник многочисленных религиозных суррогатов: «Мысли, учения, образ действия и цели современных теософских обществ и теософского движения, несомненно, имеют много общего с иллюминатским масонством, но современные адепты свободной теософии, по-видимому, пытаются опереться на пантеистическое учение Боруха Спинозы. Пантеизм, как философская система, несомненно, есть учение антихристианское, и теософское движение в России приходится признать антихристианским, являющимся на поддержку так называемому освободительному движению»³¹¹.

Опасность теософов виделась в том, что, относя традиционную церковь к разряду анахронизмов, они рядились под одежды «просвещенных» боголюбов, способных ввести в соблазн ереси значительные массы населения предложением некой новой соответствующей духу времени религии. «А разве не лжехристы этот недавно умерший великий богохульник и ересиарх Толстой со своими последователями, или люди, именующие себя «евангельскими», а также «голгофскими» христианами, или слуги сатаны и вызыватели нечистых духов масоны, чрез sectу мартинистов со своим главой жидом Папюсом, одурачивающие русских людей призывом объединяться якобы во имя Спасителя в общество «Рыцарей храма», — писали ярославские союзники в «Русское знамя»³¹².

Ярким примером разложения русских образованных классов стал Л. Н. Толстой, в личности которого в концентрированном виде обнаружились все язвы интеллигенции. Список претензий черной сотни к классику русской литературы был велик, но на первом месте стояла его антихристианская деятельность, выразившаяся в ряде еретических работ: «Исповедь», «Новое Евангелие»,

«В чем моя вера», «Критика догматического богословия», «Царство Божье внутри нас», «Мысли о Боге», «Как читать Евангелие». На основе анализа этих произведений крайне правые вменили великому старцу в вину, что он «отринул Бога как личность, находящуюся вне нас», поставил Христа в один ряд с Платоном, Сократом, Буддой, Конфуцием, низвергнув Мессию до уровня «простого человека», почтить за Бога которого «великое кощунство», обвинил Святых апостолов во лжи, искажении учения Христа, объявил Евангелие «произведением бесчисленных рук и умов человеческих, исполненных погрешностей», отверг общехристианский Никейский символ веры, заклеймил христианскую церковь как «изобретение дьявола», укорял священников в сознательном «религиозном обмане и подлоге» Евангелия, в «мошеннической замене» учения Христа своей «святодуховной» церковью, отрицал церковные таинства как «приемы грубого колдовства», порицал иконы как «чурбаны», призывал запретить обучение Закону Божьему в школах и т. д.³¹³

Резкой критике подверглась и измыщенная Толстым псевдорелигия «непротивления». «Пропагандируя идею жидомасонов “не противьтесь злу”, идею разрушения жизни, Л. Н. Толстой учит слабовольных и легкомысленных людей строить свою жизнь не согласно с Божескими и человеческими законами, а по своему личному усмотрению... Таким образом, Л. Н. Толстой проповедует полную анархию, которая приводит общество и государство к разрушению», — бичевало в марте 1911 г. классика русской литературы «Русское знамя»³¹⁴.

В критике Л. Н. Толстого содержалась квинтэссенция оценки деятельности русской интеллигенции в целом: «С редким “художеством” нечестивый старец вот уже 30 лет безнаказанно срывает Христа со святого креста, поносит и бичует его, топчет и неистово хулит церковь Хри-

стову и все святыни земли русской, грабит душу России, толкает на ужасные религиозные преступления и зверства целые массы несчастных, сбитых им с толку сынов России, гонит их в тюрьмы, на смерть, на скитания в дальние края...»³¹⁵ Обращаясь к великому старцу, «Русское знамя» писало: «Вы много поработали на литературном поприще, многими сочинениями обогатили русскую литературу; но, вторгвшись в неведомую вам область богословия... вы много вреда причинили православию и православным христианам»³¹⁶.

Антицерковная деятельность классика русской литературы Л. Н. Толстого стала основанием для протesta крайне правых против инициативы Московской городской думы по приданю официального статуса празднованию его 80-летнего юбилея в августе 1908 г. в Москве: «Какой ужасный трагизм! Многотысячное христианское население столицы и многомиллионной христианской страны властью случайной кучки людей привлекается к чествованию того, кто грязной старческой рукой и хульным языком нагло попрал сокровенные святыни христиан...»³¹⁷ Для черносотенцев празднование юбилея в столице Святой Руси человека, возводившего «хулы на самого Христа, Богородицу и таинства церкви», казались святотатством и кощунством. Тем более, что Л. Н. Толстой не покаялся перед увещеваниями Святого синода обратиться на путь истины после разоблачения его теории русскими архиепископами и профессорами богословия³¹⁸.

2. *Антигосударственность.* Под антигосударственностью интеллигенции черносотенцы понимали неприятие православно-самодержавной монархии вследствие секуляризации ее сознания и попытки выработать новую модель социальной организации, оторванную от традиционных национально-государственных устоев, носящую универсальный характер и основанную на абстрактных

ценностях («свобода», «равенство», «братство», «закон», «социальная справедливость» и т. д.). В связи с этим антигосударственность интеллигенции нельзя путать с анархизмом, отвергавшим не только самодержавную, но и любую государственную конструкцию. Иными словами, интеллигенция отрицала не государство вообще, а лишь исторически сложившуюся в России монархическую властную модель.

Крайне негативное отношение либеральной и социалистической части российской общественной мысли к Русской православной монархии проявилось в национально-государственном безразличии. Даже наиболее близкая к крайне правому лагерю партия октябристов, с которой черносотенцы пытались блокироваться на выборах, демонстрировала присущую всем находившимся левее партиям черту: «По их учению, царь может быть даже не русский. Не православный; это для них все равно. А за какую веру они стоят? Это для них тоже все равно; для них все веры одинаковы. Эти политические недонески, т. е. «октябри», понимают народность по-своему: по их толкованию, всякий, живущий в пределах Российской империи, есть русский, в том числе и еврей, и японец, и китаец, — все равно»³¹⁹. Объясняя причины подобного отношения, историк и мыслитель Г. П. Федотов в конце 1920-х гг. писал: «Для интеллигенции русской, т. е. для господствовавшего западнического крыла, национальная идея была отвратительна своей исторической связью с самодержавной властью»³²⁰.

Правомонархисты указывали, что, подвергая с морально-этических позиций самодержавие жесточайшей критике, интеллигенция нередко переходила черту, где, по существу, смыкалась с анархизмом. Отражением этого настроя русского образованного слоя к исторической русской власти являлся Л. Н. Толстой. На его примере крайне пра-

вые публицисты дали резкую оценку политической наивности и неискушенности всей русской интеллигенции, проявлявшейся в критике тех черт самодержавной монархии, которые были присущи всем государственным образованиям. Делая выпады против царя, заявляя, что «право грабежа утверждается помазанием масла главного грабителя», а церковь «узаконяет, освящает и помазует грабеж», Л. Н. Толстой отверг государство как основанное на жертвах и страданиях, видя в нем источник зла и насилия. Признавая всякую власть узаконенным «правом грабежа властителями народа», Л. Н. Толстой рассматривал правительство «сложным, освященным преданием и обычаем учреждением для совершения посредством насилия безнаказанно самых ужасных преступлений, убийств, ограблений, спаивания, одурения, развращения, эксплуатации»³²¹.

По мнению черносотенцев, великий старец дал анархическим инстинктам русского народа морально-нравственное оправдание, став одним из виновников массовых кровопролитий в 1905—1907 гг. В работе «О значении русской революции» Л. Н. Толстой признал «подчинение всякой власти безнравственным делом», призвал крестьян «не давать податей», «не давать своих сыновей в солдаты», чем открыто подстрекал людей к бунту и неповиновению властям³²². Радикальный настрой охватил определенную часть интеллигенции, считавшей возможной коренную ломку государственных институтов не в среднесрочной перспективе, а в данный момент: «Настолько усиленно и успешно в этом направлении работали врачи русского народа, что внешними, для всех видимыми успехами даже сами они, врачи, обманулись: им показалось, что к 17 октября 1905 г. все уже было приготовлено к ниспровержению Руси...»³²³.

Крайне правые отказывались верить в то, что деструктивные проявления русской интеллигенции мотивиро-

ваны ясными представлениями о принципиально новом государстве, которое должно прийти на смену «кровавой тирании». Демонстрировавшиеся интеллектуальной элитой разрушительные инстинкты по отношению к традиционной государственности и церкви не поддавались разумному объяснению, а потому черносотенцы отвергали мысль о самостоятельном характере теории и практики ее политической борьбы. В годы первой российской революции в консервативных кругах окончательно утвердилось мнение, что русская интеллигенция пала жертвой масонского ордена, намеренно заразившего ее антихристианскими учениями (либерализмом и социализмом) и использовавшего ее в качестве инструмента по завоеванию власти³²⁴. «Жидомасоны настолько хитры, что руками русских “ослов” и изменников разрушают Россию, о чем кричат факты русской общественной и государственной жизни, которые всем известны и которые прекрасно иллюстрируют инородческое и жидовское засилье или, что одно и то же, осуществление исподволь колоссального заговора всемирного жидовства, чтобы свалить православную и самодержавную Россию, по той программе, которая подробно изложена в «Сионских протоколах», — писала в мае 1911 г. черносотенная пресса³²⁵.

Реализация масонского заговора по ниспровержению самодержавия была невозможна без наличия «коллаборационистов» в среде русского народа. Основную функцию в выполнении планов мировой закулисы по завоеванию власти, по мнению черносотенцев, осуществляла русская интеллигенция, имевшая невысокий уровень политической подготовки и опыта. Издаваясь над «образованцами» и отождествляя их с известными литературными персонажами (Онегиным, Печориным, Рудиным, Базаровым), правые публицисты указывали, что наивные романтики, мечтавшие о справедливом переделе мира, оказались не

способными тягаться с искушенными врагами человечества, которые, опутав их своими сетями, вовлекли в противогосударственную деятельность: «Прошло 50 лет, — писало «Русское знамя», — а интеллигенция осталась таким же младенцем в понимании международной и политической жизни государства»³²⁶.

Показателем эффективности воздействия «вольных каменщиков» на русские образованные слои стало возникновение в конце XIX в. освободительного движения, а с ним и целого ряда разнонаправленных политических организаций, ставивших общую цель свержения самодержавия и действовавших в рамках единого разработанного кагалом плана, где каждая партия (от октябристов и кадетов до социал-демократов и анархистов) играла конкретную роль: «Жид прет! Кадеты с восторгом ведут его под руки, октябристы деловито выметают пред ним дорогу, левые “товарищи” нагло гремят в иерихонские трубы: расступись и поклонись, русский народ! Починись власти избранного племени! Это твоя судьба!»³²⁷

Роль тарана в сломе основ исторической русской власти выполняли либеральные и революционные партии. Внедренные масонами в массовое сознание идеи свободы, конституции, парламентаризма, равноправия, всеобщего избирательного права и т. д. имели результатом первую российскую революцию: «Что бы ни говорили гг. Горькие, Ходские и разные их сподвижники, с каким бы усердием ни приписывали они себе первенствующую роль в “русской” революции, будущий историк таковой все-таки должен будет признать с документами на руках, что ... громадное большинство русских деятелей освободительного движения были не более как бессознательными марионетками в руках ловкого и пронырливого иудина племени»³²⁸.

Ссылаясь на «Протоколы сионских мудрецов», черносотенцы утверждали, что «сионские мудрецы» уже взя-

ли под контроль все политические силы общества, в том числе и находившиеся в противоборстве друг с другом. Проникновения мировой закулисы не удалось избежать и «святая святых» — руководству СРН. Во время происходившего в 1909—1911 гг. раскола Главного совета СРН на так называемых обновленцев и дубровинцев, враждующие стороны обвиняли друг друга в сговоре с масонами и про дажности «сановным шабесгоям». Обвиняя обновленцев, основатель и почетный председатель СРН А. И. Дубровин заявлял в открытом письме: «Парламентский дух в лице некоторых господ ворвался в Главный совет СРН и стремится превратить Союз в полное политическое ничтожество. Это предприятие «обновленного» Совета в достаточной мере обеспечено денежными средствами из странных источников...»³²⁹.

Черносотенцы утверждали, что после окончания первой российской революции масоны сменили тактику, отойдя от прямого натиска к естественному врастанию в общественный организм для разложения его изнутри. Они действовали под прикрытием различных общественных, просветительных, образовательных, благотворительных учреждений и печатных органов, оказывавших значительное влияние на массовое сознание. «Они заполонили наши школы, газеты, театры, искусство, науку, литературу, отчасти даже кафедры церковных проповедников...», — била тревогу газета «Русское знамя»³³⁰. Данная тактика получила у крайне правых название «белой революции» — по цвету эмблемы «Всероссийской лиги и международного союза борьбы с туберкулезом» — белой лилии (в отличие от «красной» — открытого противостояния с властями)³³¹. Борьба с туберкулезом, по их мнению, была лишь благод видным прикрытием истинной цели этого общества — подрывной деятельности. На это указывал и руководя-

щий состав — лица с еврейскими фамилиями во главе с сестрой графа Витте — Софьей Юльевной, в революционных симпатиях которого сомнения не было. Форма «мирного завоевания» несла серьезную опасность: она усыпляла бдительность русской государственной власти при постепенном захвате власти масонством.

Анализ форм социального действия либеральной интеллигенции приводил крайне правых к выводу о ее революционности, проявлявшейся во внесении идейного разброда и замешательства в умы простого народа. По заявлению газеты «Русское знамя», идеология государственного отступничества, ставшая отличительной чертой русского интеллигентского мировоззрения, заключалась в подрыве традиционных устоев, а именно: «полном разрушении всех идей, которыми жило человечество, и всего существующего социального, экономического и политического строя»³³². Более развернуто и полно данная мысль была высказана во всеподданнейшем адресе, принятом на общем собрании монархических партий в августе 1906 г.: «Крамольная интеллигенция... твердо укрепившись во всех правительенных, земских и городских учреждениях, на железных дорогах, пароходах, крупных торгово-промышленных предприятиях и в особенности в печати, усердно подготовляла в сфере своей деятельности, с конца шестидесятых годов, почву для революции; а всех правительенных лиц с русскою душою, желавших честно исполнить свой долг, она немедленно убивала, убивает теперь и будет убивать дотоле, пока окончательно не будет водворен порядок в России законною, беспощадною силой»³³³. Все это создавало в обществе неблагоприятный психологический фон, способствовавший поражению страны в Русско-японской войне: «Неудачи Японской войны... во многом вызваны крамольною интеллигенцией и послужили ей наиболее удобным моментом для революционных действий»³³⁴.

3. Беспочвенность (безнациональность). Под беспочвенностью русской интеллигенции крайне правые понимали агрессивную форму космополитизма, проявлявшуюся в бескомпромиссном отрицании национальной религии, государства, культуры и народного быта.

Истоки беспочвенности русской интеллигенции крайне правые вели с 60-х гг. XIX в., давших резкий всплеск попыткам представителей русской интеллектуальной элиты найти перспективы России через реализацию западного пути развития. Внедрением данного термина делалась попытка противопоставления образованного слоя сохранявшему верность традиционным ценностям народу. Презрение русской интеллигенции к уникальному в мировой истории государственному механизму проявился в практически полном отсутствии теоретических трудов об основах и истории Русской православной монархии. Наоборот, бурный рост предложений по внедрению западного вектора развития сопровождался дискредитацией истории и прошлого страны, следствием чего стало игнорирование русской самобытности и отрижение очевидных для всего мира достижений Российской империи в различных областях социальной жизни (науки, культуры, искусства и т. д.). «Вся культура и цивилизация ...названа “самодурством правящих классов”, сравнена с пирамидами и сералями древневосточных despотов... Культура и цивилизация отождествлены с “порабощением и развратом”, наука уличена в коварных целях оправдать “цивилизованное рабство и разврат”...», — давали оценку творческим проявлениям западнического крыла интеллигенции черносотенцы³³⁵.

В отличие от консерваторов и правомонархистов, видевших перспективы страны в развитии и углублении самобытности русской цивилизации, российская интеллигенция в целях реализации различных концепций «за-

падного проекта» ставила первостепенную задачу именно в преодолении русской «самости», отрицании особого пути развития России и ее духовной миссии в мире как носительницы православия. Причину беспочвенности российской интеллигенции черносотенцы находили в том, что ее генезис проходил в условиях болезненных процессов, обусловленных петровскими преобразованиями и двухвековой идеологической агрессией Запада. Рассматривая самобытность как атавизм, требовавшийнейтрализации путем перехода к западноевропейским духовным, политическим и социальным стандартам, интеллигенция утверждала подражательскую сущность России, становясь приверженцем концепции «догоняющего развития». Явно проявившаяся у русского образованного общества проблема собственной духовной и культурной самоидентификации давала черносотенцам основание рассматривать его как «людей, не признающих Отечества», характерными признаками которых являлось отсутствие «самоуважения, самоуверенности, гордости»³³⁶.

Корень беспочвенности интеллигенции крайне прям виделся в тенденциозности и односторонности полученного образования, следствием чего являлось плохое знание русской истории. «...Если бы она дала себе труд хоть немножко продумать и вникнуть в самую сущность вещей, а не ограничиваться теми жалкими сведениями, которые приобретены ею в детские годы...», — заявлялось в распространенной в ноябре 1905 г. листовке СРН³³⁷. В июле 1908 г., за год до появления «Вех», «Русское знамя» раскрыло истоки миросозерцания «просвещенной общественности»: «Интеллигенция преобразованной России с детства воспитывается в таком духе, который сразу парализует в ней интерес ко всему родному. Много лет тому назад, говорят ей, был у нас великий император Петр I,

который сказал, что люди до него на Руси жили плохо и поэтому надо преобразовать Россию и сблизиться с Европой. Но до сих пор нам далеко до Европы. И вот совесть русского ребенка начинает культивироваться в таком духе, из неверной посылки начинают вытекать следующие неверные выводы. Если нам светоч — Западная Европа, а не сама Истина, то, следовательно, на Руси до Петра была тьма и глупость. Поэтому надо сблизиться с Европой как можно скорей, заимствовать ее быт, ее государственное право, которое является необходимым условием прочности западноевропейского прогресса. Следовательно, и православие, и самодержавие как основы жизни древнего Московского царства, отжили свой век и негодны. Надо их уничтожить и ввести свободу вероисповеданий и институты верховной власти Западной Европы. К жизни во Христе и Царству Небесному не надо стремиться, надо стремиться к созданию своей жизни на манер Западной Европы и показать себя перед Европой в духе европейского, а не самобытного просвещения. Он уже не ищет одобрения своих поступков собственной совестью, а думает о том, что скажет Европа. Таким образом, у просвещенного русского «интеллигента» составляется чрезвычайно логическая и последовательная программа стремлений, но, конечно, не к Царству Божьему на земле, а именно: вместо православного самодержавного строя надо создать конституционную монархию, при которой произвол монарха должен ограничиваться народной волей. Равенство пускай заключается в политической правоспособности граждан, основанной на имущественном цензе, т. е. плутократии и религиозной веротерпимости или, верней, индифферентизме, так как все равно Бога нет. Братство на земле — недостижимо; нужна борьба партий, где и выясняется, кто прав... А прогресс сам собой должен идти вперед, что мы и видим на Западе. Своей русской жизнью преобразованный интеллигент мало интересуется, браня

огулом правительство, ругая косность русского народа и его дикость и обращая внимание главным образом на политическую жизнь Западной Европы и все переоценивая в ней в лучшую сторону»³³⁸.

Тема разности мировоззрений «образованного класса» и народа, ставшая причиной взаимного непонимания и социальной разобщенности, многократно поднималась черной сотней на страницах своих газет. Отрижение самобытности России неизбежно вело образованный слой в идейную зависимость от Запада, рассматривавшегося ею как единственный центр мировой цивилизации, а собственную страну как недоразвитую периферию. Крайне правые указывали, что «сбитая с толку и слабая духом “интеллигенция”» сделала ошибку, пытаясь навязать собственному народу под видом «общечеловеческих ценностей» чуждую культуру западноевропейских народов. Уничтожение интеллигенцией черт национальной самобытности в процессе собственной самоидентификации давало основание утверждать, что русская интеллектуальная элита порвала духовную связь с сохранившими верность традиционным устоям народными массами³³⁹. В результате интеллигенция «сама по всей справедливости может быть названа грязью или коростой на лице народа»³⁴⁰.

Черносотенцы констатировали, что тонкая прослойка интеллигенции в начале XX в. практически полностью находилась под влиянием прогрессивных идей. Будучи убеждены, что образованные слои не могли отказаться от традиционных ценностей без внешнего вмешательства, крайне правые выдвинули версию о том, что источником вредных идейных воздействий на русский образованный класс стали занимавшие все более прочное положение в «интеллигентных профессиях» евреи. «Они отняли у нас крупнейшую торговлю, адвокатуру, университеты, консерваторию, они посягают уже на веру Христову, потому

что отбирают у нас, отнимают у нас литературу», — утверждал представитель Русского собрания В. И. Веножинский в мае 1912 г.³⁴¹ Мощным средством влияния на сознание образованных слоев стала литература, где правые фиксировали чрезмерное представительство еврейских авторов. «Еврейская печать капля за каплей растлевает душу народа», — утверждал один из ораторов на IV Всероссийском съезде СРН и V Всероссийском съезде Русских людей в мае 1912 г.³⁴²

Как указывал Ю. Табак, процесс изменения отношения к евреям как протест против всего, что связано с репрессивной политикой самодержавия, захватил значительную часть интеллигентии. Открыто против правовой дискриминации евреев, а также возводимых на евреев обвинений в совершении ритуальных убийств, организации «всемирного заговора» выступали русские религиозные философы В. Соловьев, С. Булгаков, В. Ильин и другие³⁴³. Особо ярко раскол русского общества по еврейскому вопросу и в отношении к евреям проявился во время процесса Бейлиса 1911—1913 гг. О бескомпромиссности борьбы свидетельствует заявление газеты «Русское знамя»: «Адвокат Маклаков ... навеки запятнал себя, приняв участие в защите жидов-хасидов, заподозренных в том, что они построили свою синагогу на крови, выточенной из живого русского мальчика»³⁴⁴.

Крайне правые ставили «предавшую интересы русского народа» интеллигенцию в один ряд с их масонскими нанимателями. В Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных IV Всероссийским съездом Союза русского народа, указывалось, что наиболее зловредной для русской народности силой является еврейское племя и «все проникнувшиеся его духом хотя бы русского происхождения»³⁴⁵. В феврале 1911 г. газета «Русское знамя» официально объявила заклятыми врагами

ми России наряду с международными жидомасонскими организациями также «русских жидов и наших близоруких конституционалистов», как сообщников и послушных исполнителей их преступных замыслов³⁴⁶.

Оторвавшимся от «родной почвы» представителям русской интеллигенции, ставшим трансляторами чуждых для традиционной Руси идей, отказывалось в принадлежности к русской народности. Либеральная интеллигенция и «прогрессивное» чиновничество награждались следующими эпитетами: «русские, ненавидящие все русское», «изменники и предатели», «еврействующие, продавшие совесть», «забывшие Бога», «изменившие самодержавному государю»³⁴⁷, «наемные продажники», «жидовские прихвостни», «масонские наймиты»³⁴⁸. В обобщенном виде русской интеллигенции было дано название «секта жидовствующих»³⁴⁹. В многочисленных монархических документах утверждалось, что русская интеллигенция «всегда составляла важнейший оплот еврейского засилья», так как ее характеризует «оторванность от родного народа и преданность еврейским идеалам»³⁵⁰.

По мнению крайне правых идеологов, вовлечению русского интеллигента в масонские игры способствовали характерные особенности его психологии. Сравнивая черты типичного представителя еврейского и русского образованного слоя, газета «Русское знамя» отмечала следующее. Еврейский интеллигент хитер, артистичен, умеет слушать оппонента, оставаясь при своем мнении. Проявляет необычайную настойчивость в достижении цели. Боек, обладает пробивными качествами. Высшей целью ставит личный интерес над общественным. Получив казенную должность, неизменно превращает ее в доходную. Неразборчив в выборе средств, для достижения желаемого готов попрать моральные и нравственные нормы³⁵¹.

Русский интеллигент в массе образованней и умнее еврейского, но не имеет внутреннего стержня и стойких убеждений. Отсутствие сильных религиозных и национальных чувств обуславливает его внушаемость и легкое попадание под пагубное влияние. Зависимость от общественного мнения и страх прослыть отсталым делает его невольной игрушкой в руках «товарищей». Проявляет конформизм, с легкостью меняет свои убеждения. В массе своей не обладает пробивными качествами, ожидая предложений по службе и протекции вышестоящих. Не дождавшись реализации ожиданий, легко впадает в отчаяние, на почве чего рождается ощущение несправедливости существующих порядков. Выход из состояния бессилия находит в «либеральничании» и критике установленных норм, становясь легким объектом вербовки³⁵². Хорошо владевшие пером и словом русские романтики являлись находкой для оппозиционных газет, где их таланты находили признание. «Следствием такой “поддержки” является горячее ратоборство за еврейское равноправие на страницах “Биржеевки” ...», — писала черносотенная пресса³⁵³. Несмотря на утрату базовых качеств, определявших принадлежность к русской народности, русский интеллигент, тем не менее сохранял свою самобытность. Это давало основание черносотенцам не ставить до конца знака равенства между русским представителем образованного слоя и еврейским: «Специфические жидовские свойства последнего всегда клали границу между обеими разновидностями интеллигента»³⁵⁴.

В период третьеионьской монархии крайне правые акцентировали внимание на критике деятельности интеллигенции в духовном поле. Появление новых направлений в науке, литературе, искусстве и театре свидетельствовало о переносе борьбы с баррикад в идеологическую и культур-

ную плоскость, а именно: на страницы печати, театральные подмостки, в литературу и т. д.

На правом фланге политического спектра серебряный век русской поэзии и литературы воспринимался как результат злонамеренных духовных инъекций носителей антихристианских взглядов, призванных расшатать идеологические основы жизни народа. Писатели новой волны обвинялись в покушении на русскую литературу XIX в. «... Небезызвестный писатель, который раздут, конечно, еврейской кагальной печатью, Максим Горький, вооружился не только против всех инакомыслящих современников, но и против почивающего уже много лет Федора Достоевского. Он даже на него замахнулся. Они не только современникам запретят думать иначе, как они, но даже великих мертвцев хотят упразднить!», — возмущался на заседании Думы лидер обновленческого СРН Н. Е. Марков в октябре 1913 г.³⁵⁵

Черносотенцы воспринимали литературу начала века не как проявление собственно русского искусства, а как своего рода вид европейской культуры, вносявшей «духовное растление в русскую жизнь и искажающей русские понятия и идеалы». «Еврейство, господа, отнимает у нас этот свет, и вот — вместо чистых лучей русских писателей — в душу русской молодежи, русского общества и народа полились ушаты помой из таких сочинений, как “Яма” А. И. Куприна, “Иуда” Леонида Андреева и прочих бесчисленных измышлений европейских упадочников-писак. Но ведь они русские, может заметить мне наивный неопытный человек или умный жид. “Поскоблите их хорощенько”, — отвечу я. — Нет, господа, они не русские: русские писатели со словом так не обходятся, русские литераторы так не писали, не пишут и не могут писать. ...Куприны и Андреевы — это литература евреев на ломаном русском языке. Это литература торгашей, овладев-

ших Олимпом», — возмущался представитель Русского собрания В. И. Веножинский на заседании съезда в мае 1912 г.³⁵⁶

Серьезной критике подвергся и классик русской литературы Л. Н. Толстой, который, по мнению крайне правых, был искусственно разрекламирован и возведен на роль кумира либеральной печати. Л. Н. Толстого осуждали в отрыве его творчества от православных корней и формирования идейной основы для новой смуты: «Первым и величайшим виновником современной народной дикости является... Л. Н. Толстой, ибо он, своим авторитетом, привел в русскую жизнь принцип непротивления злу, прекратив тем борьбу со злом на Святой Руси, совершив тем самое нелепое и преступное, что когда-либо совершал смертный. От сотворения мира искони велась борьба между добром и злом: и если первое временами торжествовало, то только потому, что оно неукоснительно всеми мерами боролось со злом и побеждало его, как победил Бог дьявола и сверг его с неба в преисподнюю»³⁵⁷.

Оценивая творчество русских писателей через стандарты русской народности, черносотенцы в противовес современной им литературе приводили в пример А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова: «Мы видели мировую скорбь в произведениях Достоевского и слышали последнюю лебединую песнь литературы 19 века в психологических, изящных рассказах Антона Чехова. Но до позора русская литература не могла дожить»³⁵⁸.

К началу XX в. ослабление национального самосознания и потеря чувства патриотизма либеральной части общества проявились в моральном терроре его печатных изданий по отношению к носителям традиционистских взглядов. Степень угасания национального инстинкта ярко проявилась во время Русско-японской войны: «До чего дошло вытравление патриотизма — видно из того,

что находились такие “русские” люди, которые радовались победам японцев и злобно скорбели от наших побед. До страшного цинизма дошло петербургское студенчество, которое послало японскому императору телеграмму, которой поздравляло его с победой над... русскими»³⁵⁹. Доказывая степень негативного влияния интеллигенции на трудящиеся слои населения, крайне правые указывали на факты забастовок на пороховых и орудийных заводах, прекращение железнодорожного движения, подрыв и уничтожение мостов во время Русско-японской войны. Диссонансом звучали примеры японского воодушевления в годы войны, когда «народ с радостью приносил жертвы во имя любви к своей родине»³⁶⁰.

По результатам революции черносотенные идеологи утверждали, что важнейшей ее причиной был «упадок в народной душе патриотизма»³⁶¹. Настроения русской интеллигенции начала XX в. живо описал очевидец бурливших в России событий С. Л. Франк: «Все мы выросли и жили в атмосфере равнодушия к проблеме национального бытия: идеи национализма и патриотизма, лозунги о защите государства от внешних и внутренних врагов казались только лицемерным прикрытием реакционных мероприятий и вожделений власти, и над ними было принято только смеяться. Славянофильство, культивировавшее национальное сознание, скоро сошло со сцены или начало вырождаться; все оппозиционное общественное мнение стало “западническим”, а западничество — если не принципиально, то фактически — постепенно сливалось с индифферентизмом к проблеме государственно-национального бытия России»³⁶².

Черносотенцы резко отвергли принятное в либеральной литературе мнение, что, являясь интеллектуальной элитой, «мозгом нации», интеллигенция берет на себя инициативу формулирования общественных потребностей, а потому

выступает выразительницей народного мнения. Несанкционированная «приватизация» интеллигентским меньшинством права на выражение воли всего российского социума приводила к неверному отражению настроений и извращению его реальных нужд пред властями. «Выдавая совершенно ложно свой голос за голос народа, она, произведя смуту в стране, потребовала якобы для возвращения мира и порядка — парламентского образа правления», — говорилось во всеподданнейшем адресе, принятом на общем собрании монархических партий в августе 1906 г.³⁶³

В споре с Н. А. Бердяевым после выхода «Вех» газета «Русское знамя» указывала на заблуждение интеллигенции, отождествлявшей собственные взгляды с народными и не видевшей огромной пропасти в мировоззренческих основах между двумя частями единого целого: «Решив, что перечисленные нами силы (православие, самодержавие, народность. — *M. P.*) уже не имеют никакого обаяния над народом и способны “только на одно насилие”, г. Бердяев чрезесчур поторопился и очевидно принял настроения русской интеллигентии за выражение “воли народа”. Из того обстоятельства, что “курсистки не веруют в Бога” и рабочие по складам читают Лафарга и Бебеля, еще не следует, что основная масса русского народа безбожна, что религиозный пафос в ней угас и религиозные идеалы ее умерли»³⁶⁴.

Здесь оценки черной сотни интеллигентии совпадали с позицией «великого отвергателя» Л. Н. Толстого, который цитировался на страницах ее изданий: «...либеральные земцы, врачи, адвокаты, писатели, студенты, революционеры и несколько тысяч оторванных от народа и опропагандированных рабочих, — называя и считая себя представителями народа, не имеют на это звание никакого права. Люди эти представляют правительству во имя народа требования свободы совести, свободы собраний, от-

деления церкви от государства, восьмичасового рабочего дня, представительства и т. п. А спросите народ... и настоящий народ... — не имеет никакого интереса к этим требованиям. ...они представляют только себя»³⁶⁵.

На фоне слабости и пассивности пропагандистского аппарата РПЦ и государства либеральная интеллигенция установила доминирующее положение в области формирования общественного мнения, громогласно заявив о своем предназначении трансформировать Россию в часть западной цивилизации. С одной стороны, это создавало возможность, прикрываясь тогой общего блага, вводить в соблазн коренной перестройки государства значительные массы различных классов и социальных групп общества³⁶⁶. Обращаясь к результатам деятельности Л. Н. Толстого, крайне правые утверждали, что он своим учением превратил русский народ из «верующего, добродушного и простосердечного в дикарей, для которых нет Бога, ни царя, ни властей, ни родителей, ни семьи, ни нравственности». «Проповедь Толстого, исказившего смысл славы Христа, есть, поистине, проповедь Антихриста. Он как дьявол посеял на Руси зло, и оно выросло до ужасающих пределов: вместо любви, истекавшей из учения Спасителя, извращение Его Святого учения посеяло среди людей ненависть и все исходящие из нее пороки и преступность», — возмущалась черносотенная пресса³⁶⁷.

С другой стороны, выступая от имени всех классов и социальных групп общества, в союзе с либеральной бюрократией, интеллигенция пыталась убедить царя, что духовный строй народа изменился и народ перестал видеть в царе выражителя нравственного начала — правды, а видит в нем только начальство и барина. А раз так, то самодержавие перестало быть нужным и лучше упразднить его³⁶⁸. Этой мысли следовал классик русской литературы Л. Н. Толстой, заявлявший в 1902 г. в письме Николаю II:

«Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке, отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением»³⁶⁹.

Черносотенная пресса указывала, что, возвысившись над народом своей образованностью, русская интеллигенция приобрела такие черты, как хамское самодовольство, мещанское высокомерие и презрение к своему народу³⁷⁰. Характерной ее чертой являлось отсутствие к себе критического отношения при наличии огромного числа пороков, главным из которых была признана гордыня. Обращаясь к Л. Н. Толстому, черносотенная пресса с сарказмом писала об истоках рождения новой религии: «...просто из любопытства, взявиши в руки в первый раз Евангелие и прочитавши в 5-й главе от Матфея слова Спасителя: “не противьтесь злу”, вы ничтоже сумнящеся, помыслили собственное евангелие с заповедями, во главе которых поставили вышеозначенную заповедь, — “о непротивлении злу”»³⁷¹. При этом указывалось, что вся предшествующая жизнь новоявленного пророка была далека от церковной чистоты: «А вы сами же в своей автобиографии признавались, что молодость свою провели в плотских пороках, а Евангелие до старости и в руках даже не держали. Откуда же могла взяться у вас Божественная, богопроповедническая премудрость?»³⁷²

Исследователь русского консерватизма А. В. Репников отмечал, что представители консервативного направления русской философии видели причину смуты в слепой самоуверенности интеллигенции, ее неспособности подчиняться законам жизни, но в стремлении перекраивать их по-своему, нежелании учиться у народа, но учить народ, а также в недостатке «серъезно выработанных умов в образованном классе, вследствие чего вся ум-

ственная работа этого класса отличается очень невысоким качеством»³⁷³.

Как и консерваторы³⁷⁴ черносотенцы невысоко оценивали деловые качества претендовавшей на управление государством русской интеллигенции. Проведенный ими сравнительный анализ деятельности законодательных учреждений образцовых «демократий» того времени — Англии и Франции выявил следующее. Если во французском парламенте преобладали представители т. н. «свободных профессий» — резонеры и политики, то в английском — представители деловых классов — земледельцы, промышленники, торговцы. В результате Англия, несмотря на многие неудачи, с непоколебимой твердостью вела свою внешнюю и внутреннюю политику, не зная серьезных потрясений. Не в пример ей Франция представляла собой очаг непрекращающейся острой политической борьбы, на почве которой разыгрывались то «травля националистов, то панамский кризис, то дрейфусиада, то преследование католицизма, то доносы в армии!.. С Англией считаются народы всего мира, к ее голосу все прислушиваются, зная, что за правительством стоит весь народ. Франция же должна сама дрожать за свою неприкосновенность и даже за свой государственный строй. Беспрерывные смены министерств, не имеющих прочной опоры, — это последствия теоретического переустройства государства с адвокатами во главе...», — писала в июле 1907 г. газета «Русское знамя»³⁷⁵.

Крайне правые прогнозировали, что при получении кадетами власти российская государственность будет разрушена, так как ее члены не только являлись носителями рожденных в иных социокультурных условиях идей и концепций, но и не обладали необходимыми деловыми качествами. За восемь лет до февральских событий 1917 г. черносотенная пресса предупреждала: «Когда такие

люди, как Милюков, получают власть, они своим космополитизмом наносят величайший вред тому государству, которое имело неосторожность допустить их ко власти»³⁷⁶. В обращении к правительству состоявшегося в августе 1915 г. в Саратове совещания представителей монархических организаций указывалось: «Правительство не имеет права передавать благополучие русского народа и будущность России в руки людей беспочвенных, от народа оторванных, не понимающих его мировоззрения, всеми силами добивающихся навязать несвойственные ему, а значит — вредные для него формы правления. Такими людьми являются большинство нашей интеллигенции, не могущих даже своих дел устроить как следует, а только управлять государством...»³⁷⁷

Неспособность либеральной интеллигенции к государственному устроению на примере кадетской партии подчеркивал в своей записке на имя царя член Главного совета СРН А. А. Римский-Корсаков, указывая на ее внутреннюю противоречивую природу: «Наиболее сильной и деятельной является партия кадетов, ведущая на поводу все остальные; но если приглядеться к ней не в смысле писаных программ, а в смысле бытовых черт самого ее существования и последовательного хода ее возникновения, то придется признать, что эта партия сильна лишь своей слабостью. Нося название демократической, а сама по себе в составе своем чисто буржуазная, она должна была, не имея собственной почвы, принять навязанные ей слева лозунги народоправства и отрицания собственности. Имея в составе своем значительное число так называемых земских деятелей, владельцев земли, кадетская партия первым пунктом своей программы поставила отчуждение земли, окончательное разорение собственных своих сочленов; конечно, руководители ее не были искренни в этом случае и к этому вовсе не стремились, весь-

ма охотно выпустив этот пункт из программы созданного и руководимого ими Прогрессивного блока, но не является ли это лучшим доказательством того, что они не верят в собственное свое самостоятельное существование и ищут сочувствия извне путем уступок и жертв; без этого сочувствия слева, без этих козырей из чужой, не ихней колоды карт кадеты есть не более как многочисленное сообщество либеральных адвокатов, профессоров и чиновников разных ведомств — и ничего более»³⁷⁸.

Отрицательное отношение к интеллигенции базировалось на негативном влиянии, которое та оказывала на государственные институты и органы местного самоуправления, превращая их в очаги сопротивления монархической власти. В мае 1911 г. крайне правая пресса констатировала, что земские самоуправления в предреволюционный период становились насадителями антиправительственных настроений: «Самоуправления способствовали революции, пропуская в народ социалистические издания и крамольных учителей, а интеллигентные руководители самоуправлений старались внушить народу безбожие, неповиновение власти, презрение к власти и подготавливали таким образом аграрные беспорядки»³⁷⁹. Неспособность земской интеллигенции к ежедневной кропотливой созидательной работе проявилась в игнорировании возложенных на нее функций по обустройству быта населения на местах и постоянных попытках расширить собственные полномочия посредством ухода из-под правительенной опеки, что неизбежно подрывало вертикаль власти, создавая основу для формирования немыслимого при самодержавии двоевластия: «Чтобы постепенно и более незаметно отдельиться от правительенной власти... требуют... отданья в их руки переселенческого дела, уничтожения предельности обложения...»³⁸⁰.

Признавая важность и необходимость для дела государственного строительства земских органов самоуправления, черносотенцы вынуждены были требовать существенного ограничения их прав только потому, что доминирующее положение в них заняли представители оппозиционных сил. «Земства основаны на выборных буржуазных началах, представляют собою довольно сплоченную и всегда однородную массу с либерализмом умеренного характера, но все-таки с ярко выраженной тенденцией совершенной независимости в своих делах», — давала характеристику органам местного самоуправления правомонархическая пресса³⁸¹. Это подвергало смертельной опасности институт земского самоуправления, так как для нейтрализации исходящей от него опасности черносотенцы предлагали не допускать расширения их хозяйственной самостоятельности (запрет земских банков, уменьшение земских налогов и т. д.), а также создание условий их материальной зависимости от правительства и государственного банка. В перспективе усилениеластной вертикали должно было сопровождаться всемерным ограничением земского самоуправления. Черносотенцы предлагали упразднить земские управы с сохранением губернских земских собраний как совещательных съездов о нуждах местного населения³⁸².

Помимо отсутствия опыта в деле государственного строительства, неспособности к кропотливой, усердной и радетельной работе на благо страны крайне правые отмечали и такую характерную черту социального портрета русской интеллигенции, как безответственность: «Да ведь легко быть гражданином вселенной, что ни к чему не обязывает, чем верным сыном своей родины, что налагает массу обязанностей, вплоть до обязанности защищать ее до последней капли крови»³⁸³. В страстной борьбе за переустройство общества отсутствие социальной ответственности интеллигенции проявлялось в нежелании про-

гнозировать возможные последствия реализации их теоретических мудрствований на практике. Выдвигая свою религию непротивления, Л. Н. Толстой сорвал на путь духовной и физической погибели сотни своих последователей. В частности, газеты сообщали о 7 тысячах adeptov толстовской секты, которые переселились в Америку и, будучи одержимы верой, в зимнее время «босые и нагие путешествовали по американской пустыне навстречу грядущему Христу». Многие замерзли, другие тяжело заболели и сошли с ума³⁸⁴. Черносотенная пресса так описывала результаты идеологически-разрушительной деятельности Л. Н. Толстого: «Тысячи крестьян, рабочих и прочих горемычных тружеников России брошены “художеством” нечестивого старца в объятия государственного бунта против власти, против собственности, против податей, воинской повинности... Их секли кнутами, заточали в тюрьмы, вешали, ссылали... А злохудожник все продолжал безнаказанно сеять по Руси свои “художества” и воздвигал все новые и новые горы и холмы из окровавленных и изуродованных тел!»

Русская интеллигенция не представляла из себя однородной по социальному положению массы. Социальная дифференциация проникла и в ее среду, разделив «образованное общество» на высший и низший слои. Если в период первой российской революции черносотенцы считали, что участие интеллигенции в смуте является результатом ее идейных заблуждений, то впоследствии они поняли, что каждый из указанных слоев преследовал свои эгоистические цели. Высшим слоям образованного слоя только республиканская форма правления могла обеспечить прочное социальное положение за счет появления парламентских государственных институтов и замещения образовавшихся вакансий после изгнания царской бюрократии: «...сытые адвокаты, инженеры, врачи, профессора,

журналисты весьма мало интересуются материальными стремлениями трудовых классов, которые им непонятны и которые они считают низменными, но зато видят свет в расширении штатов, в увеличении синекур, в усложнении формальностей судопроизводства, в бесконечных постройках, в политических осложнениях, в отделении церкви от государства, в расширении всяких прав, конечно, при минимуме обязанностей и т. п. Это два противоположных полюса. Одним нужен хлеб, другим всякие права без обязанностей»³⁸⁵.

Незадолго до краха империи черносотенцы поняли, что высшие слои русской интеллигенции наконец обрели своего хозяина в лице крупной финансовой и промышленной буржуазии, лоббирование интересов которой сулило изрядный денежный куш. В обращении к правительству состоявшегося в августе 1915 г. в Саратове Совещания представителей монархических организаций указывалось, что за спиной интеллигенции стоят «синдикатчики, банки, разные промышленники и богачи, рассчитывающие при помощи подкупных и безответственных депутатов (членов Госдумы) издавать подходящие для себя законы для обдирания населения, как это мы видим во Франции, Америке и других парламентских странах»³⁸⁶. Черносотенцы срывали с интеллигенции тогу выразительницы «воли народа», показывая, что за ширмой «свободы, равенства и братства» кроются вполне меркантильные интересы буржуазии: «Банки и другие спекулянты будут всегда стремиться прижать и скупить за бесценок произведения земледельца; хозяева — дать меньшую плату служащему и т. д. Богатый класс, захватив власть через подставных и купленных членов Думы, никогда не позволит провести закон, который заставил бы их, например, щедро платить служащим, или не теснить зависимых от них, или, например, не спаивать народ, хотя это им и выгодно»³⁸⁷.

Крайне правые составили подробный социальный портрет и низшего слоя интеллигенции, чьи социально-психологические особенности были связаны с трудностями социальной адаптации: «Малообразованные и мало-развитые люди и в силу этого редко достигающие сносного материального положения, эти полуинтеллигенты вечно ропщут на общество, не сумевшее оценить их несуществующих талантов и качеств»³⁸⁸. Неспособность добиться достойного положения в обществе бросала профессионально непригодных недоучек в жернова революции в надежде компенсировать социальную неустроенность: «им терять нечего или... очень мало». Для некоторой части низшей прослойки интеллигенции революция стала профессией, дававшей возможность социализироваться в постоянной борьбе и обрести смысл существования. Они были радушно приняты в среду пролетариата, составив офицерский корпус революционной армии: «Выучившись говорить по “трафарету” митинговые речи... смутьяны легко повели за собой всю, так называемую, “сознательную”, т. е. одурманенную и опоенную часть рабочих»³⁸⁹. Провоцировавшиеся «полуинтеллигентами» многочисленные забастовки тяжело отзывались на экономике страны, приводя к разорению как предпринимательские слои, так и рабочих.

Очередным подтверждением непостоянства и переменчивости взглядов интеллигенции стало появление в 1909 г. сборника «Вехи», авторами которого выступили разочаровавшиеся в революции представители либерального сегмента общественной мысли. Выход «Вех» констатировал раскол в либеральном лагере, авторы которого, по оценкам идеологов черной сотни, ослабляли оппозицию, «уменьшая до крайности таким путем ее шансы на победу или, в лучшем случае, отдаляя ее момент и влияя на ее полноту»³⁹⁰. Либералы предприняли запоздалую попытку приватизировать патриотизм, который давно уже нахо-

дился в руках у черной сотни. П. Б. Струве лишь «погладил еврея против шерстки, заговорил о “национальном лице” и “национальном отталкивании от еврейства”, — язвила в мае 1909 г. правая пресса³⁹¹.

Авторы сборника «Вехи» вынуждены признать во многом правильную оценку русской революции, даваемую их политическими противниками из крайне правого лагеря. Высказанное в сборнике покаяние черносотенцы оценили как половинчатое и неполное: «Они отстали от воров и не пристали к панам». Для утверждения на началах традиционных ценностей сменовеховцам предлагалось почитать изданные несколько лет назад правомонархические газеты. Сменовеховцев газета «Русское знамя» охарактеризовала как «бывших людишек», которые не столько изменили свои взгляды, сколько решили заняться политической коммерцией, найдя новых хозяев в лице правительства: «Людишки порвали с щедрым иудеем в надежде на безотлагательное получение казенного воспособления...» Черносотенная пресса отнеслась с презрением к подобной выходке сменовеховцев, предупреждая их, что «путь оппортунизма наклонен и скользок, ступившему на него недолго докатиться до дна, на котором нет места ширмам принципиальности и идеиности и где нет удержу оголенному ненасытному властолюбию и наглому мародерству»³⁹².

Несмотря на вызванный сборником широкий общественный резонанс, серьезного влияния на мировоззренческие установки русской интеллигенции «Вехи» не оказали. Это явно проявилось в отношении к крайне правому сегменту политического спектра России, воззрения которого продолжали оцениваться как «человеконавистническая реакционная доктрина». Собственно, сама идеология крайне правого лагеря как воззрения традиционистской части населения России глубоко не исследо-

валась. В частности, попытка Н. А. Бердяева в опубликованной в сборнике статье «Черная анархия» обратиться к рассмотрению правомонархической системы взглядов являла собой лишь набор уже известных критических штампов, которыми либеральная печать награждала крайне правых на протяжении всего периода их существования. «Русское знамя» писало: «Идея выставить СРН революционерами справа или анархистами — не нова, и не господину Бердяеву принадлежит честь ее изобретения, но г. Бердяев, непризнанный философ, выступает со своими злыми глупыми выходками под видом якобы не политического противника монархистов, а нравственного»; «Ничего нового в речах Бердяева нет, — но в них все старое, вся беспардонная ложь, посевавшаяся еврейской печатью против СРН, собрана в один фокус, — под который шуллерски подведен “философский” фундамент. Возражать Бердяеву? Возражать шулеру, уличаемому собственными краплеными картами, — нечего»³⁹³.

Развязанный либеральной и революционной печатью моральный террор против черной сотни был весьма эффективным. В послереволюционное время православная интеллигенция стала менее охотно вступать в крайне правые партии, а иногда и покидать их. Председатель Одесского филиала Русского собрания в сентябре 1909 г. в речи по случаю годовщины отдела вынужден был отметить: «Самый позорный факт в жизни “Русского собрания” — это бегство из него профессоров»³⁹⁴. Степень тренирования в либеральной прессе носителей традиционных взглядов достигла такого масштаба, что вынудила лидеров черной сотни прибегнуть к угрозам: «...будет резня. Слышите, бывшие люди: резня между нами и вами. И не по нашей вине: вы ее накликаете, вы сеете ненависть к нам, а когда мы предлагаем вам, оставив демагогию, перейти

на почву спокойных объяснений, — вы отказываетесь под предлогом отвращения к нам»³⁹⁵.

Крайне правые знали, о чём говорили. Обращаясь к фактам массовых избиений представителей образованных слоев в октябре 1905 г., черносотенцы указывали на то, что простым народом русская интеллигенция не воспринималась как носительница его мировоззрения и культуры³⁹⁶. По мнению историка Л. В. Селезневой, российские либералы знали культуру и быт русского народа «пожалуй, в меньшей степени, чем опыт иностранных демократий»³⁹⁷, а потому «вольно или невольно экстраполировали на практически всю нацию свой менталитет, вынуждены были адаптировать классическую теорию либерализма к российской реальности, свою систему ценностей, в которой доминировали свобода личности, возможность само-реализации и совершенствования»³⁹⁸. В противостоянии с оппонентами правомонархисты не столько настраивали низы общества против образованных слоев, сколько констатировали факт враждебного к ним отношения. В годы между двумя революциями черносотенцы предупреждали интеллигенцию, что, заигрывая с революцией, она «готовит себе петлю...»³⁹⁹ Утверждалось, что если интеллигенция не пересмотрит своего негативного отношения к базовым ценностям русской цивилизации, то наступившая передышка закончится новым социальным взрывом, в ходе которого первой жертвой революционного террора станут именно образованные слои общества.

Крушение монархии и последовавшие за ней события отчасти показали правоту предсказаний черной сотни. По следам революционных событий 1917 г. один из оппонентов правомонархистов из либерального стана П. Б. Струве сделал запоздалое признание: «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором — таков непрекаемый морально-политический итог пере-

житых нами с февраля 1917 г. событий. Между тем один из замечательнейших и по практически-политической, и по теоретически-социологической поучительности и значительности уроков русской революции представляет открытие, в какой мере “режим” низвергнутой монархии, с одной стороны, был технически удовлетворителен, с другой — в какой мере самые недостатки этого режима коренились не в порядках и учреждениях. Не в “бюрократии”, “полиции”, “самодержавии”, как гласили общепринятые объяснения, а в нравах народа или всей общественной среды, которые отчасти в известных границах даже сдерживались именно порядками и учреждениями»⁴⁰⁰. Русской либеральной интеллигенции понадобилось пройти большой путь, чтобы признать правоту предсказаний их политических противников из крайне правого лагеря, сделанных задолго до революционных потрясений.

§ 4. Причины разложения русского народа в представлениях черной сотни

Правомонархисты исходили из того, что преобладающее большинство русского народа нерушимо исповедует базовые ценности русской цивилизации (православие, самодержавие, народность). К носителям истинно русских черт ими относились «верные престолу сословия: благородное дворянство, доблестное крестьянство, мещане и духовенство ...»⁴⁰¹ Вслед за государственниками и славянофилами⁴⁰² крайне правые считали, что в наиболее чистом и неиспорченном варианте православно-монархические убеждения и народный формат души сохранился в крестьянстве, определявшемся как ядро нации и оплот устоев традиционного общества. В документах крайне правых подчеркивалось, что «невежественные» и «необразованные» крестьяне в своей преданности православным,

самодержавным и национальным устоям значительно опережали просвещенные слои: «предельно преданно самодержавному царю, признающее его своим единственным защитником и заступником, истинным представителем народных желаний, стремлений и носителем мудрости и чести русского народа»⁴⁰³.

Для черносотенцев понятия просвещенности и образованности не были синонимами. На упреки либеральных оппонентов в «невежественности» и «темноте» монархически настроенных крестьянских масс черносотенцы заявляли: «...духовная просвещенность совершенно не зависит от степени образованности, и неграмотный человек сплошь и рядом бывает в миллионы раз просвещеннее ученейшего профессора»⁴⁰⁴. Митрополит С.-Петербургский Владимир на состоявшемся в февраля 1913 г. VI Всероссийском съезде русских людей дал следующую характеристику русскому народу: «По адресу русского народа раздаются иногда упреки в невежестве. Но это несправедливо. Ум русского народа такого свойства, что имеет особый национальный склад и враждебен в основе космополитизму, что умеет верно определить отношение отвлеченных мыслей к живой жизни, вот почему ум этот возмущается, когда в русскую жизнь стараются втиснуть несвойственные русскому народу идеи»⁴⁰⁵.

Апеллируя к именам крупнейших представителей русской интеллигенции, черносотенцы указывали, что М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, И. А. Гончаров, братья Аксаковы, братья Киреевские, Ф. М. Достоевский, Ап. Майков, А. А. Фет, Н. Н. Страхов, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, М. Н. Катков, К. К. Случевский, А. Н. Соболевский разделяли монархические идеалы. «Сказать, что эти люди — “темные” и “невежественные”, жиды не посмеют, и, следовательно, они должны признать, что мо-

нархические убеждения у русских людей не только не связаны с невежеством, но, наоборот, связаны с величайшей образованностью», — писало «Русское знамя»⁴⁰⁶.

Историки либерализма отмечали, что в отличие от западноевропейских единомышленников, опиравшихся на городской и сельский средний класс, российские либералы не имели широкой социальной поддержки⁴⁰⁷. Присущие большинству населения такие архетипические черты национального характера, как догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, устремленность к трансцендентному⁴⁰⁸, коллективизм, авторитет власти и т. д., противоречили главной либеральной ценности — индивидуализму. Сохранение в массе русского народа (за исключением его элиты) идеальных устоев традиционного общества давало крайне правым основание утверждать свою политическую силу в опоре на «народ», народные низы. «Того, что наши народные массы — “черносотенные”, — не может отрицать никто. Глубокая вера в Бога, непоколебимая преданность царю и покорность законным властям издавна являются отличительными чертами нашего крестьянства», — писало «Русское знамя»⁴⁰⁹.

Несмотря на глубокий духовный и культурный кризис основ российского общества, вызванный петровскими преобразованиями и западными идеологическими влияниями, черносотенцы видели свет в конце туннеля: «В настоящее время все грозит России погибелью. Общественной самобытной жизни в современной России почти не существует. Народ обнищал. Интеллигенция — деморализована. Духовенство — соль земли — малообразованно, материально необеспеченno и не имеет светоча, примера праведной жизни на земле — патриарха, который бы, сияя над миром своей кротостью и смиренiem, являлся бы верной опорой самодержавию православного царя. И России угрожают не только внутренние, но внешние враги с за-

пада, юга и востока. Но вера православная и царское самодержавие в России все же остались. А есть православие, есть царь в России — еще не все пропало»⁴¹⁰.

Черносотенцы были далеки от мысли идеализировать русский народ и его качества. Трезво оценивая неблагополучное состояние общества, они не были склонны обвинять только внешние силы в произошедшей революции. Ее причины виделись не только в кознях мировой закулисы, поврежденности русской элиты, но и в разложении духовных основ русской жизни: ослаблении в народе православной веры, патриотизма, невиданном падении чувства национального достоинства и самосознания, забвении исторического права русского человека «быть хозяином в собственном доме», социальной разрозненности, слабом развитии национального просвещения⁴¹¹. В отличие от поколения Минина и Пожарского современное поколение русских черносотенцы оценивали так: «Тщедушное, слабое и телом и душой, утратившее горячую веру в Бога, а с ней патриотизм, оно не смотрит в будущее, а стремится к временному скоро проходящему благосостоянию, забывая, не думая о блаже потомства, гонится за временной наживой, из-за которой готово продать сплошь и рядом, как мы часто теперь видим, в особенности среди рабочих и пристроившихся в городах крестьян, не только родину, но и отца с матерью»⁴¹².

Этот нравственный упадок, по мнению крайне правых, стал благодатной почвой произошедших в начале XX в. революционных потрясений. В критические моменты черносотенные лидеры в частной переписке давали неlestную характеристику русскому народу. В перлюстрированном в 1908 г. Департаментом полиции письме члена III Государственной Думы от фракции правых А. С. Вязигина утверждалось: «У нас нет народа, у нас есть только население, обыватели»⁴¹³. Негативное влияние на состояние

народа оказывала зависимость целых групп населения от неблагополучных условий жизни, разложение образованных слоев русского общества, произволов отошедшего от национальных начал административного аппарата⁴¹⁴.

Одну из причин деморализации народа черносотенцы находили в разрушении соборности как формы организации русского народа. Развитие капиталистических отношений запустило процесс разрушения общины, а с ней и разложение идейных основ традиционного крестьянского «мира». Оторванность верноподданного от естественной среды создавало благоприятные условия для пересмотра патриархальных взглядов. В черносотенной литературе описывалась методика вербовки в революционный стан: «Народ в общей массе своей составляет надежнейший оплот религии для каждого отдельного лица. Но лишь только одно лицо вышло из сферы народного влияния, как его начинают ловить волки в овечьей шкуре. Потребность веры в таком лице не угасла, угаснуть не может, ибо это есть отличительное свойство русской души; но легковерный ум, смущенный наверху схваченными верхушками, но не корнями знаний, стоит на распутье. Тут-то и начинается жидовская лафа. Жиды подступают к молодому человеку, являющему собой такое лицо, окружают его, как демоны грешную душу, и, как демоны, тащат его к погибели ради своих мелко корыстных иудиных интересов»⁴¹⁵.

Свидетельством разложения общины стало появление городского и сельского пролетариата — новой социальной группы, характеризовавшейся утратой соборности, а потому попадавшей под влияние различных оппозиционных сил. Черносотенцы проводили четкую границу между крестьянином, владевшим землей и крепко на ней стоявшим, и безземельным крестьянином — пролетарием, наводнившим города и фабричные районы. Эти группы крестьян совершенно различались по политическим

взглядам и отношению к существующему строю. Первым необходима была стабильность, вторые представляли аполитичные массы, всецело поглощенные заботами о куске хлеба, и если действительно были способны на беспорядки, то только с экономическими требованиями. Отсюда следовал вывод о необходимости улучшать благосостояние крестьянства посредством экономического и социального партнерства его с помещиками. Опасность представляли не крестьяне и рабочие, а «те бездельничающие карьеристы из опошлившейся дворянской и разночинной среды, для которых землевладение и земледелие не есть вожделенная тихая пристань, но которых прельщает лишь одно звенящее золото. Они наиболее чутки и отзывчивы на жидовско-инородческий клич, на безумный призыв «растрепать» Россию, предвидя за свое предательство и подлую услужливость жидам обилие этого золота»⁴¹⁶.

Помимо разложения основ традиционного общества причина социального неблагополучия русского народа имела глубокие исторические корни. Отсталость государственных институтов, материально-технической базы от стран Европы виделась крайне правым идеологам в нелегком наследии внешних нашествий. Тяготевшее над Россией почти 300 лет монгольское иго, сковывало предпримчивый славянский ум и задерживало народный прогресс⁴¹⁷. Приняв на себя удар и спася Европу от нашествия, русские во многом отстали в науке и знании. Сказывалась и вековая забитость населения, пустившая глубокие корни в народном сознании. «Русский народ довольно темный, малоразвитый, недостаточно предприимчивый и... лежебокий от природы», — писала черносотенная пресса⁴¹⁸. На благосостояние народа серьезное влияние оказывало отсутствие образования: «А ведь наши крестьяне по сравнению с западноевропейскими прямо богачи; только немецкий крестьянин или швейцарец гораздо трудолюбивее».

ве. Чего не хватает нашему крестьянину, это образования...»⁴¹⁹ Другой унаследованной из прошлого чертой являлась неспособность каждого отдельного представителя народа реализовывать индивидуальные масштабные проекты без государственной поддержки или иного внешнего содействия: «Третье средство — народ наш нужно привить к упорному труду. Нигде на свете нет столько хулиганов, пьяных и нищих, как в России...»⁴²⁰

Воспринимая историю органически, черносотенцы не обвиняли прошлое в современных им государственных нестроениях, находя в постигших страну катаклизмах и положительную сторону. Монгольское иго «дисциплинировало слишком своеобразный и беспокойный славянский характер, сообщив ему большую уравновешенность, и пробудило национальное самосознание, благодаря которому жившие до этого в постоянной междуусобице славянские племена, сплотившись, свергли татарский гнет и образовали единую Русь»⁴²¹.

На имевшее место в начале XX в. бедственное состояние страны и народа существенное влияние оказали недостатки русского национального характера, находившие отражение в реальной политической практике. К ним черносотенцы относили следующие.

1. *Инертность, апатичность, бездеятельность, пассивность, аполитичность.* Оборотной стороной религиозности выступала политическая пассивность верноподданного населения и сомнение в необходимости земного переустройства. «Русский народ, глубоко проникшись бытвою стороны православия, смотрит на жизнь земную как на подготовление к бытию загробному и, не пленяясь почестями и славою, выше всего ставит тихое и безмолвное житие...», — писал идеолог Союза русских людей Ю. П. Бартенев⁴²². В условиях острой политической борьбы положительные качества народа — миролюбивость,

терпимость, доверчивость превращались в противоположные: невежество, дряблость, лень, безнародность, безотечественность, неспособность дать жесткий отпор революционерам⁴²³. Черносотенная пресса возмущалась: население не делало ничего, чтобы оградить себя от бомб и разбоев революционеров, не желало принадлежать ни к каким политическим партиям, участвовать в политической жизни, выборах в законодательное учреждение⁴²⁴. Воспитанное веками монархическое сознание верноподданных россиян накладывало ограничения на участие в политическом процессе: «Мирное, трудящееся население, городское или деревенское, всегда было и будет на стороне монархического правительства и поэтому предпочитает лучше оставаться дома, нежели идти подавать голоса хотя бы и за русских людей»⁴²⁵.

Воспеваемая черносотенцами аполитичность русского народа сыграла с ними дурную шутку. Политическая пассивность их многомиллионного избирателя создавала благоприятную почву для побед их оппонентов на выборах. В результате в I и II Государственные Думы, которым черносотенцы дали определение «революционных», проникли враги: «Жид был там самым деятельным и влиятельным лицом; он создавал вопросы, давал направление, господствовал в прениях, участвовал и председательствовал в комиссиях, делал от них доклады; его даже призывали в вероисповедательную комиссию решать судьбу православной веры»⁴²⁶. Пытаясь преодолеть пассивность народа, черносотенцы призывали его к большей политической активности: «На очереди выборы в четвертую Государственную Думу. Людям, по-русски мыслящим, но и по-русски дремлющим, пора перестать говорить: «Я ничего не знаю, моя хата с краю»⁴²⁷.

2. *Политический инфантилизм, неискушенность, неопытность, незрелость, внутренний разлад, неприязнен-*

ность, рознь, отсутствие солидарности и сплоченности. Следствием неискушенности и неопытности верноподданных слоев населения являлась неспособность противостоять внутренним угрозам со стороны оппозиционных сил, подрыв первенства державного народа, выразившегося в утрате контроля над политической и социально-экономической сферами общества и засилье инородцев. «Как и где найти такую прочную спайку для разрозненных русских людей, которая настолько сплотила бы их, чтоб никакие козни врагов для них не были страшны?», — задавали вопрос черносотенные идеологи⁴²⁸.

Традиционным для русского народа недостатком, по мнению крайне правых, являлось отсутствие единодушия, согласия, солидарности и сплоченности. Приводя пример Германию, черносотенцы указывали, что в условиях рыночного выбора «ни один немец не отдаст торгового помещения в своем доме еврею и не пойдет в еврейский магазин приобретать себе какие-либо домашние принадлежности, так как у него есть для этой цели немецкие торговые заведения»⁴²⁹.

Распри в монархическом лагере стали ярким проявлением обоих присущих русскому народу качеств — политической незрелости и склонности к розни. Ярким их воплощением стал председатель СМА В. М. Пуришкевич, заслуживший в крайне правой среде прозвище «бациллы разложения»: «Каждая монархическая организация, к которой примыкал Пуришкевич, немедленно распадается. Начинаются ссоры, распри, наплыv темных людей и замаранных людышек, окружающих Пуришкевича тесным кольцом. Изгоняются основатели-патриоты, выживают члены-учредители, устраиваются оскорбительные гонения на всех нравственно-чистоплотных людей, и в конце концов, после разгона всех честных элементов, остается распорядителем среди развалин “бацилла разложения” Пуришкевич “сотоварищи”⁴³⁰. Давая оценку по-

пытке захвата в 1913 г. Русского собрания сторонниками Н. Е. Маркова и В. М. Пуришкевича, газета «Русское знамя» писала: «...“Русское собрание” обратилось в арену мелких интриг политиканствующих людышек и притом с крайне грязной, в уголовном отношении, репутацией, находиться рядом с которыми в одном обществе для порядочных людей зазорно»⁴³¹.

В опубликованном в 1914 г. официальном документе крайне правых «Задачи русского монархизма» отмечалось: «...не редкость встретить в некоторых, даже небольших, городах по несколько независимых друг от друга монархических обществ, возникших только потому, что нескольким тщеславным лицам, иногда даже крайне неблаговидным и неподходящим, захотелось именоваться громким титулом “председателя”. И вот, чтобы подчеркнуть свою “деятельность”, они начинают обливать друг друга грязью и, конечно на патриотической подкладке, причем в личных стремлениях нередко разногласият с местными властями. Курьезнее всего бывает еще то, что членами во всех этих обществах нередко состоят одни и те же лица — только председатели и секретари разные»⁴³². Даже на кануне I Мировой войны черносотенцы признавали, что монархические общества очень плохо с организованы, являясь «материалом весьма ценным, но пока сырым и необработанным»⁴³³.

Компенсацией национальной разрозненности выступала высокая способность к мобилизации в условиях чрезвычайных ситуаций. Русскому народу было свойственно забывать классовые и социальные различия в период отечественной опасности, что проявилось в смутные времена, когда в условиях иноземной оккупации рознь уступила место единению сословий: «...триста лет тому назад верные престолу сословия: благородное дворянство, доблестное крестьянство, мещане и духовенство встали на защиту

Отечества, объединились и мы в смутные для государства годы»⁴³⁴. Это же было продемонстрировано и в годы первой российской революции появлением на политической арене черносотенных организаций. Следствием политической неопытности оказывалось тяготение к беспорядочным и бессистемным формам политической и общественной деятельности, равно и неспособность «втискивать себя в рамки системы и метода, предпочтая правильной, постоянной организации — “летучую, по наитию, импровизацию” до тех пор, “пока гром не грянет”...»⁴³⁵.

3. *Легковерие, наивность, простодушие, доверчивость и внушаемость.* Особенность восприятия крайне правыми происходивших в стране революционных процессов состояла в отказе верить в способность к разрушительным действиям русского народа в отношении собственного Отечества. Факторами, способствовавшими государственным нестроениям, по их мнению, являлись положительные качества русских православных людей, часто использовавшиеся третьими силами им в ущерб. Отличаясь храбростью и силой, с достоинством встречавший открытый вызов врагов, державный народ пасовал перед хитростью, обманом и лицемерием, чем постоянно пользовались его враги: «Геройская откровенность Святослава “Иду на вы” и до сих пор оказывается в русском народе; не могут русские понять, что есть враги, бесстыдно надевающие личину дружбы, открывая “братские объятия” только для того, чтобы вернее задушить бросающегося в них»; «этим великодушием злоупотребляли слабые инородцы, уподобляя великую нацию сильному коню, пожираемому оводами»⁴³⁶.

В потрясших страну событиях правомонархисты видели козни и руководящую руку инородцев и евреев, использовавших заблудшую и совращенную часть их соотечественников в целях достижения господства и узурпации

достояния, завоеванного «потом и кровью» русского народа. Здесь инородцы использовали такие черты русского народа, как политическую неискушенность, отсутствие опыта, податливость, внушаемость, доверчивость, некритичное преклонение перед авторитетами: «Простой русский человек смирен и падок на похвалу; отсюда и вытекает то обстоятельство, что он с “уважением” слушает чепуху студента или лакейское суесловие земского лекаря... В силу своей умственной смиренности простой русский человек и начинает повторять за интеллигентишками их поганенькие “выражения” и твердит, что и мы “не лыком шиты” и “во Хранции не хуже нашего люди живут”. Но от попугайского повторения до сознательного убеждения путь еще не близкий»⁴³⁷.

Без государственного патернализма доверчивость русского народа могла быть использована его врагами. «Наше русское несчастье это неумелое, неразборчивое преклонение перед авторитетами без всякого критического к ним отношения»⁴³⁸; «И в наше лихолетье мы видим, как ловко всевозможные революционеры, евреи и кадетствующие честолюбцы использовали народное невежество и нищету во вред царя и народа, желая свергнуть царское самодержавие, расчленить Россию и при помощи русского невежества унизить и поработить этот же русский народ. И враги русского царя в наше лихолетье являются, таким образом, также и врагами русского народа», — писала черносотенная пресса⁴³⁹. Это приводило к не отражающему реальную расстановку политических сил в стране составу Государственной Думы. «Русскому народу надо серьезно задуматься над тем, можно ли посыпать в Думу октябрistsов и им подобных. Пусть народ подумает, кто его враги, кто его друзья!», — заявлял член Государственной Думы от крайне правых Н. Е. Марков.

Черносотенная пресса указывала, что без патерналистской опеки РПЦ и властей русские с легкостью поддавались чужому влиянию, теряя свое национальное лицо, превращались в людей без родины и веры, о чем свидетельствовали следующие утверждения: «Оторванное от родной почвы студенчество оказывается легко поддающимся расслабляющему жидовскому влиянию»⁴⁴⁰. Черносотенцы признавали и отдавали должное наличию в среде малых народов тех консолидирующих качеств, которых не доставало русским. В противовес русским выступала «сила и сплоченность еврейского кагала, ополчившегося на христианство»⁴⁴¹.

Корень духовного разложения народа черносотенцы видели в тлетворном влиянии управленческой (бюрократии) и интеллектуальной (интеллигенция) элит общества, усилия которых были сконцентрированы на следующих направлениях: подрыв позиций РПЦ, сферы образования, нравственности и спаивание народа. Рассмотрим их подробнее.

1. Подрыв позиций РПЦ. После неудачи свергнуть самодержавие путем прямого натиска активность либеральной общественности в послереволюционное время сконцентрировалась на критике РПЦ. Крайне правая пресса подчеркивала, что «изменниками» удар наносится по православию, что может привести к изменению вектора национального самосознания и менталитета народа, отказу от стародавних ценностей. «Цель их — разрушить, осмеять веру, разрушить и другие цепи государственного быта, который верою держится», — подчеркивал архимандрит Макарий на Монархическом съезде русских людей в сентябре 1909 г.⁴⁴² Это не было случайным: для упразднения монархии необходима ликвидация главного исторического условия ее существования — православности социума, изменение вектора духовно-нравственных ориентиров,

иначе говоря, духовный переворот со сходом с православных рельсов на западную систему ценностей⁴⁴³. Подрыв православия неизбежно привел бы к формированию духовного вакуума, который заполнился «множеством новых политических и религиозно-социалистических лжеучений»⁴⁴⁴. Последние рассматривались как формы религиозных верований и определялись как «опаснейшие ереси», имеющие все признаки оных, с которыми следует бороться прежде всего церковным миссионерам⁴⁴⁵. Черносотенная газета «Земщина» настаивала на необходимости учреждения в структуре РПЦ особого миссионерского ведомства, специализирующегося на борьбе с новоявленными псевдорелигиями — социализмом, либерализмом, космополитизмом и жидомасонством⁴⁴⁶.

По мнению правомонархистов, структурированная в политические партии интеллигенция не только представляла опасность как источник негативного идеологического влияния на верноподданные слои общества, но и в своих попытках ликвидации первенствующего положения РПЦ посредством реализации антицерковных реформ. Крайне правые проводили исторические параллели, указывая на то, что падение монархий в Европе началось с подрыва церковных позиций. В утверждении этой мысли они опирались на документы политических противников. В мае 1911 г. «Русское знамя» приводило цитату из «Протоколов сионских мудрецов»: «Священничество гоев мы позаботились дискредитировать и этим разорить его миссию, которая могла нам препятствовать. С каждым днем влияние священников на народ падает, всюду провозглашается свобода совести: следовательно, какие-то годы отделяют нас от момента полного крушения христианской веры, самой для нас опасной противницы по историям о духовном мире и будущей жизни»⁴⁴⁷.

Тезис о предшествующих трансформациях в мировоззренческой сфере политическим преобразованиям была сформулирована русскими консерваторами еще в середине XIX в. В частности, Ф. И. Тютчев в датированной 1849 г. статье «Римский вопрос и Папство» писал: «В течение трех веков историческая жизнь Запада была не что иное, как непрестанный натиск на все, что еще было христианского в составе старого западного общества. Этот труд разрушения был долг, и прежде чем свалить учреждение, понадобилось подточить их связующую силу, их цемент — христианское верование. Тем и приснопамятна Французская революция, что она открыла новую эру: восшествие антихристианской идеи на степень политической власти, вручила ей управление гражданским обществом»⁴⁴⁸.

Развитие либерального и революционного движения в России шло в том же направлении — постепенном подрыве позиций РПЦ как основы государственного порядка. «Все люди, верные самодержавному царю и родине, должны ясно видеть, что враг наносит страшные удары именно в корень дерева — Святое Православие», — писало «Русское знамя»⁴⁴⁹. Планы левого лагеря по революционизированию народа в сентябре 1909 г. лаконично раскрыла черносотенная газета «Колокол»: «И прежде всего она направлена против православия, ибо левые увидели, что можно сбить русского мужика с доброго пути, подбить его на грабежи, на поджоги, но нельзя идти против его веры; как пошли, так революция получила отпор. Следовательно, нужно прежде всего разрушить веру, развратить мужика, и вся левая печать принялась кадить староверам, как будто евреи что-либо понимают в староверии, — всячески ноносить духовенство»⁴⁵⁰.

Напор критики либеральной и революционной прессы в отношении РПЦ только утверждал черную сотню в намерениях своих противников окончательно подорвать

православный фундамент общества: «Разнуданность европейской печати такова, что чуть ли не ежедневно в ней подвергается осмеянию и поруганию православное духовенство», — констатировали черносотенцы. «Любой пьяничка-ремесленник может требовать защиты у суда в случае оскорбления печатью. Церковь же Божья оскорбляется ежедневно десятками газет жидомасонского — или “прогрессивного” толка, и оскорбляется вполне безнаказанно и невозбранно! В какое время живем, господа!», — возмущалась газета «Русское знамя»⁴⁵¹. Либералы виделись оголтелыми врагами церкви, которые пользовались свободой, чтобы «только повредить церкви, в этом они единомышленны со всеми сектантами и раскольниками...»⁴⁵² Выпады против позиций РПЦ со стороны либералов не ослабли даже в период отечественной опасности. Требование Прогрессивным блоком «полного и решительного прекращения преследования за веру есть требование попустительства по отношению сектантов, не только отказывающихся лично идти в войска, но и открыто агитирующих против исполнения воинской повинности верными сынами Отечества», — заявлялось на состоявшемся в ноябре 1915 г. в Нижнем Новгороде Совещании уполномоченных правых организаций⁴⁵³.

В подрыв духовно-нравственного базиса русского народа, по мнению черной сотни, свою лепту вносила и космополитическая бюрократия, попустительствовавшая экспансии католиков и сект на канонической территории РПЦ. Взрыв возмущения вызвал у крайне правых факт разрешения правительством вопреки мнению Священного синода деятельности протестантского Русского евангельского союза, учреждение которого рассматривалось как удар по православию⁴⁵⁴. Воображение черносотенных идеологов рисовало мрачные картины тайного альянса денационализированной бюрократии с католическими

иерархами. «Благодаря... попустительству светской власти иезуиты осмелели до того, что решились превратить в католическую церковь православный храм, в котором и совершали униатский обряд, запрещенный в 1839 году», — писала о функционировавшем в Петербурге католическом храме монархическая пресса⁴⁵⁵. В запале противостояния черносотенцы делали, казалось, непростительные ошибки, обвиняя высшие должностные лица в тайном сочувствии вековечному врагу православной церкви. «Русское знамя» заявляло: «В Петербурге иезуитская пропаганда пользовалась, скажем вежливо, любезным покровительством самого “премьера”, желавшего угодить различным княжнам и графиням...»⁴⁵⁶ Строительство буддистского храма в Петербурге они восприняли как покушение на вековые устои, заговор против православия: «православие угнетаемо всеми кому не лень и тяжко и больно видеть русским людям унижение церкви Христовой возведением капища идолъского в граде святого Петра, вблизи мощей святого Александра Невского»⁴⁵⁷.

Разложение бюрократического аппарата проявлялось в индифферентизме по отношению к РПЦ, отказу выполнять защитную функцию по отношению к государственной религии. Это возбуждало вопрос о первенствующем статусе церкви, который части крайне правых казался фактически уже утраченным. Самоустраниние администрации от противодействия сектантству приобрело такой широкий размах, что в постановлениях состоявшегося в ноябре 1911 г. в Москве Всероссийского съезда Союза русского народа заявлялось: «...духовенство православное не в силах бороться с совращением... ему иногда мешают светские власти, которые... на окраинах почти поголовно возлюбили иноверцев»⁴⁵⁸.

Тревогу била и черносотенная пресса: «...светская власть не видит — нет, не хочет видеть сетей, искусно рас-

кидываемых целым полчищем слуг злого сатаны!»⁴⁵⁹ Подчеркивалось, что удар по православию проходит не только с молчаливого согласия местных властей, но и при их непосредственной поддержке. В постановлении Всероссийского съезда СРН, состоявшегося в ноябре 1911 г. в Москве, черносотенцы жаловались: «Русские люди просят сравнения прав прихода православного с инославными хотя бы в том, чтобы строить храмы, буде есть средства, без волокиты консисторской и административной: как ныне в Армавире 18 лет не могут добиться разрешения выстроить второй храм для 40 тысяч православных, хотя 4 тысячи армян имеют 2 церкви»⁴⁶⁰.

Размах и интенсивность деструктивной деятельности объединивших свои усилия космополитической бюрократии, либеральной и революционной группировок давали свои плоды. При незначительной численности образованных слоев общества черносотенцы констатировали катастрофические масштабы подрыва ими базовых ценностей русского народа. «Это ненормальное положение — народ сбился с пути благодаря непрошенным просветителям. Это последнее обстоятельство и есть главная причина всеобщего брожения, шатания, разнужданности, безнадежия, беззакония. Мы, православные христиане, устраиваем свои миссии в иноверческих странах; туда нередко к диким народам бесстрашно идут наши миссионеры. Теперь на православной Руси наступило тяжелое, небывалое еще время; наши миссионеры нужны нам самим»⁴⁶¹.

2. Подрыв сферы образования. По заявлению черносотенной прессы, одной из причин революции 1905—1907 гг. стала проведенная Александром II школьная реформа, приведшая к упадку сельских учебных заведений: «Скоропалительное обучение и просвещение народа, не принося никакой существенной пользы ни самому народу, ни государству, только расшатало народную нрав-

ственность, породило массу таких зол...»⁴⁶² Крах реформы был обусловлен несколькими факторами.

Во-первых, слабым финансированием церковно-приходских школ, которые из оплота порядка быстро превратились в рассадники нигилизма. Реформа насаждалась сверху посредством открытия огромного числа учебных заведений, не сообразуясь с организационными и финансовыми возможностями по предоставлению достойного образования. В результате страна покрылась густой сетью школ, где ощущался дефицит квалифицированных учителей, восполняемый далекими от педагогики лицами. Черносотенная пресса давала весьма недестные эмоциональные оценки учительскому составу, не знавшему нужд и потребностей крестьянской жизни: «Народная школа стала последним приютом для жалких бездарностей, горьких пьяниц, развращенных превратно понятой наукой атеистов, оскорбленных чудовищных самолюбий и разочарованных неудачников»; «...озлобленные и бессердечные люди, обиженные тем, что в гимназиях, где они не могли дотянуть до выпускного экзамена, товариши их получали золотые медали». В сельские педагоги шли лица, «сами не знающие ничего, кроме жалких обрывков, вынесенных из жалких средних школ». Эти учителя, по утверждениям крайне правых, и стали «нагло-откровенными развратителями деревенских детей»⁴⁶³.

Передача из ведения Министерства народного просвещения сельских школ Синоду привела к ухудшению положения учителей. Несоответствие уровня образования провинциальной интеллигенции ее материальному состоянию прямо влияло на рост оппозиционности в ее среде. Сельские учителя — «голодный пролетариат, еле перебивающийся на те скучные гроши, которые им платят за их тяжелый труд. Живут они без всякой веры и надежды в будущее, без любви к настоящему, без со-

жаления к прошлому. Это беспочвенники, им все равно терять нечего»⁴⁶⁴. Качество педагогического состава ставило под сомнение вопрос о готовности страны к введению всеобщего обязательного начального образования. «Какие чувства и понятия могут привить народу эти озлобленные на весь мир педагоги, из числа нынешних пролетариев, те педагоги — для которых не существует родины, нет определенной религии, нет твердого и ясного сознания гражданского долга, — есть только один бесконечный индифферентизм», — возмущалась в январе 1908 г. черносотенная пресса⁴⁶⁵.

Во-вторых, проникновением в школы неблагонадежных, а порой и открыто революционно настроенных лиц. Недобросовестно поставленное дело народного просвещения виделось в полном отсутствии контроля за деятельность учительского состава, направляемого в сельскую местность. «... Какой-нибудь сельский учитель, состоя в то же время на службе у революции и задавшись целью сеять среди народа идеи вольнодумства, вполне успешно достигает этой цели...»; «Кто ручается, что разные социалисты, анархисты, не успевшие довести до конца свои гнусные замыслы путем нелегальной, подпольной агитации, не возобновят свою деятельность на почве легальной да при том еще за казенный счет. Под видом сельских учителей и учительниц?» — ставила вопрос черносотенная пресса⁴⁶⁶.

Свою лепту в революционизирование деревни внесло «хождение в народ» народников: «Чего хорошего могли винуть крестьянской детворе те отбившиеся от своих сословий дворяне и поповичи, которые шли в народные училища, порвавшие с семейными преданиями и отрекшись от веры отцов своих и от сословных правил чести и великодушия...»⁴⁶⁷ Переполненность сельских школ распропагандированными учителями приводила к тому, что педагоги «умышленно стараются извращать народные понятия и

народную нравственность внушением разных непонятных и потому уже вредных идей»⁴⁶⁸. Оценивая результаты «хождения» в народ революционеров, «Русское знамя» писало: «По мере развития у нас народного образования патриотическое чувство в народе падает все быстрее и быстрее, словно куда-то улетучивается»⁴⁶⁹.

Выпукло проблема революционизирования учебных заведений проявилась в вузах, рекрутировавших во властные структуры неблагонадежных чиновников и ставших поставщиками молодежи для революционных организаций. В августе 1907 г. академик А. И. Соболевский, выступая перед общим собранием СРЛ, констатировал разложение и сферы высшего образования: «Наши высшие учебные заведения находятся всецело в руках революции, составляя ее главный очаг. Надежды на правильный ход учебных занятий в высших учебных заведениях нет никакой; уже с половины сентября можно ожидать беспорядков в стенах рассадников просвещения. Очень плохо обстоит дело в среднеучебных заведениях — светских и духовных»⁴⁷⁰.

Черносотенцы из первых рук знали ситуацию на местах в университетах. Так, в докладной записке студентов-академистов Казанского университета, подготовленной в конце 1907 г., давалась следующая оценка ситуации в вузе: «...Казанский университет и в данный момент все русские университеты находятся всецело в руках левых антигосударственных организаций»⁴⁷¹. Академисты заявляли, что революционные настроения в среде студенчества умышленно сеются левой профессурой, разрешавшей в стенах университета студенческие сходки и проведение политической агитации. Руками студентов левые профессора выдавливали лояльных властям преподавателей посредством организации бойкота. Именно в стенах вузов студенчество приобщалось к «передовым» учениям, которые нравствен-

но ее калечили. «Молодежь не видит, что сама роет себе яму и своими руками работает на разрушение родины и на величие жида», — предупреждало «Русское знамя»⁴⁷².

Крайне правые обвинили масонский орден в создании на базе университетов безостановочного конвейера по подготовке «капитанов будущих бурь». «Русское знамя» возмущалось ненасытностью своих противников и их дальновидностью: «Жидам мало того, что они захватили в свои лапы торговлю и промышленность страны, т. е. богатство; им надо еще захватить и власть: выбить из колеи молодых людей, надежду страны, ее будущих управителей и стать на их место»⁴⁷³. Цель данных манипуляций состояла в том, чтобы превратить молодежь в пушечное мясо грядущей революции или, согласно лексике «Сионских протоколов», в «немыслящих, послушных животных...» Приводился и результат такой «селективной» деятельности. Автор одной из статей в «Русском знамени» писал: «...во время беспорядков 1901 г., когда студенчество обратилось с грандиозной петицией к министру Ванновскому, всем казалось, что наивные идеалисты будут домогаться конституции, свободы, парламента: ничуть не бывало. Все требования сводились к предоставлениям евреям равноправия, — и гора родила мышь»⁴⁷⁴.

По утверждению крайне правой прессы, проводниками революционирования молодежи в высших учебных заведениях становились еврейские студенты, захватившие позиции неформальных лидеров. «В стенах учебных заведений в цепких иудиных руках есть одно могучее средство, которое не уничтожено, вечно будет делать русскую молодежь безвольными исполнителями жидовских предначертаний. Это средство — студенческие сходки. Ведь на каждой сходке берет всегда верх не самый искренний и умный голос, а самый громкий, самый нахальный. Уступчивая русская молодежь всегда по обыкновению стуше-

вывается, будучи не в силах по своей несплоченности заявлять властным голосом свои желания. Правом голоса пользуются только жиды и их присные, т. е. те которых жиды благословляют на трибуну. Руководители сходки обычно намечаются хорошо спевшимися жидами и выбираются или жиды или такие из русских, которые всегда расшаркиваются перед жидами», — характеризовали ситуацию в вузах черносотенцы⁴⁷⁵.

Результатом натравливания неопытных романтиков на погрязшую в коррупции бюрократию стало массовое превращение высших учебных заведений в центры борьбы с существующей властью: «Высшие школы сразу стали поприщем политического сумасшествия, широко и невозбранно открыв свои стены для собраний всевозможных противогосударственных союзов... Полились речи... поднялись флаги... Красный флаг революции сменялся желтым флагом с черным треугольником посередине, — флагом всемирного жидовства и жизненно связанного с ним масонства»⁴⁷⁶. Черносотенцы предупреждали студентов, что их втягивают в весьма сомнительное предприятие, в случае удачи которого преференции получат масоны, а неудачи, — ответственность придется нести им, чему уже есть примеры: «Русских студентов ссылали в различные холодные области за их преступления, внушенные жидами выходки, а истинные виновники зла, прячась в лихую годину за спинами потерявших здравый рассудок людей, завоевывали да завоевывали чужими руками свое благополучие»⁴⁷⁷.

Пока искра революции тлела в вузах, являвшихся поставщиками и в административный аппарат, и в революционный лагерь молодых людей, черносотенцы считали, что в среднесрочной перспективе говорить об окончании революции преждевременно. В связи с этим крайне правые обрушили свою критику на Министерство народно-

го просвещения, которое целенаправленно оттесняло от «дела народного образования истинно русских людей и приближая к нему евреев в крещеном и некрещеном виде...»⁴⁷⁸ Черносотенная пресса утверждала, что, с одной стороны, в Министерстве народного просвещения евреи заняли «укрепленный форт», используя единоплеменников и их русских единомышленников для продвижения «прогрессивных» взглядов: «Наше современное министерство, напр. во главе с г. Кассо, его сотрудниками гг. Тайбе, Вейсманом, Бартольди... озабочившись преуспеянием жизни еврейского народа, дает паразитному племени расти и развиваться в организме русского народа»⁴⁷⁹.

С другой стороны, Министерство народного просвещения подверглось значительному «засорению» сторонниками партии кадетов, т. е. «людей, не признающих отечества». Вместо того, чтобы выполнять главную задачу просвещения — внедрять в массы русские базовые ценности, учебные заведения стали рассадниками космополитизма: «Наша молодежь в угоду жидам, под руководством жидовствующих профессоров, делается беспочвенной, буквально никуда не годной толпой»⁴⁸⁰. Со страниц черносотенной прессы звучала оценка деятельности министерства как союзника масонского ордена по закабалению страны и ее молодежи: «Современное Министерство народного просвещения... имеет смелость внедрять в незрелые умы подрастающего поколения наперекор общественному сознанию всегорусского народа мировоззрение талмудического толка, принимая на себя великую ответственность за совращение “малых сих”»⁴⁸¹.

3. Секуляризация и денационализация сферы образования. Если проблема церковно-приходских школ виделась правомонархистам в низком профессионализме учительского состава и его политической ангажированности, то

светские средние учебные заведения страдали следующими недостатками.

Во-первых, после создания в 1864 г. системы министерских (государственных) и земских школ в среду простого народа была занесена бацилла секуляризма. Предлагая светское образование, эти школы отодвигали на задний план духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения, а именно: привитие таких принципов, как почитание царя, устоев традиционного общества, уважение к чужой жизни, собственности и т. д. Черносотенцы признавали значение светских дисциплин, если они гармонично уживались с религиозным образованием: «Наука обуздала животные побуждения юношества только до тех пор, пока она не была врагом религии, т. е. первого и главного проводника просвещения всегда и повсюду»⁴⁸². Но как только наука подменила Бога и ею стали злоупотреблять «бессознательные безумцы или сознательные преступники», она стала орудием разрушения “условных понятий”, которыми создавалась и держалась цивилизация»⁴⁸³.

Либеральные чиновники Министерства просвещения обвинялись в том, что, внедрив в систему образования секуляризм, они заложили основу для восприятия народом оппозиционных идей. «У нас жиды и русские изменники успели опоганить все, в том числе и ученье: ...сто раз лучше пребывать в первобытном состоянии, во тьме, чем быть образованным этим “освободительным ученьем”», — утверждали крайне правые идеологи⁴⁸⁴. Вопрос о школьном образовании монархические союзы поднимали во всеподданнейшем адресе от 8 августа 1906 г., в котором лаконично были обозначены тревожившие их проблемы: «Взгляни на безобразие наших средних и высших школ, в которых почти весь цвет русского народа систематически заражается безбожием, ненавистью к царскому престолу и ко всему, что дорого русскому народу»⁴⁸⁵.

Во-вторых, параллельно с внедрением секуляризма школа обвинялась в дискредитации ценностей традиционного общества и государственных устоев. Черносотенцы констатировали, что на уроках государственный порядок, история страны, быт и нравы русского народа высмеивались и унижались подбором исключительно отрицательных сторон, неприглядных фактов прошлого и «случайных недостатков переходных времен»: «С адской последовательностью работали сеятели отрицания в русской школе, прививая нам преклонение перед чужими народами, чужими нравами, чужими законами передачей исключительно блестящих качеств всего этого и заботливо скрывая явные несовершенства иноземного строя»⁴⁸⁶.

Либеральные учителя обвинялись в намерении подорвать в учениках патриотические чувства привитием «тепловато-туманного космополитизма, являющегося гибельным для молодых растущих организмов». Раствление начиналось в низшей и средней школе, где «насажены кадеты и жиды, как будто нарочно затем, чтобы убить в молодежи все, чем наша отличается от других народностей и этим подорвать вконец русскую государственность»⁴⁸⁷. Черносотенный публицист Д. Булатович на собственном опыте свидетельствовал: «Я сам до 30 лет был невеждой, не понимающим разницы между самодержавием и абсолютизмом. Но кто же виноват в нашей несознательности, как не бюрократия, до-золявшая учить в школах чему угодно, только не познанию нашей национальной самобытности»⁴⁸⁸.

На фоне разрушения ценностной конструкции русской цивилизации происходило возвеличивание отдельных народов. Взрыв негодования правых публицистов вызвала рекомендованная Министерством народного просвещения для школьных библиотек брошюра «В свете правды», где имелись недопустимые, с их точки зрения, оценки: «Провидение водворило в нашем Отечестве самую боль-

шую и самую крепкую часть еврейства. Да не раз было высказано серьезными дальновидными публицистами, что евреям в России предстоит великая будущность»⁴⁸⁹. Данный порыв Министерства просвещения вызвал гневную отповедь черносотенной прессы: «...в XX веке жиды встретили “просвещенных” бюрократов, которые не только не оказывают сопротивления жидовству, но поняли, видно, задачу жидовства согласно жидовскому талмуду и вступили на правильный путь в деле просвещения России, задавшись целью “сломить” “невежественные предрассудки против жидов”»⁴⁹⁰.

4. Разрушение нравственности. Данная проблематика рассматривалась правомонархистами через призму всемирного масонского заговора, направленного на разрушение христианской цивилизации, основными нравственными устоями которой являлись: Бог, царь, Отечество, семья, собственность, коллективизм и т. д. Именно на подрыв этих принципиальных понятий и были направлены силы и средства масонов, без которых и «народ, и конкретный человек мог быть превращен в раба»⁴⁹¹. Согласно предлагаемой крайне правыми схеме работа «вольных каменщиков» по нравственному разложению русского народа шла в нескольких направлениях. Первое — разложение правящей бюрократии посредством подкупа, поощрения продажности, подталкивания к использованию своего положения для обогащения. Второе — революционирование молодежи, привитие ей отрицания наследия предков и натравливание ее на погрязшую в коррупции бюрократию. Третье — подрыв патриархальных устоев в народных низах⁴⁹².

По мнению крайне правых, масонский орден стал архитектором либерального общества, находившегося в антагонизме с христианской цивилизацией. Если последняя ставила целью человеческого существования веру и

добродетель для «унаследования жизни вечной и вечного блаженства», то масоны выдвигали альтернативный путь, который черносотенная пресса характеризовала следующим образом: «...проповедовать утеху и наслаждение счастьем в течение земной жизни»⁴⁹³. В апреле 1907 г. черносотенная пресса била тревогу: русской неопытной молодежи прививается безверие, безнравственность, неуважение к родителям, национальный индифферентизм⁴⁹⁴.

Крайне правые утверждали, что «Протоколы сионских мудрецов» разрушали устоявшееся мнение о порождении либеральных идей французским просвещением XVIII в. Наоборот, французские энциклопедисты были использованы масонами для легализации богооборческих концепций, насчитывавших многовековую историю. По их мнению, идеи просвещения, якобы направленные на нравственное совершенствование человека, были «ядом, который сознательно прививало нам всемирное жидовство с целью ослабить нас и свести мощь русского оружия»⁴⁹⁵. Практиковавшийся механизм физического и нравственного развращения народа в январе 1907 г. описала газета «Русское знамя»: «В каждом человеке живет “Я” — духовное и физическое. В гармонии этих двух “Я” и заключается прогресс жизни, т. е. физическое и умственное развитие и нравственное просветление или духовное прозрение. И наоборот, в нарушении этой гармонии заключается регресс жизни, т. е. физическое ослабление, умственное потемнение и нравственное извращение. Следовательно, чтобы ослабить противника ... нужно только физически и нравственно его развратить»⁴⁹⁶. Именно это дало право «Русскому знамени» утверждать: «Сила жи́дов — в политическом невежестве христианских народов...»⁴⁹⁷ Черносотенцы предлагали универсальный рецепт избавления от масонских соблазнов: «чем мы сами будем лучше, чем

нравственнее и душевно чище, тем бессильнее против нас будет еврей»⁴⁹⁸.

Крайне правые предупреждали, что предлагаемая масонами секуляризация через подрыв христианских ценностей приведет к деградации государства, общества, личности и культуры. Наибольшее разрушительное влияние масонства на себе ощутила Франция, в которой в связи с утратой церковью своего первенствующего положения произошла деморализация народа: пали нравы и семейные ценности, повсеместно распространена продажность «чувства и мысли». Страна некогда великой культуры и науки приобрела всемирную известность благодаря своим публичным домам и новациям в области сексуальных утех. Атеизм и антипатриотизм привели к вырождению нации (смертность превысила рождаемость), и «когда-то чудная страна идет к вымиранию»⁴⁹⁹.

Черносотенцы предрекали такую же участь и России: «То же самое ждет и нас, если мы плоды своей какой ни есть, но все же своей самобытной культуры, добытой кровью и страданиями русского народа, отдадим в руки пришлого элемента, евреев, ничего не давших России, кроме деморализации, эксплуатации и пресловутой революции...»⁵⁰⁰. Падение веры среди чиновничества приводило к «расслаблению» государственного механизма, внедрению в систему государственного строительства духа наживы и продажности — то есть утверждению предлагаемых масонами начал экономического взаимодействия. С оттеснением церкви на обочину литература, поэзия, музыка, искусство постепенно деградировали, высшие проявления человеческого духа уступали место культуре материального потребления. Крайне правые указывали: «Посмотрите же, во что обратилась литература и журналистика... Глубокие умы, блестящие светочки, величайшие таланты заменились идиотами, неврастениками и развратниками»⁵⁰¹.

Правомонархисты уделили серьезное внимание изучению методов воздействия масонства на общественное мнение, которое для пропаганды своих взглядов использовало следующие средства. Во-первых, популярные курсы и конференции исторического, религиозного, искусствоведческого направления и т. д., на которых посетителям читали лекции с названиями: «Отделение церкви от государства», «Мораль без Бога», «Свободная любовь без брака», «Свобода материнства», «Секрет уменьшения родов у женщин», «Почему надо быть анархистом», «Абсурдность собственности» и проч.⁵⁰² Во-вторых, театры, живопись, литературу, где «безнравственные таланты и скандальные знаменитости усиленно рекламируются и выдвигаются вперед, в то время как отстаивающие традиционные ценности подвергались всеобщему осмеянию или игнорировались»⁵⁰³. В-третьих, учебные заведения (вузы, училища, школы) посредством внедрения в преподавательский состав лиц, разделявших «прогрессивные» взгляды. Для последних, по словам «Русского знамени», было характерно «искажение науки, систематический обман, мираж, подмена одних идей другими, оклеветание ученых, не идущих по указке масонства и превознесение тех, коих удалось привлечь в ложи»⁵⁰⁴.

Крайне правые утверждали, что захват основных сфер экономики, образования и культуры давал «вольным каменщикам» возможность использовать в своих разрушительных целях избирательный подход. Масоны понимали, что припасенные для интеллигенции учения либерализма и социализма не дадут эффекта при обращении их в народ. Поэтому низовой целевой аудитории были предложены другие блюда. Согласно «Протоколам сионских мудрецов» подрыв нравственных устоев традиционного общества должен сопровождаться широкой пропагандой красивого образа жизни, безудержного потребительства,

распутства и порока. По заявлению черносотенцев, удар масонов наносился по следующим целям: традиционным моральным нормам, семейным ценностям, нравственным качествам (смиление, трудолюбие и т. д.)⁵⁰⁵ и проявлялся в следующем.

Во-первых, внедрение и популяризация в общественном сознании духа наживы. Для русских консерваторов именно евреи привнесли в Россию с Запада капиталистический способ производства, приведший к разрушению патриархального уклада и предложивший новый идеал: жажду обогащения и безудержного потребления. Черносотенцы негодовали: евреи стали инициаторами создания такой экономической системы, при которой престижным становился не облагораживающий честный труд, а спекуляция, ростовщичество, обман, эксплуатация, ажиотаж. «Этим они, порождая презрение к упорному труду, стремление к легкой наживе и неразборчивостью в средствах для ее достижения, понижают уровень общественной нравственности и притупляют чувство чести», — обрушивался на евреев один из крайне правых идеологов⁵⁰⁶. Подтверждение для многих антисемитских инвективов давали западноевропейские националисты. Газета «Русское знамя» приводила одну из резолюций антисионистского конгресса в Лионе: «Евреи... ввели нам царство ростовщичества, биржевой игры и узаконенного воровства, они содержат большую часть органов прессы, они господствуют в агентствах публикаций и справок, с каждым днем они все больше и больше проникают на высшие посты администрации в судебном и учебном ведомствах, через французский банк они стали вкладчиками «национального кредита», никогда евреи не национализировались искренно, напротив, они готовы изменить всякому отечеству, если это им выгодно»⁵⁰⁷.

Во-вторых, разрушение семейных ценностей. Внедрением либеральных ценностей — индивидуализма и эгоизма убивалось детское почтение к родителям, прививалась привычка критиковать старших, а также «самодовольство и самоуверенность, граничащие с самопоклонением, слишком часто переходящее в самообожание, в свирепое тщеславие»⁵⁰⁸. Черносотенцев возмущали заявления, направленные против материнства и семьи, которые получили распространение среди учащейся молодежи: «Мать это даровая квартира на девять месяцев, к тому же квартира неудобная, тесная и сырая»⁵⁰⁹. Подобный человеческий материал, поставлявшийся в вузы из «средних школ с жидовскими и польскими преподавателями», и становился материалом для революционной пропаганды. «...Главную активную роль всех преступлений, безобразий, обид, “выступлений” играет наша школьная, но неучащаяся молодежь», — писало в конце 1907 г. «Русское знамя»⁵¹⁰. Неудивительно, что крайне правые делали безапелляционный вывод: «Школа XIX века стала причиной кровавого хаоса в России под названием “Первая русская революция”»⁵¹¹.

В-третьих, распространение порнографии. Жесткость позиции крайне правых по вопросам распространения порнографической литературы обуславливала строгой позицией РПЦ в вопросах нравственности. В появлении в России в начале XX в. бульварной прессы, в том числе и откровенно порнографических газет, были обвинены доминировавшие в этом виде издательского бизнеса евреи, делавшие хорошие гешефты на потакании людским порокам: «Жиды отправляют молодые души разиратом; к этой цели направлены все издаваемые жидами журналы, книги, газеты, все произведения для театра и музыки»⁵¹². Исходя из утверждения о том, что появлением порнографической литературы мир был обязан евреям, в крайне правой среде распространилось мнение, что именно евреи

взяли на себя функцию общественных растлителей, навязывая массам вседозволенность. В сентябре 1912 г. орган СРН газета «Русское знамя» сделала новое заявление: «В средней школе жидки развели свободную лигу любви для разврата христианских детей»⁵¹³.

Крайне правые били тревогу и по поводу физического состояния молодежи: значительное ее количество болело венерическими заболеваниями и страдало алкоголизмом. Основываясь на проведенных в 1903 г. исследованиях среди более 2 тыс. студентов МГУ, черносотенная пресса возмущенно писала, что период «возмужания» начинается гораздо раньше, чем было принято считать. Так, молодежь начинает курить и употреблять алкогольные напитки между 15 и 20 годами, внебрачные связи начинаются между 14 и 17 годами. К 20 годам 25 процентов всех юношей уже болели серьезными венерическими болезнями⁵¹⁴. Данные исследования подтверждались обследованиями, проведенными в киевских высших школах: «На 20 человек нашей молодежи, наших устоев будущего общества, 5 полуутрупов физических, 12 полуутрупов психических (предающихся тайному пороку) и только трое здоровых людей». Черносотенцы предрекали мрачную перспективу: «Темно и мрачно будущее, в котором роль вожаков и предводителей будет принадлежать нравственным уродам, умственно — невеждам»⁵¹⁵.

При оценке нравственного состояния российской молодежи черносотенцы исходили из тезиса о негативном влиянии школьной реформы Александра II, приведшей к свертыванию системы традиционного воспитания и ее переформатированию под либеральный стандарт, вынедивший в образовательные учреждения «пагубную проповедь разрушения, разъедающую все, что было дорого и свято нашим предкам, все, чем создавалась, росла и величалась Россия»⁵¹⁶. Черносотенная пресса констатирова-

ла: «Школа уничтожила любовь к Богу и Отечеству как к чувствам, способным перевернуть весь мир. Тело вытеснило душу, разврат прогнал любовь... Брак стал куплей и продажей. Союз сердец превратился в бесстыдную связь». Патриотизм в русской школе и обществе был разрушен пустыми фразами о братстве, «несбыточность которого понимает зрелый ум пожилого человека, но не в силах понять молодой рассудок, увлекающийся всем, что кажется ему возвыщенно и благородно...»⁵¹⁷. Давая характеристику состоянию дел в высших учебных заведениях, профессор Н. С. Мищенко на Съезде отделов СРН Юга России в октябре 1908 г. указывал, что «прогрессивные» преподаватели обратили «храмы науки в скопища разных отбросов, изгнали оттуда науку и широко открыли двери для всевозможных преступных деяний и развращения юношества...»⁵¹⁸

Правомонархисты приходили к выводу о том, что внедрение подрывавшего библейскую ценностную базу секуляризма в учебные заведения приводило к огрублению нравов и нравственной деградации молодежи. Черносотенцы описывали образ современного им русского студента, сформированного под влиянием новомодных учений: «Вместо свежих и веселых лиц немецких студентов мы видим у своих, даже гимназистов, испитые и прямотаки отвратительные по выражению лица. Видно, что у людей нет ничего святого: ни Бога, ни закона, ни совести. Отец с матерью — дураки и дрянь, с них можно только тянуть последнюю копейку, проводя дни в табачном дыму, в истерическом и злом празднословии, а ночи — с девкой и за водкой. Отечество у них — пустой звук. Чувство народности — глупость и идиотизм. Вера в Бога — низость и подлость. Армия — злоупотребление. Честность — бесмыслица. Ученье, как оно везде на свете идет, — отсталая ветошь. Таланты и искусство — ненужная блажь. Надо прибавить к этому страшную ненависть к состоятельным

людям. Если даже добились они благополучия своим трудом, то тем не менее им нет другого названия, как кровопийцы, эксплуататоры, ибо несчастные, сбитые с толку жидами, совершенно лишены воли...»⁵¹⁹

Причины нравственной деградации русских студентов правомонархисты традиционно находили и в негативном влиянии на них еврейских однокашников: провоцируя «русских студентов к оплевыванию православного Закона Божия, они сами трепещут перед своими раввинами, убивая в нас веру в Бога, они фанатично держатся своего талмуда. Одобряя лентяев, они сами усердно учатся. Научая русских космополитизму, евреи достойно держатся своей национальности. Сея раздор между русскими, евреи теснейшим образом сплочены». Уязвимость студенческой молодежи для передовых учений объяснялась отрывом от сословных корней. В результате анализа состояния русской школы черносотенцы приходили к выводу: «...оболваненный еврейским духом в средней школе русский юноша идет в университет со скучным запасом познаний и оторванный от родной почвы и родных преданий, это несчастный и бессознательный мяч в еврейских руках»⁵²⁰. По утверждениям черносотенной прессы, евреи намеренно развращали русскую молодежь для ликвидации будущих конкурентов на рынке труда: «Что удивительного, если, после последовательного погубления русской молодежи, жиды оказываются самыми “способными, работающими, деловитыми” и т. п. Что удивительного, если впоследствии они начинают заполнять все места, делаются лейб-евреями и оказываются незаменимыми»⁵²¹.

5. Поощрение пьянства. Очередной причиной духовной деградации русского народа, потери им религиозного и национального облика стала пагубная деятельность бюрократии по его целенаправленному спаиванию. «...Народ от пьянства отравляется, расслабляется и глупое потомство

дает, часто зараженное дурными болезнями. Пьянство способствует вырождению народа. От одного могущественного народа в Сибири осталось только 200 человек», — писала в апреле 1908 г. черносотенная пресса⁵²².

Монархисты были тревогу, указывая, что пьянство угрожало национальным устоям страны, так как «удручающим образом повлияло на общественную нравственность со всех сторон ее проявления: шутка сказать, число преступлений за последние 2—3 года увеличилось на 500 процентов, вызвало равнодушие к вере и вместе с ее упадком вытравило патриотизм не только у населения, но и в армии, отказывающейся защищать общество от внутренних смут и громогласно заявляющей, что впредь не встанет и на защиту Родины от внешних врагов»⁵²³. Указывалось, что революция была прямым следствием пьянства: «Сравнительно еще недавно великая, сильная страна, благодаря алкоголю, утратила силу сопротивления всякому социальному злу, потеряла государственную стойкость и снизошла до положения чуть ли не полного политического ничтожества»⁵²⁴.

Главным виновником народной беды вновь назывался чиновничий аппарат, ставивший свои корпоративные интересы выше национальных и государственных. Национальный индифферентизм толкал его на пополнение бюджета за счет здоровья населения: «В кругу о доходах поражает, что водка дает несравненно больше дохода государству, чем вся русская земля. Казенная винная монополия дает семьсот миллионов рублей дохода, а все налоги с недвижимым имуществом и подать только 90 миллионов, то есть водка дает государству в восемь раз больше доходу, чем вся земля»⁵²⁵. Источником для таких рассуждений стал лист издания Сытина, обозначивший доходы и расходы государства. Несмотря на недостоверность содержащихся в нем сведений, для правомонархистов это был

очередной шанс атаковать правительство за неэффективность управления страной: «Железные дороги дают много дохода (530 млн), но и много проедают (517 млн), так что дохода государству от них мало.. То ли дело винная монополия. Та, по крайней мере, не пропивает сама себя, а дает чистого дохода 450 миллионов. А если бы вдруг народ прозрел и, убедившись во вреде водки, перестал бы пьянствовать, откуда тогда взялись бы деньги на армию, на которую расходуется ежегодно почти 500 млн рублей, и на государственные долги 360 млн рублей?»⁵²⁶ «Не забудьте, г. бюрократы, — предупреждали черносотенцы, — что если не вам самим, то вашим детям и внукам придется жестоко расплачиваться за вашу вредную эгоистическую деятельность»⁵²⁷.

Свою лепту в спаивание народа вносили и оппозиционные политические силы. Показательно, что черная сотня бросилась на борьбу с алкоголизмом на спаде революции — в конце 1907—1908 гг., обвинив своих политических оппонентов «в непомерном развитии пьянства, как и в страшном озверении деревенской молодежи»⁵²⁸. Основания для таких утверждений давала статистика, свидетельствовавшая, что в годы революции продажа водки увеличилась вдвое. Черносотенная пресса приводила примеры: «Все помнят, что проповедники революции прежде всего привозили с собой водку. Не было “митинга”, на котором даровая водка не предлагалась бы щедрой рукой»; «Не столько хлеба раздавалось социал-демократами и иными революционными партиями бастующим рабочим, сколько водки»; «...революционная пропаганда, которая подготовляла в России кровавые года смут, мятежей и разбоев, избрала водку своим главным орудием»⁵²⁹.

Спаивание как средство революционирования масс, по мнению правых публицистов, русские революционеры заимствовали у своих французских коллег: «Парижская

коммуна была своего рода припадком белой горячки, вызванной длительным опаиванием так называемой “национальной гвардии”, т. е. тех 300 тысяч французских рабочих, которые, оставшись без работы — а следовательно и без хлеба, — во время осады Парижа попали на службу государству, получая ежедневную вполне приличную плату под предлогом “военной” службы, которую они не несли, ограничиваясь политической болтовней по трактирам, и не участвовали ни в одной вылазке. За время осады рабочее население Парижа, честное, трудолюбивое, полное любви к Отечеству, со знанием долга окончательно развратилось, благодаря именно спаиванию всевозможными “народными благодетелями”, живущими припеваючи именно тогда, когда народ — настоящий народ — начинает “класть зубы на полку”. В осажденном Париже не хватало хлеба, не было ни мяса, ни крупы, ни съестного, но спирту и вина было сколько угодно»⁵³⁰.

Черносотенцы утверждали, что в России революционные события развивались по тому же сценарию: «Мы все, пережившие 1905—1906 годы, своими глазами видели на улицах Петербурга, Москвы, Одессы и т. д. студентов и барышень-курсисток с корзинками, полными “мерзавчиками”, шныряющими по квартирам голодающих рабочих. На всех митингах, на всех тайных собраниях водка всегда была...»⁵³¹ Газета «Русское знамя» ставила вопрос: «Почему в ужасные годы забастовок и смут, т. е. разорения и бедности, доходы монополии возросли в такой степени? Что ответят на этот вопрос наши красные и розовые проповедники трезвости?» Правые публицисты писали, что умыщенное и сознательное спаивание населения было средством революционеров по вербовке себе новых членов: «К социал-демократам и социал-революционерам, к анархистам и республиканцам обращайтесь теперь с упреками в спаивании народа русского, а уж никак не к моно-

полии, являющейся все-таки единственным средством следить, регулировать, а затем с Божьей помощью и обуздывать пьяное бедствие»⁵³².

В спаивании народа традиционно были обвинены и евреи, открывшие в России широкую сеть пивных и шинкарных: «Не в первый раз, конечно, и не в одной России пьянство стало излюбленным помощником одураченных агентов масонства, воображающих, что работают сами от себя и на себя, работая исключительно для жадного и жестокого племени, мечтающего поработить все человечество»⁵³³. Черносотенцы усматривали в этом злой умысел, направленный на деградацию народа-хозяина: «Ну и пропивается народ российский, а жиды жиреют, как и подобает “гонимой расе”»⁵³⁴. Указывалось на торговлю евреями водкой в Западной Руси со времен польского владычества, захваченный им шинкарный промысел на западе и юге империи, ведшийся беспатентно и тайно. В поощрении евреями пьянства в южнорусских и западных губерниях, в прямом сужении на это денег местным крестьянам и ремесленникам черносотенцы видели скрытую попытку забрать нажитое местным населением добро и землю⁵³⁵.

Желая перенести вину за алкоголизацию населения на евреев, черносотенцы приходили к выводу, что спаивание происходило не в «монопольных» заведениях, а в тайных еврейских шинкарнях: «...не в монопольных, а в тайном кормчестве погибель веры и нравственности и развитие духовного разврата, подорвавшего силу воли и твердость духа в крестьянской среде»⁵³⁶. Причастность к этому виду бизнеса имели и бундисты, намерено опустошившие карманы христиан для формирования социальной базы восстания. Источником водки для тайного кормчества стала «контрабанда, которая в пограничных местах (до сотни верст вглубь страны, а по рекам и того далее) доставляет тайным шинкарням спирт, специально изготовленным

заводами значительно дешевле монопольного»⁵³⁷. Масштабы наносимого казне ущерба принимали огромные размеры: «Можете ли вы себе представить, что, например, в городе Стародубье из одного склада продавалось 70 тыс. бутылок пива в год, из них 60—70% шло для бесплатной торговли евреев в городе и окрестностях»⁵³⁸. Крайне правые предупреждали, что в случае предоставления евреям равноправия пьяньство захлестнет всю Россию, что поставит на грань вымирания другие народы империи.

Таким образом, исходя из определения русского народа по принадлежности к православной вере, основную причину разложения русского народа черносотенцы видели в растущей секуляризации российского общества, проводниками которой являлись управляющая (бюрократия) и интеллектуальная (интеллигенция) элиты, деятельность которых проявлялась в подрыве позиций РПЦ, сферы образования и нравственности. Факторами, способствовавшими духовному разложению русского народа, являлись присущие ему национально-характерологические черты, а именно: пассивность, аполитичность, неопытность, склонность к розни, отсутствие солидарности и сплоченности. Специфика подходов правомонархистов к указанной проблеме состояла в признании ими негативного влияния на державный народ со стороны национальных меньшинств, в первую очередь евреев.

Библиографические ссылки

¹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 58.

² Там же. С. 55.

³ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. М., 2007. С. 130.

⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. № 46/2. № 981/33.

⁵ Русское знамя. 1912. 13 октября.

⁶ Там же.

⁷ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.

⁸ Там же.

⁹ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. М., 2001. С. 305.

¹⁰ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Русское знамя. 1907. 13 мая.

¹⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (№№ 8913 и 13315).

¹⁵ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 года в г. Москве. СПб., 1912. С. 28.

¹⁶ Сборник съезда русских людей в Москве. 24 сентября—4 октября 1909. М., 1910.

¹⁷ Русское знамя. 1916. 25 февраля.

¹⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. Т. 27. Л., 1984. С. 75.

¹⁹ Ильин И. А. Собр. соч. М., 2001. С. 273.

²⁰ Русское знамя. 1907. 11 марта.

²¹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).

²² Алексеев А.В. Духовно-нравственное состояние русского общества конца XIX—начала XX века: историко-конфессиональный (православный) взгляд: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

²³ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914. С. 3.

²⁴ Русское знамя. 1907. 29 июня.

²⁵ Бартенев Ю.П. Помраченный идеал. М., 1907. С. 2.

²⁶ Русское знамя. 1909. 10 сентября.

- ²⁷ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ²⁸ Русское знамя. 1908. 22 июля.
- ²⁹ Там же. 1907. 13 мая.
- ³⁰ Труды Всероссийского монархического совещания в Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.
- ³¹ Русские ведомости. 1909. 2 октября.
- ³² Там же. 1916. 9 января.
- ³³ Там же. 1907. 13 мая.
- ³⁴ Степанов С. А. Черная сотня в России. 1905—1914 гг. М., 1992. С. 22.
- ³⁵ Русское знамя. 1907. 11 марта.
- ³⁶ Там же. 1913. 2 апреля.
- ³⁷ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 75—78.
- ³⁸ Русское знамя. 1908. 20 января.
- ³⁹ Земшина. 1910. 10 июня.
- ⁴⁰ Русское знамя. 1908. 25 июля.
- ⁴¹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 86—89.
- ⁴² Аксаков К. С. Собр. соч. Т. I. М., 1889. С. 18.
- ⁴³ Хомяков Д. А. Православие, самодержавие, народность. Минск, 1997. С. 125.
- ⁴⁴ Русское знамя. 1907. 5 ноября.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ⁴⁷ Репников А. В. Русский консерватизм: pro et contra // Хронос [Электронный ресурс]. М., 2011. Режим доступа: http://www.hrono.ru/proekty/parus/rep_pro.php.
- ⁴⁸ Репников А. В. Русская консервативная мысль о проблемах государственности // Хронос [Электронный ресурс]. М., 2011. Режим доступа: <http://www.hrono.info/proekty/romanov/1rc08.php>

- ⁴⁹ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. Ч. I. М., 1905. С. 12.
- ⁵⁰ Русское знамя. 1908. 17 июля.
- ⁵¹ Там же. 1907. 13 мая.
- ⁵² Там же. 1908. 15 января.
- ⁵³ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. С. 162.
- ⁵⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ⁵⁵ Русское знамя. 1911. 18 мая.
- ⁵⁶ Там же. 1909. 19 сентября.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. 1907. 12 апреля.
- ⁵⁹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 87.
- ⁶⁰ Русское знамя. 1907. 16 октября.
- ⁶¹ Там же. 1913. 5 февраля.
- ⁶² Там же. 1916. 1 декабря.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. 25 декабря.
- ⁶⁵ Там же. 1 декабря.
- ⁶⁶ Там же. 1913. 16 марта.
- ⁶⁷ Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений. В 5 т. М., 1914. Т. IV. С. 516.
- ⁶⁸ Русское знамя. 1908. 25 июля.
- ⁶⁹ Алексеев И. Е. Царско-народное мусульманское общество в Казанской губернии // Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность: Тезисы докладов Республиканской научной конференции. Казань: «Kazan — Казань», 1995. С. 18.
- ⁷⁰ Союз русского народа. М.-Л., 1929. С. 296—297.
- ⁷¹ Русское знамя. 1912. 6 октября.

- ⁷² Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ⁷³ Русское знамя. 1912. 6 октября.
- ⁷⁴ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Русское знамя. 1916. 1 декабря.
- ⁷⁹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 89.
- ⁸⁰ Русское знамя. 1909. 17 октября.
- ⁸¹ Там же. 1907. 9 декабря.
- ⁸² Степанов С. А. Черная сотня. С. 31—32.
- ⁸³ Русское знамя. 1913. 19 февраля.
- ⁸⁴ Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. IV. С. 515.
- ⁸⁵ Русское знамя. 1916. 9 января.
- ⁸⁶ Степанов С. А. Черная сотня. С. 32.
- ⁸⁷ Черная сотня: историческая энциклопедия. 1900—1917. М., 2008.
- ⁸⁸ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 89; Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 138; и др.
- ⁸⁹ Русское знамя. 1916. 25 декабря; Вече. 1909. 30 сентября.
- ⁹⁰ Русское знамя. 1907. 29 марта.
- ⁹¹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 121.
- ⁹² Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 677.
- ⁹³ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 17.
- ⁹⁴ Вестник Союза русского народа. СПб., 1912. № 104.
- ⁹⁵ Руководство черносотенца-монархиста. Кременчуг: Изд. СРН, 1906. С. 4.
- ⁹⁶ Русское знамя. 1908. 25 июля.
- ⁹⁷ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 121.

- ⁹⁸ Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ⁹⁹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ¹⁰⁰ Прямой путь. СПб., 1912. Вып. V (май).
- ¹⁰¹ Русское знамя. 1907. 22 февраля.
- ¹⁰² Степанов С. А. Черная сотня в России. М., 2005. С. 16—17.
- ¹⁰³ Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские! Сост. А. Д. Степанов. М., 2008. С. 26.
- ¹⁰⁴ Русское знамя. 1908. 17 июля.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ¹⁰⁷ Русское знамя. 1907. 22 декабря.
- ¹⁰⁸ Чернавский М. Ю. Сверхкраткие тезисы о консерватизме // Научный поиск в решении проблем учебно-воспитательного процесса в современной школе. Тезисы докладов конференции студентов, молодых ученых и учителей (Москва, 1997 г.). Выпуск III. М., 1998. С. 312—314.
- ¹⁰⁹ Русское знамя. 1907. 22 декабря.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. IV. С. 542.
- ¹¹² ГАРФ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 1. Л. 675.
- ¹¹³ Там же. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 358. Л. 15.
- ¹¹⁴ Русское знамя. 1912. 14 июля.
- ¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 677.
- ¹¹⁶ Русское знамя. 1908. 22 июля.
- ¹¹⁷ Там же. 1910. 28 августа.
- ¹¹⁸ Там же. 1908. 22 июля.
- ¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 50—51.
- ¹²⁰ Русское знамя. 1907. 22 июля.
- ¹²¹ Там же. 29 марта.

- ¹²² Устав и основоположения Союза русского народа. М., 1906. С. 8.
- ¹²³ Русское знамя. 1908. 25 июля.
- ¹²⁴ Государственная Дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995. С. 39.
- ¹²⁵ Русское знамя. 1911. 27 апреля.
- ¹²⁶ Там же. 27 мая.
- ¹²⁷ Там же. 1909. 11 апреля.
- ¹²⁸ Там же. 8 сентября.
- ¹²⁹ Там же. 1907. 29 июля.
- ¹³⁰ Там же. 1 мая.
- ¹³¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Л. 853. Ч. 55.
- ¹³² Русское знамя. 1908. 25 июля.
- ¹³³ Там же. 1907. 17 августа.
- ¹³⁴ Там же. 1910. 28 августа.
- ¹³⁵ Там же. 1911. 26 мая.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Цит по: Русское знамя. 1907. 21 июня.
- ¹⁴¹ Русское знамя. 1911. 4 февраля.
- ¹⁴² Там же. 1907. 1 февраля.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Там же. 1909. 8 сентября.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ Там же. 1907. 2 сентября.
- ¹⁴⁷ Там же. 21 июня.
- ¹⁴⁸ Там же. 21 августа.
- ¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Л. 853. Ч. 55.
- ¹⁵⁰ Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил А. Блок. Пг., 1921. С. 129—130.
- ¹⁵¹ Русское знамя. 1908. 25 июля.

¹⁵² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.

¹⁵³ Вече. 1909. 30 сентября.

¹⁵⁴ Русское знамя. 1911. 18 мая.

¹⁵⁵ Там же. 1909. 11 апреля.

¹⁵⁶ Там же. 1911. 18 мая.

¹⁵⁷ Там же. 1909. 19 сентября.

¹⁵⁸ Там же. 1907. 29 июня.

¹⁵⁹ Там же. 1911. 26 мая.

¹⁶⁰ Там же. 1907. 28 февраля.

¹⁶¹ Там же. 24 января.

¹⁶² Там же. 1911. 9 марта.

¹⁶³ Там же. 1907. 22 февраля.

¹⁶⁴ Там же. 27 мая.

¹⁶⁵ Там же. 13 апреля.

¹⁶⁶ Там же. 22 февраля.

¹⁶⁷ Там же. 13 апреля.

¹⁶⁸ Там же. 2 декабря.

¹⁶⁹ Там же. 22 февраля.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же. 1911. 27 апреля.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. 1907. 2 сентября.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф 1741. № 13409.

¹⁸¹ Русское знамя. 1913. 16 марта.

¹⁸² Там же. 1906. 9 января.

¹⁸³ Там же. 1907. 21 августа.

¹⁸⁴ Там же. 1911. 27 апреля.

¹⁸⁵ Там же. 1907. 22 августа.

¹⁸⁶ Там же. 1909. 8 сентября.

¹⁸⁷ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. С. 3.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. II д-во. 1906. Д. 186. Л. 12.

¹⁸⁹ Русское знамя. 1909. 18 сентября.

¹⁹⁰ Там же. 1908. 22 июля.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же. 1911. 4 февраля.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же. 1908. 27 апреля.

¹⁹⁵ Там же. 22 июля.

¹⁹⁶ Там же. 1909. 18 сентября.

¹⁹⁷ Там же. 1907. 29 марта.

¹⁹⁸ Русский Монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. С. 3.

¹⁹⁹ Русское знамя. 1909. 18 сентября.

²⁰⁰ Там же. 1907. 5 октября.

²⁰¹ Там же. 29 марта.

²⁰² Вестник Русского собрания. 1906. 22 сентября.

²⁰³ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.

²⁰⁴ Русское знамя. 1911. 27 апреля.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же. 1907. 5 октября.

²⁰⁷ Там же. 1913. 10 января.

²⁰⁸ Там же. 1907. 29 марта.

²⁰⁹ Там же. 22 февраля.

²¹⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675.

²¹¹ Русское знамя. 1907. 5 октября.

²¹² Там же. 1910. 20 января.

²¹³ Вестник Русского собрания. 1906. 22 сентября.

²¹⁴ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675.

²¹⁵ Русское знамя. 1907. 1 декабря.

²¹⁶ Там же. 20 апреля.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же. 1916. 25 декабря.

²²⁰ Там же. 1907. 20 апреля.

²²¹ Там же. 1908. 9 июля.

²²² Там же.

²²³ Там же. 25 июля.

²²⁴ Там же. 1907. 11 октября.

²²⁵ Там же. 1911. 26 мая.

²²⁶ Там же. 1907. 20 мая.

²²⁷ Из отчета о перлюстрации Департамента полиции за 1908 г. // Красный архив. Т. 2 (28). М.—Л., 1928. С. 146—147.

²²⁸ Русское знамя. 1913. 25 сентября.

²²⁹ Там же. 1911. 1 мая.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же.

²³² Там же. 26 мая.

²³³ Там же.

²³⁴ Там же. 19 мая.

²³⁵ Там же. 26 мая.

²³⁶ Там же. 1907. 20 января.

²³⁷ Там же. 1911. 26 мая.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Там же. 18 мая.

²⁴⁰ Там же. 1908. 29 августа.

²⁴¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 677.

²⁴² Русское знамя. 1907. 22 февраля.

²⁴³ Там же. 9 февраля.

²⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1911. Д. 244. Л. 27.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

²⁴⁷ Там же. Ф. 102. Оо. 1911. Д. 244. Л. 25.

²⁴⁸ Там же. Л. 27.

²⁴⁹ Вестник Русского собрания. СПб., 1906. 24 ноября.

²⁵⁰ Русское знамя. 1907. 22 февраля.

²⁵¹ Там же. 1 февраля.

²⁵² ГАРФ. Ф. 1741. № 13409.

²⁵³ Русское знамя. 1908. 17 июля.

²⁵⁴ Степанов С. А. Черная сотня в России. С. 28.

²⁵⁵ Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. IV. С. 521.

²⁵⁶ Русское знамя. 1911. 26 февраля.

²⁵⁷ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 75.

²⁵⁸ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. Л. 145—146.

²⁵⁹ Русское знамя. 1909. 8 сентября.

²⁶⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675.

²⁶¹ Русское знамя. 1907. 14 июня.

²⁶² Там же. 1908. 22 июля.

²⁶³ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).

²⁶⁴ Русское знамя. 1908. 17 июля.

²⁶⁵ Там же. 12 января.

²⁶⁶ Там же. 1909. 18 сентября.

²⁶⁷ Там же. 1908. 12 января.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Там же. 1907. 22 августа.

²⁷⁰ Там же. 22 февраля.

²⁷¹ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. I.

²⁷² Русское знамя. 1907. 22 августа.

²⁷³ Там же. 24 января.

²⁷⁴ Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. IV. С. 521.

²⁷⁵ Там же. С. 541.

²⁷⁶ Русское знамя. 1907. 1 февраля.

²⁷⁷ Там же. 22 февраля.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же. 29 марта.

²⁸⁰ Там же. 22 февраля.

²⁸¹ Там же. 1908. 22 июля.

²⁸² Там же. 1907. 22 мая.

²⁸³ Там же. 20 июля.

²⁸⁴ Там же. 1908. 22 июля.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 87–88; Осипов И. Д. Аксиология русского консерватизма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). Сборник статей. Выпуск 1. Под ред. Ю. Н. Солонина. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 115.

²⁸⁷ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полутом I. М.—Пг., 1923. С. 111.

²⁸⁸ Осипов И. Д. Аксиология русского консерватизма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). С. 115.

²⁸⁹ Булгаков С. И. Героизм и подвижничество. Сб. Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 49.

²⁹⁰ Последние дни императорской власти. С. 130.

²⁹¹ Флоровский Г. В. Пути русского богословия // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 287.

²⁹² Русское знамя. 1913. 7 февраля.

²⁹³ Там же. 1911. 18 марта.

²⁹⁴ Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909–1910. М., 1991. С. 318.

²⁹⁵ Русское знамя. 1916. 25 декабря.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Там же. 1908. 25 июля.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 618. Л. 2.

³⁰¹ Русское знамя. 1911. 24 июня.

³⁰² Там же. 18 мая.

³⁰³ Там же. 1909. 10 сентября.

³⁰⁴ Там же. 1908. 25 декабря.

³⁰⁵ Там же. 1911. 22 мая.

³⁰⁶ Там же. 1909. 10 сентября.

³⁰⁷ Там же. 1916. 25 декабря.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Там же. 1 декабря.

³¹⁰ Там же. 1911. 18 марта.

³¹¹ Там же. 1908. 25 декабря.

³¹² Там же. 1911. 9 марта.

³¹³ Там же. 1908. 28 августа.

³¹⁴ Там же. 1911. 18 марта.

³¹⁵ Там же. 1908. 28 августа.

³¹⁶ Там же. 22 июля.

³¹⁷ Там же. 28 августа.

³¹⁸ Там же. 22 июля.

³¹⁹ Там же. 1907. 30 сентября.

³²⁰ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 452.

³²¹ Русское знамя. 1908. 28 августа.

³²² Там же.

³²³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV.

Л. 133.

³²⁴ Степанов С. А. Черная сотня в России. С. 44—47.

³²⁵ Русское знамя. 1911. 27 мая.

³²⁶ Там же. 18 мая.

³²⁷ Там же. 1907. 29 июля.

³²⁸ Там же. 27 июля.

³²⁹ Куда временщики ведут Союз русского народа. СПб., 1910. С. 614—615.

³³⁰ Русское знамя. 1907. 25 декабря.

³³¹ Там же. 1911. 26 мая.

³³² Там же. 1908. 22 июля; 1907. 16 февраля.

³³³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).

³³⁴ Там же.

³³⁵ Русское знамя. 1908. 28 августа.

³³⁶ Там же. 1907. 4 октября.

³³⁷ ГОПБ. ОКР. Кор. 46/1. № 1100/28.

³³⁸ Русское знамя. 1908. 25 июля.

³³⁹ Там же. 1916. 25 декабря.

³⁴⁰ Там же. 1908. 5 марта.

³⁴¹ Вестник Союза русского народа. 1912. № 102.

³⁴² Прямой путь. 1912. Вып. V (май).

³⁴³ Табак Ю. Отношение Русской Православной Церкви к евреям: история и современность // Диа-Логос 1998—1999. М., 1999.

³⁴⁴ Русское знамя. 1916. 25 декабря.

³⁴⁵ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).

³⁴⁶ Русское знамя. 1911. 4 февраля.

³⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.

³⁴⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 58804.

³⁴⁹ Русское знамя. 1910. 15 января.

³⁵⁰ Там же. 1909. 10 сентября.

³⁵¹ Там же. 1907. 26 сентября.

³⁵² Там же.

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ Там же. 1909. 10 сентября.

³⁵⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 150—151.

³⁵⁶ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.

³⁵⁷ Русское знамя. 1910. 20 января.

³⁵⁸ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.

³⁵⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 191. Л. 5.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Там же.

³⁶² Франк С. Л. Умственный склад, личность и воззрения П. Б. Струве // С. Франк. Непрочитанное. М., 2001. С. 573.

³⁶³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).

³⁶⁴ Русское знамя. 1916. 25 декабря.

³⁶⁵ Там же. 1908. 28 августа.

³⁶⁶ Там же. 25 июля.

³⁶⁷ Там же. 1910. 20 января.

³⁶⁸ Там же. 1909. 19 сентября.

³⁶⁹ Лев Толстой и русские цари. М., 1995. С. 106.

³⁷⁰ Русское знамя. 1907. 2 декабря.

³⁷¹ Там же. 1908. 22 июля.

³⁷² Там же.

³⁷³ Репников А. В. Консервативная модель переустройства России // Вестник Фонда развития политического центризма, июнь 2000, № 2 (23). Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. Вып. 2. М., 2000. С. 4—28.

³⁷⁴ Он же. Консервативная концепция российской государственности. С. 87—88.

³⁷⁵ Русское знамя. 1907. 12 июля.

³⁷⁶ Там же. 1909. 30 мая.

³⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 17.

³⁷⁸ Последние дни императорской власти. С. 127—128.

³⁷⁹ Русское знамя. 1911. 6 мая.

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ Там же. 20 января.

³⁸² Там же. 6 мая.

³⁸³ Там же. 1907. 24 октября.

³⁸⁴ Там же. 1908. 22 июля.

³⁸⁵ Там же. 1907. 12 июля.

³⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 17.

³⁸⁷ Там же. ОО. Оп. 265. 1916. Д. 610. Л. 100.

³⁸⁸ Русское знамя. 1907. 24 октября.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Там же. 1909. 1 мая.

³⁹¹ Там же.

³⁹² Там же.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Там же. 10 сентября.

³⁹⁵ Там же. 1909. 1 мая.

³⁹⁶ Размолодин М. Л. Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905—1914 гг. (на материалах Ярославской, Костромской и Владимирской губерний). Ярославль, 2001. С. 29—31.

³⁹⁷ Селезнева Л. В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов-на-Дону, 1995. С. 174.

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ Русское знамя. 1907. 9 июля.

⁴⁰⁰ Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 279.

⁴⁰¹ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).

⁴⁰² Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 87—88.

⁴⁰³ ГОБП. ОРК. Кор. 46/1. № Ц58654.

⁴⁰⁴ Русское знамя. 1916. 1 декабря.

⁴⁰⁵ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).

⁴⁰⁶ Русское знамя. 1916. 1 декабря.

⁴⁰⁷ Селезнева Л. В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. С. 174.

⁴⁰⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 9.

⁴⁰⁹ Русское знамя. 1916. 1 декабря.

⁴¹⁰ Там же. 1908. 25 июля.

⁴¹¹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381//33.

⁴¹² Русское знамя. 1907. 17 февраля.

⁴¹³ Из отчета о перлюстрации Департамента полиции за 1908 г. // Красный архив. Т. 2(28). М.—Л., 1928. С. 146—147.

⁴¹⁴ Колокол. 1908. № 642. Приложение.

⁴¹⁵ Русское знамя. 1909. 10 сентября.

⁴¹⁶ Там же. 17 октября.

⁴¹⁷ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам Высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914.

⁴¹⁸ Русское знамя. 1907. 13 декабря.

⁴¹⁹ Там же. 24 января.

⁴²⁰ Там же. 1908. 3 апреля.

⁴²¹ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914.

⁴²² Бартенев Ю. П. Помраченный идеал. М., 1907. С. 2.

⁴²³ Русское знамя. 1907. 29 июля.

⁴²⁴ Там же. 11 сентября.

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Там же. 29 июля.

⁴²⁷ Земшина. 1911. 26 апреля.

⁴²⁸ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).

⁴²⁹ Русское знамя. 1907. 6 апреля.

⁴³⁰ Там же. 1913. 9 марта.

⁴³¹ Там же. 28 марта.

⁴³² ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 358. Л. 16.

⁴³³ Там же.

⁴³⁴ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).

⁴³⁵ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914.

⁴³⁶ Русское знамя. 1908. 24 июля.

⁴³⁷ Там же. 1916. 25 декабря.

⁴³⁸ Там же. 1910. 20 января.

⁴³⁹ Там же. 1908. 22 июля.

⁴⁴⁰ Там же. 1909. 10 сентября.

⁴⁴¹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).

⁴⁴² Колокол. 1909. 29 сентября.

⁴⁴³ Куда временщики ведут Союз русского народа. С. 614—615.

⁴⁴⁴ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 98—99.

⁴⁴⁵ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 в г. Москве. СПб., 1912.

⁴⁴⁶ Земщина. 1911. 26 апреля.

⁴⁴⁷ Русское знамя. 1911. 18 мая.

⁴⁴⁸ Цит по: Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев (биографический очерк). М., 1874. С. 191—192.

⁴⁴⁹ Русское знамя. 1911. 9 марта.

⁴⁵⁰ Колокол. СПб. 1909. 29 сентября.

⁴⁵¹ Русское знамя. 1913. 17 февраля.

⁴⁵² Там же. 1916. 25 февраля.

⁴⁵³ Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.

⁴⁵⁴ Вече. 1909. 18 октября.

⁴⁵⁵ Русское знамя. 1913. 17 февраля.

⁴⁵⁶ Там же.

⁴⁵⁷ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 в г. Москве. СПб., 1912.

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ Русское знамя. 1913. 17 февраля.

⁴⁶⁰ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 в г. Москве. СПб., 1912.

⁴⁶¹ Русское знамя. 1907. 4 апреля.

⁴⁶² Там же. 1908. 13 января.

⁴⁶³ Там же. 4 января.

⁴⁶⁴ Там же. 13 января.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Там же. 4 января.

⁴⁶⁸ Там же. 13 января.

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ Там же. 1907. 21 августа.

⁴⁷¹ Там же. 1908. 5 января.

⁴⁷² Там же. 1907. 4 октября.

⁴⁷³ Там же. 1909. 10 сентября.

⁴⁷⁴ Там же. 1907. 14 февраля.

⁴⁷⁵ Там же. 1909. 10 сентября.

⁴⁷⁶ Там же. 1907. 9 декабря.

⁴⁷⁷ Там же. 1909. 10 сентября.

⁴⁷⁸ Там же. 1912. 1 сентября.

⁴⁷⁹ Там же.

⁴⁸⁰ Там же. 1907. 4 октября.

⁴⁸¹ Там же. 1912. 1 сентября.

⁴⁸² Там же. 1907. 19 декабря.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Там же. 4 октября.

⁴⁸⁵ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 5926ЦХ).

⁴⁸⁶ Русское знамя. 1908. 4 января.

⁴⁸⁷ Там же. 1907. 4 октября.

⁴⁸⁸ Там же. 1909. 19 сентября.

⁴⁸⁹ Там же. 1912. 1 сентября.

⁴⁹⁰ Там же.

- ⁴⁹¹ Там же. 1908. 19 августа.
⁴⁹² Там же. 15 января.
⁴⁹³ Там же. 1911. 22 мая.
⁴⁹⁴ Там же. 1907. 5 апреля.
⁴⁹⁵ Там же. 1911. 26 июня.
⁴⁹⁶ Там же. 1907. 4 декабря.
⁴⁹⁷ Там же. 1911. 29 июня.
⁴⁹⁸ Там же. 1908. 19 августа.
⁴⁹⁹ Там же.
⁵⁰⁰ Там же. 1907. 24 января.
⁵⁰¹ Там же. 1908. 29 августа.
⁵⁰² Там же. 1911. 28 июля.
⁵⁰³ Там же.
⁵⁰⁴ Там же.
⁵⁰⁵ Там же. 1907. 25 ноября.
⁵⁰⁶ Там же. 15 мая.
⁵⁰⁷ Там же. 1912. 1 сентября.
⁵⁰⁸ Там же. 1908. 4 января.
⁵⁰⁹ Там же.
⁵¹⁰ Там же. 1907. 28 ноября.
⁵¹¹ Там же. 1908. 4 января.
⁵¹² Там же. 1909. 10 сентября.
⁵¹³ Там же. 1912. 1 сентября.
⁵¹⁴ Там же. 1907. 28 ноября.
⁵¹⁵ Там же.
⁵¹⁶ Там же. 1908. 4 января.
⁵¹⁷ Там же.
⁵¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
⁵¹⁹ Русское знамя. 1907. 4 октября.
⁵²⁰ Там же.
⁵²¹ Там же.
⁵²² Там же. 1908. 3 апреля.
⁵²³ Там же. 1907. 3 июля.
⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Там же. 1908. 3 апреля.

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ Там же. 1907. 3 июля.

⁵²⁸ Там же. 1912. 18 сентября.

⁵²⁹ Там же. 1913. 7 мая.

⁵³⁰ Там же.

⁵³¹ Там же.

⁵³² Там же.

⁵³³ Там же.

⁵³⁴ Там же. 1908. 19 августа.

⁵³⁵ Там же. 5 марта.

⁵³⁶ Там же. 1912. 18 сентября.

⁵³⁷ Там же.

⁵³⁸ Там же. 1908. 19 августа.